

ALMANACCO LETTERARIO

Conoscere Eurasia Edizioni

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Издательство «Познаём Евразию»

Банк Интеза – российский дочерний банк Группы Интеза Санпаоло, которая является одной из крупнейших банковских групп в еврозоне и абсолютным лидером рынка банковских услуг Италии.

В России Интеза Санпаоло представлена уже более сорока лет – в конце шестидесятих годов прошлого века в Москве было открыто Представительство банка «Банка Коммерциале Итальяна», которое стало первым Представительством иностранного банка в СССР.

Банк Интеза предоставляет широкий спектр банковских услуг предприятиям и частным лицам в 25 регионах России от Калининграда до Владивостока.

Принципы социальной ответственности лежат в основе деятельности Банка Интеза и Группы Интеза Санпаоло, которая поддерживает проекты в области культуры и искусства в Италии, в России и в других странах своего присутствия.

Генеральная лицензия Банка России № 2216
Интернет-сайт ЗАО «Банк Интеза» – www.bancaintesa.ru

Banca Intesa è la sussidiaria russa del Gruppo Intesa Sanpaolo, il maggiore gruppo bancario in Italia e uno dei principali in Europa.

In Russia il Gruppo vanta una presenza di oltre 40 anni: alla fine degli anni Sessanta a Mosca venne aperto l'Ufficio di Rappresentanza della Banca Commerciale Italiana, la prima rappresentanza di una banca straniera in URSS.

Banca Intesa offre una gamma completa di prodotti e servizi bancari ai clienti privati e alle aziende sul territorio di 25 regioni del Paese da Kaliningrad a Vladivostok.

Lo spirito di responsabilità sociale è fondamentale per l'attività di Banca Intesa e del Gruppo Intesa Sanpaolo, che promuove iniziative culturali in Italia, in Russia e negli altri Paesi dove il Gruppo è presente.

Licenza Bancaria della Banca di Russia № 2216
Sito Internet di Banca Intesa è www.bancaintesa.ru

Conoscere Eurasia Edizioni

III

Издательство «Познаём Евразию»

Associazione Conoscere Eurasia

Conoscere Eurasia è un'Associazione senza fine di lucro costituita per sviluppare relazioni culturali e rapporti sociali ed economici prevalentemente tra l'Italia e la Federazione Russa e, inoltre, con l'area geopolitica euroasiatica nella quale la Russia ha un ruolo storico attivo, dalla Bielorussia al Kazakistan sino alla Cina e all'India. Viene stabilita, quindi, una proficua collaborazione con la Comunità Economica Euroasiatica a cui aderiscono Russia, Bielorussia, Kazakistan, Kirghizistan, Tagikistan e Uzbekistan.

Fra i soci onorari dell'Associazione si annoverano il Ministero degli Affari Esteri della Federazione Russa e il Segretario Generale della Comunità Economica Euroasiatica.

Molto stretto è il legame con l'Istituto Letterario A.M. Gor'kij per il comune programma di amicizia tra i popoli.

L'Associazione è aperta a tutti, privati, enti e società interessati ad apportare idee, progetti, iniziative che consentano un concreto sviluppo di tali rapporti.

Ассоциация «Познаём Евразию»

«Познаём Евразию» является общественной некоммерческой Ассоциацией, учрежденной для развития и углубления культурных связей, общественных и экономических отношений, главным образом, между Италией и Россией, а также другими странами Евразийского региона, от Белоруссии и Казахстана до Китая и Индии. В жизни этих стран исторически Россия играет активную роль и плодотворно сотрудничает в рамках Евразийского экономического сообщества.

В числе почетных членов Ассоциации – Министерство иностранных дел Российской Федерации и Генеральный секретарь Евразийского экономического сообщества.

Очень тесные отношения связывают Ассоциацию с институтом им. А.М. Горького, общей целью которых является дружба между народами.

Ассоциация открыта для сотрудничества со всеми: частными лицами, предприятиями и организациями, которым интересно предложить идеи и проекты, непосредственно способствующие развитию этих отношений.

Литературный институт имени А.М. Горького

Литературный институт имени А.М. Горького – государственное учебное заведение, основанное в 1933 году по инициативе А.М. Горького. Современное название институт получил в 1936 году. С 1942 года приняты очная и заочная формы обучения. С 1953 года при институте действуют Высшие литературные курсы. В 1983 г. институт награжден Орденом Дружбы народов. С 1992 года находится в ведении Министерства образования и науки Российской Федерации.

В настоящее время учебный процесс идет на двух факультетах: очном и заочном – по программам специалиста (квалификации «Литературный работник» и «Литературный работник, переводчик художественной литературы»), бакалавра и магистра.

Система обучения в институте предусматривает изучение курсов гуманитарных и общественных дисциплин, занятия в творческих семинарах по родам и жанрам художественной литературы: проза, поэзия, драматургия, детская литература, литературная критика, очерк и публицистика, перевод художественной литературы.

Институт ведет активную международную деятельность, контактируя со многими профильными зарубежными университетами.

Istituto Letterario A.M. Gor'kij

L'Istituto Letterario A.M. Gor'kij è un istituto statale d'istruzione superiore fondato da Aleksej Maksimovič Gor'kij nel 1933. Nel 1936 fu intitolato al suo fondatore. Dal 1942 i corsi sono diventati accessibili anche ai non frequentanti. Dal 1953 presso l'Istituto si tengono corsi post laurea di letteratura. Nel 1983 è stato premiato con l'Ordine dell'Amicizia dei Popoli. Dal 1992 l'Istituto dipende dal Ministero dell'Istruzione e della Scienza della Federazione Russa.

Attualmente ha due facoltà, con programmi di scuola superiore specialistica negli studi di letteratura e traduzione letteraria, master e dottorato.

La didattica include materie umanistiche e sociali, la formazione nei laboratori creativi dedicati ai diversi tipi e generi letterari: prosa, poesia, teatro, letteratura per ragazzi, critica letteraria, saggistica e pubblicistica, traduzione letteraria.

L'Istituto svolge un'attività internazionale molto attiva, avendo numerosi contatti con altre università straniere.

Direttore editoriale e letterario
Flavio Ermini

Progettazione e cura grafica
Cierre Grafica

Per i singoli racconti © Autori
Per le traduzioni © Traduttori
Per l'Edizione © 2012 Associazione Conoscere Eurasia

Via Achille Forti 10, 37121 Verona, Italia
info@conoscereeurasia.it
www.conoscereeurasia.it

Главный редактор
Флавио Эрмини

Разработка проекта и графическое оформление
Чиэрре Графика

© на рассказы принадлежат авторам произведений
© на переводы принадлежат переводчикам
© 2012 данного издания принадлежат Ассоциации «Познаём Евразию»

Италия 37121 г. Верона ул. Акиллэ Форти, 10
info@conoscereeurasia.it
www.conoscereeurasia.it

ALMANACCO LETTERARIO

Conoscere Eurasia Edizioni

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Издательство «Познаём Евразию»

Antonio Fallico

Presidente dell'Associazione Conoscere Eurasia

L'abbattimento del Muro di Berlino, la rapida e simultanea liquidazione dei Paesi socialisti dell'Europa Centrale e Orientale, e la dissoluzione, come neve al sole, dell'Unione Sovietica hanno dato l'impressione di avere destato il mondo dal lungo letargo della schiavitù del comunismo. Negli ultimi affannosi giorni dell'esistenza dell'URSS, dipinta nella memoria dei liberi uomini dell'Occidente come un immane lager da Kaliningrad a Vladivostok, sembrava che vittime e aguzzini si fossero mobilitati insieme e facessero a gara a denigrare e sbeffeggiare il padre della Rivoluzione di Ottobre. Finalmente sparita, come per incanto, la Cortina di ferro, il sole della libertà illuminava l'intero pianeta destinato agli uomini senza mai tramontare.

Ebbe inizio cioè la palingenesi della Terra, la nuova era di un mondo abitato da esseri viventi felici e non pensanti, nemici giurati di qualunque idea o ideologia e fanatici fustigatori di ogni passione o trasgressione politica.

In questo paradiso terrestre imperava la licenza assoluta tra tutte le creature, animate e inanimate, e si osservava scrupolosamente la selezione naturale tra lupi e agnelli, giganti e nani, bianchi e neri, ricchi e barboni. La vita si svolgeva secondo le sacre e immutabili leggi del mercato, che regolano dalla preistoria in poi il mondo degli uomini e degli dei.

Gli esseri viventi senza pensiero non si resero conto subito di che cosa era accaduto, rimasero impietriti. Poi, lentamente, dilatando le pupille ormai abituate al buio, si accorsero di giacere sotto una enorme montagna di macerie, di rottami, carcasse di auto arrugginite, computer e telefonini antiquati, abiti rattoppati, scarpe di gran marca scalagnate, biancheria lercia a profusione per uso personale, domestico e per toilette, miriadi di flaconi di profumi già evaporati, francesi, italiani, giapponesi e americani. Erano allibiti e impauriti, circondati da branchi di cani randagi e affamati alla ricerca di qualsiasi cosa commestibile che minacciavano rabbiosi di azzannare gli inermi umani

Антонио Фаллико
Президент Ассоциации «Познаём Евразию»

После того, как пала Берлинская стена, социализм стремительно и синхронно ликвидирован в странах Центральной и Восточной Европы, а Советский Союз растаял, как снег на солнце, – возникло ощущение, что мир пробудился от долгого летаргического сна, от коммунистического рабства. В последние лихорадочные дни существования СССР, запечатлевшегося в памяти свободных людей Запада как огромный лагерь протяженностью от Калининграда до Владивостока, казалось, что жертвы и мучители объединились в едином порыве, чтобы очернить и поносить отца Октябрьской революции.

Словно по волшебству исчез железный занавес, и предназначенное всем солнцем свободы осветило планету, чтобы никогда больше не меркнуть. Это стало началом, возрождением Земли, новой эры мира, населенного счастливыми и безмятежными существами, заклетыми врагами любой идеи или идеологии и фанатичными обличителями политических страстей.

В этом земном раю над всеми существами, разумными и неразумными, властвовала воля, и для всех, будь то волки или овцы, великаны или гномы, черные или белые, богатые или нищие, действовал естественный отбор. Жизнь протекала по священным и нерушимым законам рынка, которые испокон веков действуют в мире людей и богов. Неразумные существа, не сразу осознав, что произошло, будто окаменели. Потом, когда постепенно расширились их привыкшие к темноте зрачки, они обнаружили, что погребены под огромной грудой обломков, проржавевших остовов автомобилей, устаревших компьютеров и телефонов, залатанной одежды, стоптанной модельной обуви, грязного белья, мириадом флаконов использованных духов – французских, итальянских, японских, американских. Люди, беззащитные, голодные и напуганные, были окружены стаями оголодавших бродячих собак, рыщущих в поисках еды и грозящих разорвать каждого, кто встретится им на пути. К несчастью, продукты первой необхо-

anche loro digiuni e famelici. Sfortunatamente i generi alimentari di prima necessità erano introvabili, non erano più di moda, mentre abbondavano, ormai scadute e velenose, le conserve e le leccornie più disparate ed estrose per i *gourmet* in confezioni colorate e ammalianti, richieste dalle pessime esigenze del mercato.

In quel baratro senza fondo, però, erano ammassati ettolitri di superalcolici, tonnellate di droghe di ogni specie e pile colossali di lingotti d'oro titolo 999.9 Very Good London Delivery da dodici chilogrammi ciascuno e di biglietti di carta moneta di nuova emissione tanto profumati e inebrianti da far perdere la testa.

Questa bolgia infernale, stracolma di denaro e priva di beni essenziali per la vita, dove animali e umani si sbranano reciprocamente, è un'allusione paradossale e provocatoria al mondo in cui viviamo, fatuo, consumistico e senza ideali, che negli ultimi tre decenni si è invaghito del turbo-capitalismo americano, selvaggio e disumano. E ora è afflitto da una grandissima crisi strutturale: economica, finanziaria e morale.

Tuttavia noi siamo fiduciosi e convinti di poterla superare, se cambiamo radicalmente stile di vita e modello di sviluppo economico, che debbono privilegiare l'essere e non l'apparire, i bisogni reali e non i capricci delle persone. Crediamo ancora nei grandi ideali della giustizia e dell'eguaglianza e nell'utopia umanistica che al centro del mondo va posto l'uomo.

Dopo la tempesta aspettiamo con trepidazione che il cielo si rassereni, irradiando un fascio di luce vivida, che ha affascinato la nostra infanzia con lo spettro dei suoi colori cangianti dal rosso, arancione e giallo, al verde, azzurro, indaco e violetto. L'arcobaleno. Da qui la denominazione del nostro premio Raduga, dedicato ai giovani che costruiscono il nostro futuro.

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'Felice', with a stylized, cursive script.

димости было невозможно достать, они будто вышли из моды. Зато в изобилии были теперь уже просроченные и ставшие ядовитыми деликатесы и лакомства на любой вкус, в чарующих разноцветных обертках, соответствующих самым изощренным потребностям рынка.

В эту бездонную пропасть были сброшены гектолитры крепких напитков, тонны наркотических средств, груды 12-килограммовых золотых слитков 999.9 «London Good Delivery» и новые банкноты, чей пьянящий аромат заставляет терять голову.

Этот ад, переполненный деньгами и лишенный жизненно важных вещей, где животные и люди терзают друг друга – это парадоксальная и провокационная аллюзия на мир, в котором мы живем. На тот пустой мир, в котором отсутствуют идеалы и процветает потребительство. Мир, где последние три десятилетия доминирует американский турбокапитализм, бесчеловечный и не поддающийся контролю. Мир, страдающий сейчас от сильнейшего структурного кризиса: экономического, финансового и нравственного. Но все же мы уверены, что возможность преодолеть этот кризис появится, когда радикально изменятся образ жизни и модель экономического развития, когда приоритетом станет содержание, а не форма, реальные потребности, а не капризы. Мы верим в идеалы справедливости и равенства, в гуманистическую утопию, где центром мира станет человек.

После грозы с трепетом ждешь, что небо просветлеет, осветится яркими лучами, которые очаровывали нас в детстве своим переливающимся многоцветием от красного, оранжевого и желтого, до зеленого, голубого, синего и фиолетового. Радуга. Так появилось название Премии, посвященной тем молодым людям, которые строят наше общее будущее.

Борис Тарасов
Ректор Литературного института им. А.М. Горького

Три года назад Литературный институт им. А.М. Горького с благодарностью принял предложение итальянской ассоциации «Познаём Евразию» учредить совместную российско-итальянскую премию «Радуга», ибо столь необходимое само по себе начинание в то же время целиком отвечает целям и задачам деятельности нашего института. Присуждение такой ежегодной премии для молодых писателей и переводчиков – особое и перспективное событие в литературной жизни России и Италии. Оно вносит свой вклад в укрепление культурных связей между нашими народами, сохранение и развитие подлинного творчества в эпоху деградации истинных эстетических ценностей и господства массового искусства.

В этом мы смогли убедиться, наблюдая заметное возрастание популярности премии и очевидное расширение географии – от Калининграда до Владивостока – её соискателей. В текущем сезоне на конкурс поступило около двухсот пятидесяти содержательно и художественно разнообразных работ не только из Москвы и Петербурга, Киева и Минска, Новосибирска и Томска, Омска и Оренбурга, Иркутска и Красноярска, Волгограда и Краснодар, Севастополя и Сочи, Уфы и Казани, Ростова и Одессы, Екатеринбурга и Нижнего Новгорода, Мурманска и Архангельска, Ульяновска и Саратова, Воронежа и Ярославля, Твери и Рязани, Орла и Смоленска, но из ещё многих, самых разных городов и сёл Украины, Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана, Молдавии, Татарстана, Башкортостана, Северной Осетии–Алании, Бурятии, Хакассии, Якутии, Калмыкии, Мордовии, Удмуртии, Алтайского и Пермского краёв, Ленинградской и Московской областей и других районов многообразной России.

Boris Tarasov
Rettore dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij

Tre anni or sono l'Istituto Letterario A.M. Gor'kij ha accolto con gratitudine la proposta dell'Associazione Conoscere Eurasia di istituire il Premio congiunto italo-russo Raduga. Infatti questa iniziativa, che di per sé ha un'eccezionale importanza, corrisponde pienamente agli scopi e agli obiettivi del nostro Istituto. La premiazione dei giovani scrittori e traduttori, che si svolge ogni anno è un evento che ha grande rilievo e grande futuro nella vita letteraria dell'Italia e della Russia. Il Premio aiuta a rafforzare le relazioni culturali tra i nostri popoli, a promuovere e a tutelare l'autentica creatività in un'epoca in cui si assiste al degrado dei veri valori etici e al trionfo dell'arte di massa.

Lo conferma il fatto che la popolarità del Premio è notevolmente cresciuta, così come si è estesa la sua geografia: i candidati provengono da diverse regioni, da Kaliningrad a Vladivostok. Quest'anno abbiamo ricevuto circa 250 opere, molto diverse tra loro per quanto riguarda il contenuto e la forma, non solo da Mosca e San Pietroburgo, Kiev e Minsk, Novosibirsk e Tomsk, Omsk e Orenburg, Irkutsk e Krasnojarsk, Volgograd e Krasnodar, Sebastopoli e Soči, Ufa e Kazan', Rostov e Odessa, Ekaterinburg e Nižnij Novgorod, Murmansk e Arcangelo, Ul'janovsk e Saratov, Voronež e Jaroslavl', Tver' e Rjazan', Orël e Smolensk, ma anche da numerose città e paesi di Ucraina, Bielorussia, Kazakistan, Kirghizistan, Moldavia, Tatarstan, Baškortostan, Ossezia Settentrionale-Alania, Buriazia, Chakassia, Jakuzia, Kalmukia, Mordovia, Udmurtia, Regioni di Altaj e di Perm', Regioni di Leningrado e di Mosca, e da tante altre zone della nostra multiforme Russia.

Подобное продвижение российско-итальянской премии «Радуга» не может не радовать и не вселять надежды, что молодые таланты найдут с её помощью своих читателей и издателей, раскроют в дальнейшем новые грани своего творческого потенциала и займут достойное место в наших литературах.

A handwritten signature in black ink, consisting of stylized, cursive letters that appear to be 'В.С.' followed by a flourish.

I progressi compiuti dal Premio Raduga non possono che rallegrare e dare la speranza che i giovani talenti possano trovare, grazie al suo aiuto, lettori ed editori, realizzare il proprio talento in tutte le sue potenzialità e occupare un posto meritevole nelle nostre letterature.

A handwritten signature in black ink, consisting of stylized, flowing letters that appear to be 'B' followed by 'L' and 'M'.

Raduga

Premio letterario italo-russo per giovani narratori e traduttori

Il Premio Raduga è alla sua terza edizione. È nato con l'intento di rafforzare i rapporti culturali italo-russi e di valorizzare le opere di giovani narratori e traduttori, sia russi che italiani, dando loro la possibilità di trovare un editore e di confrontarsi, in tal modo, con un più ampio numero di lettori. Il Premio si rivolge in modo particolare a quelle giovani voci che – attraverso una forma narrativa caratterizzata dalla consapevolezza stilistica – giungono a farsi interpreti della complessità e delle inquietudini dei nostri tempi.

L'*Almanacco letterario* dà spazio alle migliori tra le opere pervenute al Premio. Tutti i lavori sono pubblicati con traduzione a fronte – a opera di giovani traduttori russi e italiani – e sono seguiti da una nota critica e da una nota biografica.

Il volume viene distribuito in entrambi i Paesi al fine di far meglio conoscere il lavoro dei giovani narratori e traduttori.

Премия «Радуга»

Российско–итальянская литературная премия для молодых авторов «Радуга»

Перед вами третье издание литературного альманаха Премии «Радуга», которая была создана с целью укрепления российско–итальянских культурных связей и содействия молодым писателям и переводчикам из России и Италии, а также для того, чтобы дать возможность молодым талантам найти издателя и получить известность среди многочисленной читательской аудитории.

В первую очередь, Премия «Радуга» создавалась для тех молодых талантов, которые с помощью повествования с характерным отточенным стилем, передают все сложности и тревоги нашего времени.

В альманах включены произведения, которые, по решению жюри, были названы лучшими. Все работы опубликованы с параллельным переводом молодых российских и итальянских переводчиков и с последующими критическими заметками и биографиями. Литературный альманах выпущен в обеих странах. Главной его задачей является познакомить читателей с творчеством молодых писателей и работами переводчиков.

Albo d'oro del Premio Raduga

Prima edizione, 2010; *Almanacco letterario* 1

Giovani narratori italiani

Silvia Banterle, traduzione in russo di Marina Kozlova

Gabriele Belletti, traduzione in russo di Ol'ga Pozdneeva

Massimiliano Maestrello, traduzione in russo di Marija Sudilovskaja

Andrea Paolo Massara, traduzione in russo di Dar'ja Belokrylova

Paolo Valentino, traduzione in russo di Anastasija Golubcova

Giovani narratori russi

Ljudmila Eremeeva, traduzione in italiano di Francesca Lazzarin

Sergej Kubrin, traduzione in italiano di Maria Isola

Anna Ostrouchova, traduzione in italiano di Giulia Zangoli

Anna Remez, traduzione in italiano di Cinzia Benedetti

Bulgun Ćimidova, traduzione in italiano di Alessia Cadeddu

Giovani narratori dell'anno: Massimiliano Maestrello e Sergej Kubrin

Giovani traduttori dell'anno: Giulia Zangoli e Ol'ga Pozdneeva

Победители и финалисты Премии «Радуга»

Литературный альманах 1 – 2010 год

Российские финалисты

Людмила Еремеева, перевод на итальянский язык Франчески Лаццарин
Сергей Кубрин, перевод на итальянский язык Марии Изола
Анна Остроухова, перевод на итальянский язык Джулии Дзанголи
Анна Ремез, перевод на итальянский язык Чинции Бенедетти
Булгун Чимидова, перевод на итальянский язык Алессии Кадедду

Итальянские финалисты

Сильвия Бантерле, перевод на русский язык Марины Козловой
Габриэле Беллетти, перевод на русский язык Ольги Позднеевой
Массимилиано Маэстрелло, перевод на русский язык Марии Судиловой
Андреа Паоло Массара, перевод на русский язык Дарьи Белокрыловой
Паоло Валентино, перевод на русский язык Анастасии Голубцовой

Победители в номинации «Автор года»: Сергей Кубрин и Массимилиано Маэстрелло
Победители в номинации «Лучший перевод»: Ольга Позднеева и Джулия Дзанголи

Albo d'oro del Premio Raduga

Seconda edizione, 2011; *Almanacco letterario 2*

Giovani narratori italiani

Alice Malerba, traduzione in russo di Jana Kidenko

Alessandro Metlica, traduzione in russo di Anastasija Golubcova

Leandro Miglio, traduzione in russo di Anna Fedorova

Fabio Mineo, traduzione in russo di Irina Artamonova

Daniele Tommasi, traduzione in russo di Marina Kozlova

Giovani narratori russi

Andrej Antipin, traduzione in italiano di Maria Isola

Natal'ja Nikolašina, traduzione in italiano di Alice Ghisi

Dmitrij Faleev, traduzione in italiano di Manuel Boschiero

Alëna Ćurbanova, traduzione in italiano di Maria Gatti Racah

Sergej Šargunov, traduzione in italiano di Linda Torresin

Giovani narratori dell'anno: Alessandro Metlica e Sergej Šargunov

Giovani traduttori dell'anno: Maria Gatti Racah e Marina Kozlova

Победители и финалисты Премии «Радуга»

Литературный альманах 2 – 2011 год

Российские финалисты

Андрей Антипин, перевод на итальянский язык Марии Изола
Наталья Николашина, перевод на итальянский язык Аличе Гизи
Дмитрий Фалеев, перевод на итальянский язык Мануэля Боскиеро
Алёна Чурбанова, перевод на итальянский язык Марии Гатти Раках
Сергей Шаргунов, перевод на итальянский язык Линды Торрезин

Итальянские финалисты

Аличе Малерба, перевод на русский язык Яны Киденко
Алессандро Метлика, перевод на русский язык Анастасии Голубцовой
Леандро Мильо, перевод на русский язык Анны Федоровой
Фабио Минео, перевод на русский язык Ирины Артамоновой
Даниеле Томмази, перевод на русский язык Марины Козловой

Победители в номинации «Автор года»: Сергей Шаргунов и Алессандро Метлика
Победители в номинации «Лучший перевод»: Марина Козлова и Мария Гатти Раках

Giuria italiana
Итальянское жюри

Adriano Dell'Asta (Cremona, 1952), professore di Lingua e letteratura russa all'Università Cattolica di Brescia e di Milano, è attualmente direttore dell'Istituto Italiano di Cultura di Mosca. Accademico della Classe di Slavistica dell'Accademia Ambrosiana, ha pubblicato oltre un centinaio di contributi scientifici e ha partecipato a numerosi convegni e seminari.

Адриано Дель Аста (Кремона, 1952), профессор русского языка и литературы Католического Университета г. Милана и Университета г. Брешиа. В настоящее время директор Итальянского института культуры в Москве. Член Accademia Ambrosiana (класс славистики), опубликовал более ста научных работ.

Flavio Ermini (Verona, 1947), poeta e saggista, è autore di numerosi volumi in Italia e in Francia. Dirige la rivista letteraria "Anterem". Fa parte del comitato scientifico di "Osiris" (Università di Deerfield, Massachusetts) e degli "Amici della Scala" di Milano. Dirige la collana di filosofia "Narrazioni della conoscenza" (Moretti&Vitali).

Флавио Эрмини (Верона, 1947), поэт и критик, опубликовал много книг в Италии и во Франци. Редактор литературного журнала «Anterem». Является членом научного комитета «Osiris» и членом миланской ассоциации «Amici della Scala». Руководитель философской серии «Narrazioni della conoscenza» (издательство Моретти & Витали).

Inge Feltrinelli (Essen, 1930), presidente della Giuria italiana, presidente della Giangiacomo Feltrinelli Editore, presidente onorario delle oltre 100 Librerie Feltrinelli. Vicepresidente della holding finanziaria EFFE. È stata nominata Cavaliere dell'Ordine al merito della Repubblica Italiana e della Repubblica Federale di Germania. Commandeur dans l'Ordre des Arts et des Lettres nella Cultura francese. È membro dell'Accademia Europea di Yuste (seggio "Clara Zetkin").

Инге Фельтринелли (Эссен, 1930), председатель итальянского национального жюри, Президент Издательства Джанджакомо Фельтринелли, Почетный президент сети книжных магазинов «Librerie Feltrinelli». Награждена орденами «Cavaliere dell'Ordine al Merito della Repubblica» в Италии, «Commandeur dans l'Ordre des Arts et des Lettres» во Франции. Член Европейской академии Yuste.

Sebastiano Grasso (Catania, 1947), poeta e giornalista. Ha pubblicato una decina di libri di poesia, tradotti in molte lingue. È presidente del Pen Club Italia. Dopo l'insegnamento universitario di Letteratura italiana per un biennio, dal 1971 vive a Milano; attualmente è inviato speciale e responsabile dell'Arte del "Corriere della Sera".

Себастиано Грассо (Катания, 1947), поэт и журналист. Опубликовал десяток книг поэзии, переведенных на многие языки. Председатель Pen Club Italia. Два года преподавал итальянский язык и литературу в университете. С 1971 года живет в Милане, в настоящее время является редактором рубрики «Искусство» газеты «Corriere della Sera».

Maria Pia Pagani (Pavia, 1975), docente dell'Università di Pavia, è autrice di libri e saggi scientifici sul teatro russo e i suoi legami con la cultura spirituale ortodossa. Vincitrice del Premio Giovani Ricercatori in ricordo di Maria Corti (2003), del Premio Cesare Angelini (2004), del Premio Foyer des Artistes (2006) e altri. È la traduttrice italiana di Michail Berman-Cikinovskij.

Мария Пиа Пагани (Павия, 1975), преподаватель Университета г. Павия, автор книг и научных статей о русском театре и его связи с духовной православной культурой. Лауреат Премии для молодых ученых им. Марии Корти (2003), Премии им. Чезаре Анджелини (2004), и ряда других. Итальянская переводчица Михаила Бермана-Цикиновского.

Sergio Pescatori (Venezia, 1941), professore di Lingua e letteratura russa dell'Università di Verona. Ha lavorato in varie Università italiane. Si è occupato di linguistica, di traduzione, di letteratura. Ha curato un volume su Brodskij (atti del Convegno di Venezia, 2000) e uno sullo studio del russo in Europa (Convegno di Verona, 2005).

Серджо Пескатори (Венеция, 1941), профессор Факультета иностранных языков и литератур Университета г. Вероны. Преподавал русский язык и литературу в разных итальянских университетах. В круг его интересов входят языкознание, литература, занимается также теорией перевода. Под его редакцией вышли материалы конференций о Иосифе Бродском (Венеция, 2000 год) и о русском языке в Европе (Верона, 2005 год).

Российское жюри
Giuria russa

Алексей Николаевич Варламов, писатель, доктор филологических наук, профессор. Лауреат Премии Александра Солженицына, Премии «Большая книга» и ряда других. Главный редактор журнала «Литературная учеба».

Aleksej Nikolaevič Varlamov, scrittore, dottore in scienze filologiche, docente universitario. Vincitore del Premio Aleksandr Solženicyn, del Premio «Bol'shaja kniga» e di altri premi. Direttore della rivista «Literaturnaja učeba».

Нина Сергеевна Литвинец, издатель, литературовед, переводчик. Кандидат филологических наук. Заслуженный работник культуры РФ. Вице-президент Российского книжного союза.

Nina Sergeevna Litvinec, editore, critico letterario, traduttore. Lavoratore emerito della cultura della Federazione Russa, Vice-presidente dell'Unione libraria russa.

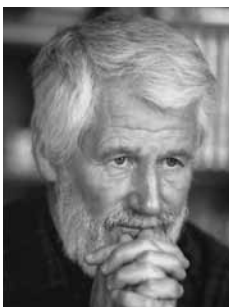
Владимир Семёнович Маканин, председатель российского национального жюри, писатель. Лауреат Госпремии России в области литературы и искусства, Букеровской премии, Пушкинской премии Фонда Тепфера (ФРГ), Премии Москва–Пенне (Италия), Премии «Русский Букер», Премии «Большая книга».

Vladimir Semënovič Makanin, presidente della Giuria nazionale russa, scrittore. Vincitore del Premio Nazionale della Federazione Russa nel settore della letteratura e dell'arte, del Premio Booker, del Premio Puškin (Fondazione Tepfer, Germania), del Premio Mosca-Penne (Italia), del Premio Russian Booker, del Premio Bol'shaja kniga.

Евгений Михайлович Солонович, переводчик, профессор. Командор ордена Звезды итальянской солидарности. Лауреат премии Союза писателей Москвы «Венец», Государственной премии Италии в области художественного перевода, премии Монтале, премии Монделло и ряда других российских и итальянских премий.

Evgenij Michajlovič Solonovič, traduttore, docente universitario. Commendatore dell'Ordine della Stella della Solidarietà Italiana. Premio dell'Unione degli scrittori di Mosca "Venec", Premio Nazionale per la traduzione (Italia), Premio Montale, Premio Diego Valeri, Premio Mondello e altri riconoscimenti letterari sia russi che italiani.

Борис Николаевич Тарасов, ректор Литературного института им. А.М. Горького, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, академик Международной академии наук (Инсбрук). Лауреат Бунинской премии, Премии им. Ф. М. Достоевского и ряда других.

Boris Nikolaevič Tarasov, rettore dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij, dottore in Scienze filologiche, docente universitario, scienziato emerito della Federazione Russa, membro dell'Accademia Internazionale delle Scienze (Innsbruck, Austria). Vincitore del Premio I. Bunin, del Premio F.M. Dostoevskij e di diversi altri riconoscimenti letterari.

Анна Владиславовна Ямпольская, переводчик, кандидат филологических наук, PhD (Università di Firenze). Удостоена Серебряного гонфалона области Тоскана за исследования по итальянистике и Премии имени Н. В. Гоголя в Италии за перевод.

Anna Vladislavovna Jampol'skaja, traduttore, docente universitario, PhD (Università di Firenze). Ha ricevuto il Gonfalone d'argento della Regione Toscana per le sue ricerche di italianistica e il Premio N.V. Gogol' in Italia per la traduzione.

GIOVANI NARRATORI ITALIANI
МОЛОДЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ ПИСАТЕЛИ

Paola Manuela Battaglia	Паола Мануэла Батталья
Guido Del Duca	Гвидо Дель Дука
Federica Di Rosa	Федерика Ди Роза
Olga Paltrinieri	Ольга Пальтриньери
Silvia Valentini	Сильвия Валентини

Paola Manuela Battaglia

Traduzione in russo di Anna Fedorova

Паола Мануэла Батталья

Перевод Анны Федоровой

MARIA DI MAGDALA E JOSHUA DI NAZARETH

Era stata abbandonata alla nascita. Una femmina non è mai un dono, e di queste maledizioni nella sua famiglia ne erano venute già tre. La quarta sarebbe stata una sciagura. Fu un'idea non buona, ma necessaria, venderla. A Magdala, la piccola cittadina sulla sponda occidentale del lago di Tiberiade (conosciuto anche col nome di Genezaret), non avrebbe dato scandalo la vendita di una bambina. La piccola andò a stare a Betania, dalla madre naturale di quella Maria che con la sua nascita costringerà la piccola di Magdala a essere depositata presso una casa di tutti, dove le femmine venivano allevate per trarne profitto a tempo debito.

Maria di Magdala cresceva quieta, silenziosa, magra. I suoi occhi nerissimi scrutavano i volti degli uomini che entravano e uscivano, come bestemmie da bocche irate, dalle stanze calde e sudate. Erano occhi selvatici, indomiti, indifesi. Occhi che sentivano che l'infanzia sarebbe durata poco, ancor meno delle coccole sfuggite di nascosto, dalle mani ancora inesperte e un po' ingenuie, di qualche ragazza più giovane di casa. Una carezza sulla testa, qualche fiocco di scarti di tessuti usati per le tuniche, un bacio sulla guancia alla prima lacrima versata in quel silenzio ostile. Pochi ricordi di tenerezza daché il ricordo più importante le era stato strappato alla nascita. Quel grembo materno abbandonato con l'urgenza a volte maligna della natura, era il suo vero dolore.

Cresceva Maria di Magdala e imparava la vita. Con gli occhi scuri e bradi costruiva nei gesti degli abitanti soliti e avventizi della casa, il suo futuro. Sapeva che sarebbe giunto il momento in cui un uomo entrato dalla porta di cedro, con ricchi abiti da Sinagoga, l'avrebbe guardata e indicata con la mano ingioiellata e qualcuna l'avrebbe presa per mano, quasi amorevolmente, l'avrebbe lavata e acconciata con unguenti profumati, l'avrebbe lasciata con lui, che avrebbe poi ricompensato "amorevolmente" la mano

МАРИЯ ИЗ МАГДАЛЫ И ИЕШУА ИЗ НАЗАРЕТА

От нее отказались сразу после рождения: появление на свет девочки никогда не считалось подарком судьбы, да и о каком подарке судьбы можно говорить после того, как это несчастье уже трижды посетило семью. Четвертая дочь стала бы настоящей бедой. Продать малышку было не лучшим, но необходимым решением. В Магдале, небольшом городке на восточном берегу Тивериадского озера, известного также под названием Кинеретское, продажа девочки никого бы не удивила. Так, младенцем, Мария из Магдалы оказалась в Вифании, в доме родной матери другой Марии, чье появление на свет и стало причиной, по которой малышка из Магдалы была помещена в заведение, где растили девочек, чтобы со временем зарабатывать на них.

Мария из Магдалы росла тихой, молчаливой, худенькой. Ее черные глаза вглядывались в лица мужчин, которые входили и выходили из душных потных комнат, словно проклятия из гневных уст. Это были дикие, беззащитные глаза. Они знали, что детство закончится скоро, быстрее, чем невинные знаки внимания со стороны незаметно баловавших ее более юных обитательниц заведения. Кто-то ласково погладит по головке, кто-то сделает бантики из обрезков ткани для туник, кто-то поцелует в щечку, заметив первую слезинку, пророненную во враждебном молчании. Скудные воспоминания о ласковом тепле взамен главному воспоминанию, отнятому у нее при рождении. В одночасье оторвав ее от материнского лона, судьба нанесла ей страшную рану.

Мария из Магдалы росла и училась жизни. В поведении обитателей и посетителей заведения она видела свое будущее. Она знала, что наступит момент, когда вошедший в кедровую дверь мужчина в богатом праздничном платье посмотрит на нее и укажет на нее рукой, украшенной драгоценностями. И тогда одна из прислужниц любовно возьмет ее за руку, омоет и умастит ее тело душистыми маслами, затем оставит ее с

che proprio ora le aggiustava i capelli. *Hai dei capelli meravigliosi* e sembrava quasi che fosse la mano stessa a parlarle. Era ancora troppo piccola per arrivare a vedere il volto di chi si prendeva cura di lei. *Ti insegno come conservarli così, belli e lucenti come li hai oggi, prima che le mani che li accarezzano o strapperanno dal piacere, li rovinino, è un segreto che mi è stato tramandato, sai? Ungili con quest'olio pregiato; viene dall'oriente, dal luogo dove nasce il sole. Ha la lucentezza del sole, vedi? Lavali ogni giorno con la cenere di un ramo di Picea, che quando brucerai, crepiterà un po' per la resina. La cenere li renderà profumati e la resina toglierà il crespo. La cura dei tuoi capelli sarà un'offerta a Dio.* Ma era un Dio che aveva un volto arcaico e un po' superstizioso, una grande maschera apotropaica proveniente da luoghi sconosciuti con la bocca spalancata per assorbire le influenze negative. Non la salvava dalla vita che stava per iniziare in una stanza buia, con incensi fruscianti. Ora c'erano il peso di un corpo estraneo da sopportare, il sudore rancido della pelle già vecchia, baci non richiesti e insolenti dove all'improvviso nasceva un dolore nuovo e prepotente, pelle dentro la sua pelle, che a fatica entrava, ma colpiva e ad ogni ingresso un bruciore intenso come la vergogna, mai conosciuta prima e così cocente. *Sei così piccola che non devi preoccuparti, non succederà niente, non puoi ancora, non dovrai neanche bere quell'intruglio. Finché resterai così, sarai la mia bambina e di nessun altro.* E una risata pesante e roca raccolse un ultimo fremito di quel corpo tracotante e odiato che si ributtò poi sul letto a riposare; con una mano cercava quel piccolo corpo che pensava di possedere, di averlo di diritto, perché comprato con il denaro. Subì quell'insulto in silenzio Maria, ma non permise a quella mano piena di anelli di accarezzare i suoi capelli. Sentiva che una parte di sé doveva mantenersi intatta, la spostò in un luogo ormai già violato e lui lo prese come un invito a continuare il suo scempio.

Di notti come quella ce ne furono così tante che la sua mente non trovava più differenza di odori, e di voci. A ogni assalto si mischiavano, come nubi di tempesta rintronavano nella stanza. Quando finì la sua infanzia la porta di cedro si riaprì per lei e le si chiuse

ним, и он «любовно» вознаградит ту руку, которая сейчас расчесывала ей волосы. *У тебя чудесные волосы* – ей казалось, что рука сама разговаривает с ней. Девочка была еще слишком маленькой, чтобы видеть лицо той, кто о ней заботится. *Я научу тебя, как сохранить твои волосы прекрасными и сияющими, как сейчас, пока руки, которые будут их ласкать или рвать в миг наслаждения, не испортили их. Я открою тебе тайну, в которую посвятили меня. Смазывай волосы этим чудесным маслом; оно привезено с востока, из края, где рождается солнце. Это масло блестит, как солнце, видишь? Мой их каждый день золой еловой ветки, при сжигании которой слышно, как потрескивает смола. Зола сделает твои волосы благоухающими, а смола прямыми. Забота о волосах будет даром Богу.* Но у ее Бога было древнее лицо со следами суеверия – огромная охранительная маска неизвестного происхождения с широко открытым ртом, поглощавшим вредоносные воздействия. Этот Бог не спасал ее от жизни, которую ей предстояло начать в темной комнате с курящимися благовониями. Теперь нужно было терпеть вес чужого тела, прогорклый пот старой кожи, непрошенные и наглые поцелуи туда, где неожиданно рождалась незнакомая мучительная боль: чужая плоть с трудом проникала внутрь ее плоти, и с каждым проникновением яростно жгло внутри, как неведомый дотоле горячий стыд. *Ты такая маленькая, тебе не о чем беспокоиться, ничего не случится, ты еще не способна зачать, тебе даже не надо пить эту дрянь. Пока ты остаешься такой, ты будешь только моей девочкой и больше ничьей.* И тяжелый, хриплый смех поглотил последнее содрогание бесстыжего ненавистного тела, которое после упало на кровать, чтобы отдохнуть. Рукой он искал ее маленькое тело, которое считал своей собственностью, думая, что имеет на него право, потому что купил его. Мария перенесла это надругательство молча, но не позволила руке, униженной кольцами, ласкать свои волосы. Она чувствовала, что какая-то часть ее самой должна остаться нетронутой, и сдвинула руку в уже оскверненное место. Он принял этот жест как приглашение продолжить пытку.

И таких ночей было столько, что она перестала различать голоса и запахи. Из раза в

dietro. Il suo corpo adulto non interessava più. Era veramente sola. Conosceva un unico modo di vivere, e per vivere. Passava le giornate a cercare uomini che la insultassero, e dopo ogni assalto curava i suoi capelli come le era stato insegnato. E splendevano alla luce del sole come se fossero luce anche loro. I giorni così passavano spenti e grigi senza lasciare nulla oltre i bisogni quotidiani: mangiare, dormire, lavarsi, e poi far passare un altro giorno e ricominciare, aspettando la fine, come un vecchio eremita che si siede su una roccia, con i piedi sulla terra, aspettando il tramonto già dall'alba. Gli uomini erano sempre di passaggio e avevano tutti lo stesso volto del primo, lo stesso fiato pesante rotto per fortuna abbastanza velocemente dall'urgenza; i soldi avevano sempre la stessa consistenza e lo stesso valore. Solo la cura per i suoi capelli le dava una ragione di vita, un motivo per continuare quello stillicidio infinito di attimi sempre uguali.

Poi un giorno, fra le strade polverose di una città sconosciuta, lo vide. Capì che era la strada: lo seguì. Doveva toccare quell'uomo, doveva sentirne l'odore, carezzarne la pelle, sentiva che quello era il primo vero uomo che avesse mai incontrato. Gli offrì l'unico dono che possedesse veramente, che fosse mondo. Gli lavò i piedi, li asciugò con i suoi capelli e glieli baciò. Camminava in silenzio accanto a lui, e i suoi occhi erano ancora selvatici, ma non più indifesi. Portava con sé la certezza di essere amata. Quella straripante verità che ti dice finalmente chi sei, che ti fa esistere nel momento in cui lo sguardo di chi ti ama si riempie del tuo. La fierezza di aver iniziato a vivere la colse come un brivido lungo la schiena, come un orgasmo mai provato. Camminava con lui, nell'afa dei pomeriggi di quiete e inerzia, nella polvere della strada. E i suoi capelli erano lì per toglierla dai piedi del suo Amore. Di giorno persone, case, sole, strada, cammino e una calda mano che l'accompagnava e la eleggeva prima fra tutte le donne. Di notte sogni d'amore popolavano la sua mente (e il suo corpo). Lo sognava, tutte le notti, sognava il suo abbraccio caldo, e il suo corpo sul proprio, e sapeva che abitavano lo stesso sogno, perché lo sguardo di lui il giorno dopo era più tenero, e il suo abbraccio più caldo. Lei sapeva che il suo amore apparteneva a tutti, anche quando la teneva per mano, cammi-

раз они смешивались, как грозовые облака, и грохотали в комнате. Когда детство закончилось, кедровая дверь вновь открылась для нее, чтобы закрыться за ней навсегда. В ее взрослом теле не нуждались. Теперь Мария была одна. Она знала единственный способ выжить. Она проводила дни в поисках мужчин, которые надругались бы над ней. Каждый раз после этого она ухаживала за волосами, как ее научили. И они сияли в лучах солнечного света, словно само солнце. Так проходили дни, тусклые, серые, не оставляя ничего кроме будничных забот: поесть, поспать, помыться, а затем прожить еще один день и начать новый, ожидая захода солнца, словно старый отшельник, который сидит на камне, уперев ноги в землю, и на рассвете уже ждет заката. Все эти мужчины были проезжими, и у всех было лицо того, первого, и они также тяжело сопели, но, к счастью, довольно скоро затихали, наспех удовлетворив свою похоть. При этом деньги оставались деньгами. Только забота о волосах придавала смысл ее жизни – единственное основание продолжать бесконечную череду одинаковых мгновений.

Как-то раз на одной из пыльных улиц незнакомого города она увидела его. Она пошла за ним, поняв, что это ее путь. Она должна была дотронуться до этого человека, должна была услышать его запах, погладить его кожу. Она чувствовала, что это первый настоящий мужчина, которого она встретила в жизни, и предложила ему единственное сокровище, которым владела, и дар ее был подобен целому миру: она омыла его ноги, осушила их своими волосами и поцеловала. Она молча шла рядом с ним, и взгляд ее был еще диким, но уже не беззащитным. Она несла с собой уверенность, что она любима, – поразительное открытие, которое наконец-то позволяет тебе понять, кто ты есть на самом деле, вдыхает в тебя жизнь, как только ты увидишь в глазах любящего отражение твоих глаз. Гордое сознание, что она начинает жить, отозвалось трепетом в спине, ощущением оргазма, которого до этого она никогда не испытывала. Знойными покойными днями она шла с ним по пыльным дорогам. И волосы служили ей, чтобы стирать пыль с ног Возлюбленного. Днем – люди, дома, солнце, дорога и теплая рука, которая вела ее, выделяя среди женщин. Ночью грезы о любви заполняли ее мысли (и

nava dietro di lui, perché lui era la guida in questo nuovo mondo in cui il sole sorgeva a benedire il lavoro, i fiori profumavano, la pioggia giungeva invocata nelle strade roventi, la natura si offriva spontanea per nutrirli.

Sapeva che camminare, stancarsi, mangiare erano la loro preghiera. Il mondo che conosceva prima era corpo, sangue, sudore. Amava l'uomo che predicava un mondo nuovo e predicare è lavoro del corpo, è amare il mondo. Il mondo si ama con il proprio corpo, con i capelli, con gli occhi, con la mano che ti stringe, e ti accarezza. Sapeva che non si poteva amare un Dio finto che fosse solo cielo o solo aria, Dio era sceso per essere guardato, accarezzato, amato. Era stata scelta perché il suo corpo, avendo conosciuto l'abiezione estrema, mendicando per un pezzo di pane che non assopiva la sua fame d'amore, potesse apprezzare totalmente la divinità divenuta carne. Amore è abbracciare nella certezza di un ossequio, è totale. Sapeva di essere il suo discepolo preferito, quando lavava i suoi piedi e li baciava con le sue labbra e li asciugava con i suoi capelli.

Il tempo che trascorreva con lui era infinito, ed era reale e lo sentiva anche ora che non era più accanto a lei, che lo avevano strappato dalle sue braccia, con un tradimento. Insolito destino comune: anche il suo corpo è stato venduto, per trenta denari, ma la sua anima era salva, come quella di Maria di Magdala.

– Lo rividi quando si svegliò dal sonno terrestre e rinacque nella sua luce. Lo vidi io e io, che gli diedi l'ultimo saluto con la madre, gli diedi il buongiorno per quella sua nuova vita, che non apparteneva più solo a me, ma che era anche mia, come per tutti gli altri. Mi sentii come quando si ama tanto un uomo da accettare che la sua felicità sia condivisa da un'altra donna. Il mio amore me lo aveva insegnato lui, e io lo ringraziai, accettando il suo tradimento come un dono. Il dono della generosità e della condivisione. È il dono supremo che trasmette la vera sapienza, quella che io ora diffondo nel suo nome. Prima fra tutti i suoi discepoli e sola, perché nelle sue carni mi sono rigenerata, io

ее тело). Все ночи она мечтала о нем, о его жарких объятиях, о его теле поверх своего тела, и она была уверена, что это их общая греза, потому что на следующий день взгляд его становился более нежным, а объятия – более жаркими. Она знала, что его любовь принадлежит всем, и даже когда он вел ее за руку, шла позади, потому что он был вожатым в этом новом мире, где солнце всходило, чтобы благословить труд, где благоухали цветы, где долгожданный дождь проливался на раскаленные дороги, где природа с готовностью предлагала ему и ей возможность утолить голод.

Она знала, что путь, усталость, пища были их молитвой. Мир, который она знала раньше, был миром плоти, крови, пота. Она любила человека, который проповедовал новый мир, а проповедование – это работа, это любовь к миру. Мир любят плотью, волосами, глазами, рукой, крепко обнимающей и ласкающей тебя. Она знала, что невозможно любить ненастоящего Бога – только небо или только воздух. Бог сошел на землю, чтобы его видели, любили, прикасались к нему. Она была избрана, чтобы ее телу, которое познало невероятные унижения ради куска хлеба, не усыплявшего ее тоску по любви, стало возможно по достоинству оценить воплощенное божество. Любить – значит обнимать, боготворя, – полнее любви не бывает. Когда она омывала ему ноги, целовала их, отирая своими волосами, она знала, что является его возлюбленной ученицей.

Время, что она проводила с ним, казалось ей вечностью и вместе с тем было реальным временем, она чувствовала это даже теперь, когда его больше не было рядом, когда предательством его вырвали из ее объятий. Похожая, как ни странно судьба: его тело тоже продали, продали за тридцать сребреников, но душа была и осталась целою – ренной, как у Марии из Магдалы.

– Я вновь увидела его, когда он очнулся от земного сна и возродился в свете истины своей. Я увидела его, и я же, вместе с матерью его сказавшая ему последнее прости, приветствовала его в новой жизни, которая не принадлежала больше мне одной, но

che ho mangiato e amato quel suo corpo, sono la sua bocca, perché un tempo era mia, e risorgendo me l'ha lasciata, io che sono la sua mano, perché un tempo era stretta alla mia lungo il cammino.

– Lascio questa mia testimonianza per le donne che verranno, perché possano amare come ho amato io, sbagliando fino a trovare la strada giusta e perfetta. Passando fra immenso dolore e infamante vergogna, ho potuto trovare la gioia più grande, la gioia di un Dio che mi amasse.

– Lo riconobbi subito. E sentii il mio cuore pulsare incontenibile fuori dal mio corpo, e la mia gioia era quasi un dolore che percorreva la mia schiena come un brivido premonitore. Si avvicinò e sentii il suo odore, terra, polvere, fatica. Mi disse così:

L'amore autentico lascia sempre un'ombra della sua luce. È il segreto che lo rende parte della natura delle cose. Ma l'ombra scende invocata: dopo un intenso calore si ha bisogno di refrigerio. Ricorda: non esiste amore sprecato; il vero amore lega, non divide. Non finisce, cambia, non è mai indifferente, o non è vero. Non fa soffrire gratuitamente: la sofferenza necessaria arricchisce e fortifica, il resto è inferno costruito sulla terra, da fuggire. Chi non lo conosce non ne è degno: si nutre di amori saccheggianti. L'amore non appartiene mai al ladro, sosta dove non c'è macchia e la sua cura è dedizione. L'amore non offende nessuno e non si mette alla prova. Per amore non si fa del male, non si ruba e non si inganna, non si tradisce. Se anche a volte una piccola ferita può servire a curare un male più acuto, non si scambia con la ruggine, perché il vero amore brilla e si irradia in ogni dove. Il vero amore è contagioso e non si arrende, anche nella miseria più abietta, sorride della sua nobiltà, senza arroganza, la sua gentilezza invade il mondo e lo salva.

Ama dunque, ama come te stessa, ama come amavi me e come ancor più amerai la mia assenza; ama la mia parola, perché sarà la tua, ama la mia voce, perché vibrerà fra le tue

была моей жизнью так же, как жизнью других людей. Я поняла, что когда сильно любишь мужчину, то соглашаешься с тем, что его счастье делит с тобой другая женщина. Он научил меня любить, и я благодарна ему, принимая иудино предательство как дар. Дар щедрости, сопричастности. Нет дара выше, чем истинная мудрость, которую я первой из его учеников распространяю одна во имя его. Я возродилась во плоти его; я, что любила его тело и жила им, теперь стала его устами, потому что одно время они были моими устами, и воскресая, он оставил их мне; я стала его рукой, потому что в пути он вел меня за руку.

– Я оставляю это свидетельство женщинам, которые придут, чтобы они возлюбили его, как любила я, найдя после стольких ошибок праведный и достойный путь. Пройдя через бесчисленные страдания и жгучий стыд, я обрела величайшую радость – Бога, который возлюбил меня.

– Я сразу узнала его. И ощутила, как неудержимо забилося мое сердце, и радость моя была почти болью, которая отзывалась в спине трепетом предчувствия. Он подошел, и я услышала его запах: запах земли, пыли, усталости. Он сказал мне:

Свет истинной любви всегда дает тень. Это тайна, делающая любовь частью природы вещей. Но тень желанна: после сильной жары нужна прохлада. Помни: настоящая любовь связывает, а не разделяет. Она не заканчивается, но меняется, она никогда не бывает равнодушной, иначе это не любовь. Не надо бояться страданий от любви: страдания необходимы, они обогащают и закаляют в мире, превращенном в ад, из которого один путь: побег. Кто этого не понимает, тот не достоин любви: он питается любовью ворованной. Любовь никогда не принадлежит вору, она – там, где нет бесчестья, и о преданности забота ее. Любовь никого не оскорбляет и не нуждается в испытании. Ради любви не причиняют зла, не крадут и не обманывают, не предают. Если порой легкая рана лечит рану более глубокую, не следует удивляться: настоящая

corde vocali, ama il mio corpo, perché è stato e sarà sempre il tuo nutrimento. Sii generosa, perché l'amore non è avaro, se lo distribuisce cresce; condividi il tuo sorriso con il mondo, perché della tua angoscia muore. Ti ho insegnato a sorridere, per illuminare la gente, taglia i tuoi capelli e seppelliscili nel deserto, conserveranno il mio nome e il tuo e nelle dune continueranno a unirsi alla polvere che ha toccato i miei piedi, fino alla fine del mondo. Tu che sei stata la mia compagna fedele del viaggio terreno, erediti la mia vita eterna e il mio verbo d'amore.

– Furono le ultime parole che sentii da quella sua voce di uomo materno e infinito come un mistero a cui credere, chiudendo gli occhi e piegando il capo, ad accogliere una benedizione. Il silenzio discese nel mio cuore e il gelo. Mi fu compagna la solitudine. Poi si riaccese in me la sua presenza, mentre lo cercavo fuori da me, distratta dalla fatica di vivere ancora, nonostante tutto. Dopo che l'amore sembrava morto con lui, scoprii che l'uomo che per primo mi amò e che per primo amai, dentro di me stava rinascendo. Risentivo quella sua voce rivolgersi a me con un'intonazione diversa, quella voce che gridava nel deserto e nel caldo della sabbia che cuoce i piedi è nata ed è morta, senza tuttavia scomparire mai.

любовь сияет и освещает своими лучами все вокруг. Истинная любовь заразительна. Она не сдается даже в унижительной нищете; любовь не высокомерна, она улыбается в своей чистоте, ее благородство наполняет мир и спасает его.

Поэтому люби! Люби, как ты любишь себя, люби, как любила меня, и как еще сильнее будешь любить мое отсутствие; люби слово мое, потому что оно станет твоим словом; люби голос мой, потому что он станет твоим голосом; люби тело мое, потому что оно было и всегда будет пищей твоей. Будь щедрой, потому что любовь не скупа, если ты ее раздашь, она вернется к тебе приумноженной; улыбайся миру, ибо от печали твоей он погибнет. Я научил тебя улыбаться, чтобы просвещать людей. Обрежь волосы свои и погребви их в пустыне, они сохраняют наши имена, мое и твое, и до самого конца света будут смешиваться с пылью, которой касались ноги мои. Ты, моя верная спутница в земном странствии, унаследуешь мою вечную жизнь и слово мое, несущее любовь.

– Это были последние слова, произнесенные голосом, родным и бесконечным, словно тайна, в которую нужно верить, и я слушала его, закрыв глаза и склонив голову, чтобы принять благословение. Молчание и лед сковали мое сердце. Одиночество сделалось мне подругой. Позже вновь зажегся во мне огонь его, когда я искала его повсюду, делая над собой усилие жить, несмотря ни на что. Мне казалось, что любовь умерла вместе с ним, но потом я поняла, что человек, который любил меня и которого любила я, воскресает внутри меня. Я снова слышала голос, который, говоря со мной, звучал по-новому – гласом вопиющего в пустыне, в песках, обжигающих ноги. Голос, который родился и умер, чтобы остаться навсегда.

Biografia

Paola Manuela Battaglia (1978), dottore di ricerca in Scienze letterarie, docente di Italiano, Latino e Greco nei licei, traduttrice di romanzi dall'inglese, ha pubblicato saggi di carattere scientifico e alcuni racconti in miscellanee. È stata segnalata in diversi concorsi letterari; ne ha vinto uno con un racconto dal titolo *'A Fuijutina*. Vive a Crotone.

Биография

Паола Мануэла Батталья (1978), кандидат филологических наук, преподает итальянский, латинский и греческий языки в лицеях, переводит прозу с английского языка, ее научные статьи и рассказы опубликованы в различных сборниках. Участвовала во многих литературных конкурсах, в одном из которых ее рассказ *Похищение невесты с ее согласия* занял первое место. Живет в Кротоне.

Nota critica

Il racconto di Paola Manuela Battaglia mette in scena l'amore di Maria di Magdala e Joshua di Nazareth. È un amore universalmente noto, ma – in quanto ricco di implicazioni spirituali, morali, sociali – è anche un sentimento mai completamente indagato, tanto da mostrare, a ogni approfondimento riflessivo, degli elementi prima sconosciuti.

L'autrice sceglie di raccontarci questa inesauribile storia d'amore lasciando la parola a Maria di Magdala stessa; dando così vita a un nuovo vangelo: quel vangelo che mancava: il vangelo scritto da una donna. Ed ecco che da questa angolazione viene in primo piano il corpo femminile nella sua fisicità: un corpo che, toccando e ascoltando, vede; un corpo che sente pure l'odore delle parole che ascolta; un corpo che normalmente dalla religione viene oscurato, in nome di una presunta purezza.

I paesaggi dispiegati nelle profondità del corpo assumono grande rilievo in questa testimonianza di Maria di Magdala, la cui figura resterà nella storia proprio per la sua interiorità, per se stessa. Non per un figlio, non per uno sposo, non per il padre... ma solo per se stessa: per quel suo donarsi compiutamente al *verbo d'amore* di Joshua di Nazareth.

Normalmente la conversione impone il completo rovesciamento della naturalità: l'allontanamento dal sensibile, la fuga dalla corporeità. Testimonia invece Maria di Magdala: "Nelle sue carni mi sono rigenerata", indicando così che il sacro non è contrapposto al corpo, ma è in noi. Con lucidità Maria di Magdala finirà con l'affermare: "Lascio questa testimonianza per le donne che verranno, perché possano amare come ho amato io, sbagliando fino a trovare la strada giusta e perfetta".

Flavio Ermini

Отзыв о рассказе

Рассказ Паолы Мануэлы Батталья повествует о любви Марии Магдалины и Иешуа из Назарета. История этой любви известна всем, но поскольку она наполнена многочисленными духовными, нравственными, социальными смыслами, каждый раз при попытке понять это до конца неисследованное чувство глубже, обнаруживаются неизвестные прежде детали.

Автор выбирает для предмета повествования бессмертную историю любви, передавая слово самой Марии из Магдалы, давая таким образом жизнь новому евангелию, евангелию, которого не хватало, – Слову, написанному женщиной. На первый план выходит женское тело и его физическая природа – тело, которое видит, тело, которое прикасается и слушает, тело, которое чувствует чистый запах слов, тело, которое обычно в религии отрицается, во имя мнимой чистоты.

Мысли раскрываются автором через глубокое восприятие тела, приобретают большее значение в свидетельствах Марии из Магдалы, чья фигура останется в истории именно благодаря ее духовному миру, благодаря ей самой. Не благодаря ребенку, мужу, отцу... но только благодаря самой себе: благодаря тому, что она целиком посвятила себя «слову, несущему любовь», сказанному Иешуа из Назарета.

Как правило, религиозное обращение предписывает полное отрицание естества, побег от телесности. Мария из Магдалы утверждает обратное: «Я возродилась во плоти его», показывая таким образом, что сакральное не противоречит телесному, что оно внутри нас. Мария из Магдалы завершает свое повествование ясным утверждением: «Я оставляю это свидетельство женщинам, которые придут, чтобы они полюбили его, как любила я, найдя после стольких ошибок праведный и достойный путь».

Флавио Эрмини

Guido Del Duca

Traduzione in russo di Anastasija Golubcova

Гвидо Дель Дука

Перевод Анастасии Голубцовой

IMPRESSIONI DAL DESERTO

In piedi in cima alla collina, sotto un riparo di fortuna, sembrava di stare sospesi in aria e vedere una distesa bianca e lucente sotto di noi, come tante nuvole pronte a dissolversi. Sapevo che a quell'ora i raggi del sole sfioravano appena la superficie lucida creando un effetto fiabesco che durava solo pochi minuti. In pochi minuti, a mezzogiorno, il sole avrebbe sovrastato completamente quella specie di specchio ustorio trasformandolo in una distesa infuocata, come se il nucleo incandescente della Terra premesse per venire allo scoperto.

Anche quell'effetto sarebbe durato poco, il pomeriggio avrebbe allungato la sua ombra sulla distesa chiara dando vita a figure ora oblunghe e squadrate come vagoni, ora contorte e inquietanti come *gargoyle*.

Lavoravo nelle miniere di sale ormai da trent'anni ma non mi ero ancora abituato allo spettacolo del lago Chott el-Jerid, e ogni volta che potevo mi affacciavo da quella collina – punto di vista privilegiato sulla salina – per vedere quale illusione ottica avrebbe creato la luce su quel lago di minerali.

Tanti miei colleghi mi prendevano per matto, alcuni arrivavano a evitarmi dicendo che lavorare lì mi aveva fatto perdere la ragione e non volevano che capitasse lo stesso a loro. Quando ero arrivato, lasciandomi alle spalle un passato chiuso in una scatola ermetica e sepolto in fondo al deserto come chi va ad arruolarsi nella Legione Straniera, forse ero anch'io come loro, insensibile al fascino di uno spettacolo che Dio o chi per lui ha messo a disposizione dei mortali lasciando a noi la discrezione di comprenderlo o no. Fortuna ha voluto che entrassi subito nelle simpatie di Ali, un vecchio operaio che lavorava lì – si diceva – da più di cinquant'anni ed era quindi una sorta di istituzione. Fu lui a mostrarmi lo spettacolo del lago di sale alla luce del sole o della luna, tra le ombre del pomeriggio e i colori dell'alba.

ВЛАСТЬ ПУСТЫНИ

Стоя на вершине холма под импровизированным навесом, мы смотрели на простертую внизу ослепительно-белую равнину, похожую на тающие облака. Мы словно парили в воздухе. Я знал, что в этот час солнечные лучи едва касаются блестящей поверхности, ненадолго создавая фантастический, сказочный эффект. Всего через несколько минут, в полдень, солнце окончательно поднимется над огромной сияющей линзой и превратит ее в раскаленное зеркало, из-под которого, кажется, вот-вот вырвется наружу огненное ядро Земли.

Этот эффект тоже продлится недолго. Вечером над белой гладью протянутся длинные тени – странные фигуры, то продолговатые и квадратные, как вагонетки, то зловеще искривленные, как горгульи.

Я работал в соляных копиях уже тридцать лет, но так и не привык к зрелищу, открывающемуся над озером Шотт-эль-Джерид. При любой возможности я выходил на холм, возвышавшийся над солончаком, чтобы увидеть, какой оптический обман на этот раз породит игра света над безжизненным озером. Многие коллеги считали меня сумасшедшим, некоторые даже избегали меня, говоря, что из-за долгой работы в копиях я потерял разум и они не хотят, чтобы то же самое случилось с ними.

Когда я пришел сюда, оставив за спиной, словно новобранец Иностранного легиона, свое прошлое, надежно запечатанное и похороненное в глубине пустыни, возможно, я был таким же, как они, и меня тоже не волновало то чарующее зрелище, которое Бог или кто-то другой подарил нам, смертным, предоставив каждому самому решать, стоит ли пытаться постичь смысл этой картины. Случилось так, что вскоре я заслужил расположение Али, старого рабочего, который, как говорили, провел в копиях более пятидесяти лет и успел стать их неотъемлемой частью. Это он показал мне, как волшебно выглядит озеро при свете солнца или луны, среди вечерних теней и красок рассвета.

“Un tempo gli uomini che ci hanno preceduto si affacciavano da questa collina per interrogare la salina come un oracolo” mi raccontò una volta “e usavano le immagini che vedevano riflesse per interpretare il futuro”.

Chissà se era una sua invenzione

Alì aveva una cultura enciclopedica, nonostante si proclamasse analfabeta; mi spiegò che molti testi antichi citavano casi di specchi magici, ne parlava Luciano di Samostata nella sua *Storia vera*, se ne parlava nelle *Mille e una notte*, e la tradizione proseguiva fino ai giorni nostri con Borges.

“Più tardi” era solito raccontarmi Alì “le miniere sono state considerate un luogo maledetto perché tanti viaggiatori, ingannati dai giochi di luce sul lago di sale, hanno scambiato per realtà i miraggi più disparati. Così perdevano la ragione, o andavano incontro a una morte atroce, visto che vicino al lago la temperatura sfiora i sessanta gradi”.

Al che io commentavo con finto cinismo:

“Be’, non ci è voluto molto perché il timore per questo luogo svanisse, se ci hanno costruito una miniera”.

“È successo perché l’uomo ha perso il senso della meraviglia” rispondeva Alì, chiudendosi in un silenzio rassegnato.

Un giorno Alì era scomparso, senza neanche salutare; aveva preso tutte le sue cose approfittando dell’oscurità e aveva lasciato la miniera. A volte mi diceva che quando avesse capito di essere in procinto di morire sarebbe andato incontro al miraggio che lo accompagnava da quando era lì. Già, perché lui era convinto che il lago di sale parlasse davvero ma solo a chi era in grado di ascoltare, e che mostrasse ai pochi privilegiati un’immagine che li aiutasse a sopportare le miserie della vita di ogni giorno, a elevarsi al di sopra degli affanni e dei dispiaceri, ad assaporare un pizzico di immortalità. Una finestra magica che – se si è in grado di vederla – serve da guida e da conforto, o materializza un desiderio o una persona cara che ci attende al termine del cammino.

Non si deve dire a nessuno cosa si vede in questo miraggio, e difatti lui non mi confessò

– Когда-то люди, жившие здесь до нас, выходили на этот холм и обращались к озеру, как к оракулу, – сказал он мне однажды, – и по возникавшим миражам угадывали будущее. Не знаю, может, он сам все это придумал.

Али был ходячей энциклопедией, хотя сам себя называл неграмотным; он объяснил мне, что во многих древних текстах упоминаются волшебные зеркала: о них говорил Лукиан Самосатский в своей *Правдивой истории*, о них повествовали сказки *Тысячи и одной ночи*, а Борхес продолжил эту традицию в наши дни.

– Позже, – частенько рассказывал мне Али, – копи стали считать проклятым местом, потому что многие путешественники, обманутые игрой света над соленым озером, принимали самые разные миражи за реальность и либо теряли рассудок, либо умирали ужасной смертью: на берегу озера температура доходит до 60 градусов.

На что я отвечал с деланным цинизмом:

– Быстро же прошел страх перед этим местом, если здесь начали добывать соль.

– Это случилось потому, что человек утратил ощущение чуда, – отвечал Али и погрузился в смиренное молчание.

Однажды Али исчез, даже не попрощавшись, – собрал вещи и под покровом темноты покинул копи. Бывало, Али говорил мне, что, почувствовав приближение смерти, уйдет вслед за миражом, не раз являвшимся ему с тех самых пор, как он пришел сюда. Ведь он верил, что соленое озеро действительно говорит, но только с теми, кто способен услышать; немногим избранным оно дарит видения, помогающие переносить беды и лишения повседневной жизни, подниматься над несчастьями и тревогами, на мгновение прикасаться к бессмертию. Окно в волшебный мир, который – если ты способен увидеть – наставляет и утешает тебя, или воплощает желания, или показывает тебе образ любимого человека – того, кто ждет тебя в конце пути.

Никому нельзя рассказывать, что за мираж ты увидел; вот и Али так и не признался, какое видение его посещало. В ответ на мой сарказм он пожимал плечами и предлагал сосредоточиться и попытаться понять, что озеро хочет сказать мне.

mai quale fosse il suo Aleph, scrollava le spalle al mio sarcasmo e mi invitava a concentrarmi di più e a cercare di capire cosa il lago mi volesse dire.

Solo dopo la scomparsa di Alì decisi di seguire il suo consiglio, e cominciai a crearmi la fama di pazzo. Mi presi un giorno libero e salii sulla collina senza nulla da mangiare né da bere, senza nulla con cui ripararmi dal sole incendiario del mezzodì e dalla frescura pungente della notte; mi distesi sulla sabbia rivolto verso la salina e rimasi immobile per ventiquattr'ore esatte senza mai distogliere lo sguardo dalla superficie lucida, senza perdere nessuno dei giochi di luce e ombra lì riflessi, aspettando che quella cosa mi parlasse.

Mi parlò.

In questo luogo il tempo è fermo come la superficie della salina. Per alcuni di noi – quelli che come me non hanno lasciato nulla dietro di sé – è una benedizione, per altri un incubo; incapaci di adeguarsi a un ritmo lento che non esiste altrove, prima si innervosiscono e poi scappano con il primo treno, che peraltro passa solo una volta alla settimana. Altri ancora invece impazziscono e basta, corrono verso i miraggi come i viandanti dei racconti di Alì, e se non vengono soccorsi in fretta finiscono per soccombere ai colpi di calore o accecati dal riflesso del sole sulla salina.

Quando ho cominciato a lavorare qui eravamo quasi un centinaio, oggi arriviamo a malapena a venti. D'altronde si lavora meno di un tempo, la quantità di sale estratto dalla miniera diminuisce costantemente, da anni non vediamo nessun principale e nessun ispettore della nostra società. Se non fosse per lo stipendio che ci arriva ogni mese, sospetteremmo di essere come quegli ultimi giapponesi che continuavano a combattere nella giungla dopo che la guerra era finita.

Per me, in effetti, la guerra è finita. Finisce oggi. Alì è venuto a trovarmi in sogno per ripetermi i suoi insegnamenti sui miraggi della salina e su come occorra ascoltarli, oltre che vederli.

Non sogno mai, o perlomeno non ricordo mai quello che sogno, ma stavolta è tutto chiaro come se il mio amico fosse proprio davanti a me.

Mentre faccio un fagotto di tutte le poche cose che voglio portare con me mi chiedo

Только после исчезновения Али я решился последовать его совету. Тогда-то и началась моя слава сумасшедшего. Я взял выходной и поднялся на холм, не захватив с собой ни еды, ни воды; мне было нечем укрыться от палящего полуденного солнца и от пронизывающего ночного холода; я лег на песок лицом к озеру и лежал без движения ровно двадцать четыре часа, не отрывая взгляда от блестящей глади, внимательно следя за игрой света и тени, ожидая, когда озеро заговорит со мной.

И оно заговорило.

Время в этом месте так же неподвижно, как поверхность солончака. Для некоторых из нас – таких же, как я, людей без прошлого – это счастье, для других – кошмар. Не сумев привыкнуть к здешнему ритму жизни, медленному, как нигде больше, они сперва впадают в беспокойство, а затем уезжают на первом же поезде, который, впрочем, ходит лишь раз в неделю. А некоторые просто теряют рассудок, и все: они убегают вслед за миражами, как путники в рассказах Али, и, если их сразу не спасут, в конце концов погибают под палящими лучами или лишаются зрения, ослепленные отблесками солнца на поверхности солончака.

Когда я начал работать здесь, нас была почти сотня, а теперь не осталось и двадцати человек. С другой стороны, сейчас и работы не так много, как раньше; количество соли, добываемой в копиях, постоянно уменьшается, и уже много лет сюда не приезжало ни начальство, ни проверяющие от компании. Если бы не зарплата, которую нам выплачивают каждый месяц, можно было бы подумать, что про нас просто забыли, как про последних японских солдат, продолжавших сражаться в джунглях, когда война уже закончилась.

Для меня война действительно закончилась. Она заканчивается сегодня. Али пришел ко мне в сновидении, чтобы напомнить о том, чему он меня учил – о миражах соленого озера, которые нужно не только видеть, но и слышать.

Мне никогда не снятся сны, а если и снятся, наутро я ничего не помню, но на этот раз я ясно вижу своего друга, словно он стоит прямо передо мной.

Укладывая скудные пожитки, которые хочу взять с собой, я гадаю, что же такого мог

cosa mai potesse aver visto Ali. Una volta, guardando il lago assieme a lui, mi era parso di vedere una carovana in sosta, piena di persone che ci facevano cenno di avvicinarci. Chissà se quella volta avevo avuto l'occasione, senza rendermene conto, di spiare nel miraggio di Ali.

Un altro collega, un altro che sembrava sensibile al fascino della salina, mi aveva raccontato di aver visto una donna bellissima. Gli dissi che era impossibile da quella distanza distinguere le fattezze di una persona, ma lui era convinto di quello che diceva e seppe descrivermela nei minimi particolari. Purtroppo non ebbi il tempo di spiegargli che non doveva raccontare cosa aveva visto: una mattina impazzì e corse incontro al suo miraggio senza mai raggiungerlo.

Il fagotto è pronto, esco dalla stanza in cui ho dormito negli ultimi trent'anni, raggiungo la cima della collina e proseguo verso la salina. Chissà se rivedrò Ali, quel che è certo è che il mio miraggio è lì che mi aspetta. Cosa ho visto? Posso solo dire che tutto sembra tranne un'illusione.

увидеть Али. Однажды, когда мы вместе смотрели на озеро, мне показалось, что я вижу остановившийся на отдых караван; множество людей махали нам руками, приглашая подойти.

Может быть, в тот раз я, сам того не осознавая, случайно проник в видение Али.

Другой мой коллега, который, казалось, тоже поддался чарам соленого озера, рассказал мне, что видел прекрасную женщину. Я ответил, что с такого расстояния невозможно разглядеть черты лица человека, но он был убежден в истинности своего рассказа и описал мне красавицу в мельчайших подробностях. К сожалению, я не успел предупредить его, что нельзя рассказывать о своих видениях: однажды утром он сошел с ума, бросился к своему миражу, но так и не сумел его настигнуть.

Пожитки собраны, я выхожу из комнаты, в которой ночевал последние тридцать лет, поднимаюсь на вершину холма и иду к солончаку. Не знаю, суждено ли мне вновь встретить Али, но мой мираж уже ждет меня. Что я увидел? Могу сказать только одно: что бы это ни было, это не похоже на иллюзию.

Biografia

Guido Del Duca (1979) è laureato in Scienze della comunicazione ed è stato allievo di Cinzia Tani e Carlo Lucarelli presso la Luiss Writing School.

Suoi racconti sono apparsi nelle antologie delle due edizioni di “Racconti di Provincia” e sono stati segnalati nel Premio Letterario Castelfiorentino.

Attualmente è editor presso il Service editoriale il Quadrotto. Vive a Roma.

Биография

Гвидо Дель Дука (1979) получил диплом по специальности «Теория коммуникации», учился у Чинции Тани и Карло Лукарелли в школе писательского мастерства Свободного международного университета общественных наук (LUISS). Его рассказы публиковались в двух изданиях антологии «Провинциальные рассказы» (“*Racconti di Provincia*”) и были отмечены литературной премией Кастельфьорентино. В настоящее время Гвидо Дель Дука живет в Риме и работает редактором в Издательской службе «*Quadrotto*».

Nota critica

Protagonista del racconto *Impressioni dal deserto* di Guido Del Duca è la natura. Ma una natura molto particolare: una natura ancora non contaminata, non deturpata dall'essere umano. Protagonista di questo racconto è il lago Chott el-Jerid: uno scorcio di paesaggio che – proprio perché lasciato intatto – può ancora intimamente comunicare con l'uomo. A chi sa “ascoltare” e a chi sa “vedere” quel paesaggio offre parole e immagini che possono rivelare segreti altrimenti impossibili da conoscere.

Cosa ci indica Del Duca? Ci svela che la Terra ha un “nucleo incandescente” che solo uno sguardo puro – ovvero uno sguardo che non ha perso “il senso della meraviglia” – può cogliere pienamente e far “venire allo scoperto”.

Noi siamo incastonati nella sostanza del firmamento. Il nostro compito è riscoprire l'essenza di quella sostanza, magari andando a ritroso nel tempo, fino a raggiungere la sapienza custodita nelle nostre origini.

In tale viaggio, sottolinea Del Duca, possiamo essere aiutati dai testi antichi (*Le mille e una notte*, per esempio), ma anche da chi – ai nostri giorni – li ha interpretati o magistralmente reinventati, come Borges.

Conoscere, ovvero addentrarsi in un territorio sconosciuto, può scombinare le nostre nozioni precedenti, e dunque può metterci in crisi. Ma solo così, avanzando attraverso la conoscenza verso l'ignoto (sia esso nel futuro o nel passato), possiamo renderci disponibili a nuove forme di sapienza.

È un cammino lungo il quale costantemente vanno preparate le condizioni affinché ognuno, dirigendosi verso la natura, possa dirigersi verso se stesso.

Flavio Ermini

Отзыв о рассказе

Главный герой рассказа Гвидо Дель Дука *Власть пустыни* – сама природа, но природа особая, еще не отравленная и не изуродованная человеком. Главный герой этого рассказа – озеро Шотт-эль-Джерид: местность, не тронутая цивилизацией и именно поэтому способная напрямую взаимодействовать с человеком. Тому, кто умеет смотреть и слушать, этот пейзаж дарит образы и слова, в которых открываются недоступные другим тайны.

О чем говорит нам Дель Дука? Об «огненном ядре Земли», которое может увидеть только чистый, незамутненный взгляд, еще не утративший «ощущение чуда».

Наша задача в этом мире – дотянуться до неба, постичь его сущность, а для этого мы должны повернуть время вспять, обратиться к нашим корням, к мудрости прошедших времен.

На этом пути, отмечает Дель Дука, нам могут помочь древние тексты (например, *Тысяча и одна ночь*), а также те, кто – уже в наши дни – интерпретирует и перерабатывает их, как Борхес.

Путь познания, ведущий в неведомые дали, нелегок, ведь он может перевернуть наши прежние представления о мире. Но только окунувшись в неизведанное (в прошлое или в будущее), мы сможем приобщиться к новым формам мудрости.

Сегодня мы должны проложить эту дорогу сквозь непознанное, чтобы каждый, обратившись к природе, мог найти самого себя.

Флавио Эрмини

Federica Di Rosa

Traduzione in russo di Marija Sudilovskaja

Федерика Ди Роза

Перевод Марии Судиловской

TRENO PER TOLGAN

Il treno non parte ancora.

Quando la campanella avrà suonato tre volte, dicono.

Nessuna notizia dello scrittore.

Vagone numero due. Una donna che un tempo forse è stata bella sorride di preoccupazione. Un uomo – dev'essere un dottore – è seduto davanti a lei.

La campanella suona.

La donna riprende un discorso chissà quante volte ripensato. “Stavo solo togliendo una ragnatela. Una ragnatela sotto la sua scrivania. Ed è caduta una chiave. Poi ho avuto la tentazione, la tentazione irresistibile di gettare uno sguardo, solo uno sguardo. E allora mi sono – diciamo così – imbattuta nelle sue parole”. Il dottore la interrompe: “È scappato di casa come un adolescente... e ha ottant'anni suonati! Ha preso la medicina? Venti gocce. La medicina, Sof'ja”.

La campanella suona di nuovo.

Un avvocato indiano vestito da gentleman inglese è appena salito sul treno. Ha un abito di tre taglie più grande. L'avvocato indiano si ferma nel vagone numero tre. Si guarda allo specchio.

La campanella suona, ancora. Il treno parte, e fa muovere al cielo la sua faccia senza espressione. L'avvocato vestito da gentleman inglese cerca di annodarsi – maldestro – la cravatta. “Un perfetto gentleman inglese possiede sicuramente un cilindro, un cilindro di seta, e un bastone per rendere più elegante il passeggio. Un perfetto gentleman inglese conosce tutti gli ottantacinque modi per annodare una cravatta. Nodo semplice. Nodo doppio. Nodo inglese. Nodo mezzo inglese. Un perfetto gentleman inglese deve sempre sapere che ore sono”.

Il treno attraversa piccole città senza nome, le stazioni sembrano prendere vita solo al suo passaggio. Poi, forse, tornano a dormire. Il sonno sembra cogliere il cielo, e le case in lontananza, e il bianco, il bianco della terra fredda.

Nessuna traccia dello scrittore.

Nel corridoio rivedo lei, la donna che era stata bella un tempo: Sof'ja. Sistema i capelli e prende una

ПОЕЗД В ТОЛГАН

Поезд все еще стоит.

Говорят, он отправится после третьего звонка.

От писателя никаких вестей.

Второй вагон. Женщина со следами былой красоты беспокойно улыбается. Напротив сидит мужчина – должно быть, доктор.

Звенит звонок.

Женщина возобновляет рассказ, который не раз, должно быть, повторяла про себя.

«Я только хотела убрать паутину. Паутину под его письменным столом. И тут на пол упал ключ. И я не устояла перед искушением заглянуть в ящик. И – скажем так – наткнулась на его слова». Доктор перебивает её: «Убежал из дома, как мальчишка... в восемьдесят лет! Вы приняли лекарство? Двадцать капель? Лекарство, Софья?».

Еще один звонок.

В третий вагон только что вошел адвокат-индиец, одетый как английский джентльмен. Костюм ему явно велик – на три размера больше. Адвокат смотрится в зеркало. Третий звонок. Поезд трогается, и безразличное лицо адвоката медленно плывёт в отражении неба. Адвокат, одетый как английский джентльмен, безуспешно борется с галстуком. «У настоящего английского джентльмена обязательно должен быть цилиндр. Шёлковый цилиндр. И трость, обеспечивающая красивую походку. Настоящий английский джентльмен знает все восемьдесят пять способов повязывать галстук. Простой узел. Двойной узел. Английский узел. Полу-английский узел. Настоящий английский джентльмен всегда знает, который час».

Путь поезда проходит через маленькие безымянные города, и кажется, что станции оживают только при его появлении, чтобы потом опять погрузиться в сон. Сон охватывает небо, дома вдалеке, землю – белую стылую землю.

Писателя как не было, так и нет.

medicina. “Trascrivere, trascrivere, trascrivere. Pensieri e parole di un altro, come se fossero tuoi. Volevo essere una scrittrice. Invece eccolo, lo scrittore: i suoi diritti d'autore lasciati ai contadini. E ai suoi figli lo sterco. Che ore sono?”.

Il viaggio è ancora lungo. Anche il treno sembra stanco. Le luci vanno e vengono. Sof'ja sorride ancora di preoccupazione. “Dev'esserci stato un momento, un momento esatto in cui mio marito è andato via anche se continuava a vivere nella stessa casa con me. Ma io non me ne sono accorta. Eppure, ci deve essere”.

La luce va e viene.

Forse lo scrittore non lo incontrerò mai. Credo che mi abbiano mandato qui apposta, per lasciarmi perdere. Il mio giornale non si aspetta niente da me. Almeno mi avessero dato un buon anticipo!

Il bianco immenso di fuori mi fa sentire ancora più perso. Come quell'avvocato indiano del vagone numero tre, che sembra spuntato qui per caso, tale e quale un personaggio che ha sbagliato quadro. Nel suo scompartimento c'è il suo cilindro, e il bastone, ma lui no. Un foglio di carta, con una lettera forse appena conclusa. Non devo leggerla. Non è roba mia.

“Cara mamma, dovrei dirti che sto diventando l'avvocato migliore che un Paese possa desiderare. Non voglio mentirti. Temo di non essere adatto a questo mestiere, e principalmente perché non sono capace di parlare in pubblico. Ogni volta che sto per fare un discorso, la lingua trema, la voce si abbassa, comincio a sudare leggermente poi sempre più. E spingo, spingo con la gola per far uscire le parole. Ma le mie parole non escono fuori mai intere. E non è colpa della lingua straniera. Dalla mia bocca, mamma, saltellano frammenti di frasi, abbozzi di parole, rantoli indistinti, indegni di un uomo che debba difendere una qualsivoglia causa”.

Non devo andare avanti, lo so. Ma lui non arriva ancora.

“Sto andando comunque a fare il mio lavoro. Difenderò la causa che mi hanno affidato. Mi chiedo soltanto se quello che faccio è davvero importante per il nostro Paese. Per il resto, non temere, non ho preso cattive abitudini: non bevo, non fumo e non ho mai mangiato carne”.

Un rumore assordante. Il treno si ferma. Una galleria. La luce va e viene. I passeggeri si agitano, escono nel corridoio, si chiedono cosa sia successo.

Si sente il ticchettio di un vecchio orologio.

В коридоре я снова вижу женщину со следами былой красоты, Софью. Она поправляет прическу и пьет лекарство. «Переписывать, переписывать, переписывать. Чужие мысли и слова, будто свои. Я хотела быть писательницей. Однако писатель – то хорош! Оставил авторские права крестьянам! А собственным детям – кучу навоза. Который час?» Впереди еще долгий путь. Кажется, даже поезд уже устал. Свет то горит, то гаснет. Софья всё ещё беспокойно улыбается. «Думаю, муж давно ушёл от меня, хотя всё ещё жил со мной под одной крышей. Когда именно это случилось, я не заметила, но ведь когда-то случилось».

Свет то горит, то гаснет.

Может быть, я так и не увижу писателя. Скорее всего, меня специально послали сюда, чтобы отделаться. На самом деле моя газета ничего от меня не ждёт. Даже аванса не дали!

От бесконечной белизны за окном я чувствую себя ещё более потерянным. Как тот адвокат-индиец из третьего вагона, – такое впечатление, что он попал сюда случайно, словно сошел с другой картины. В купе остались цилиндр и трость, но его самого нет. И еще осталось письмо, быть может, только что дописанное. Я не должен его читать. Это не моё дело.

«Дорогая мама, я был бы рад написать тебе, что становлюсь лучшим адвокатом, какого только может пожелать себе наша Страна. Но я не хочу обманывать тебя. Боюсь, я не подхожу для этой профессии, по той, скорее всего, причине, что не умею выступать публично. Каждый раз, когда я произношу речь, мой язык деревенеет, голос становится еле слышным, я потею, чем дальше, тем больше. Я безуспешно пытаюсь выдать из себя хоть несколько связных слов. И дело, мама, не в том, что мне приходится говорить на чужом языке. Из рта у меня вылетают обрывки фраз, отдельные слова, непонятные хрипы, не делающие чести человеку, который должен защищать чьи-то интересы».

Я знаю, что не должен читать дальше. Но автор письма ещё не вернулся.

«Тем не менее, сейчас я еду защищать человека, чьё дело мне доверили. Однако я всё время спрашиваю себя, действительно ли моя работа так важна для нашей Страны.

Siamo sotto una galleria in chissà quale parte del Paese. La notte sta diventando molto lunga. Qualcuno è arrivato fino alla testa del treno e giura che non c'è nessuno al posto di guida. Ironicamente, ogni tanto suona la campanella della partenza. Deve essersi bloccata.

Si sente il ticchettio di un vecchio orologio.

Una donna attraversa il treno. Non l'avevo vista prima. Ha l'aria di chi non vive in nessun luogo, ha l'aria di chi non è mai scesa da questo treno. Si ferma. Appoggia la bocca al vetro di un finestrino e soffia. Sulla nuvola bianca che per pochi secondi si forma sul vetro fa un disegno, e subito il disegno si cancella. "Bisogna essere veloci". Continua a soffiare con la bocca sul vetro e a disegnare con le dita, quasi volesse che il disegno restasse sul vetro sempre un momento in più di prima. "C'è una storia che raccontavano spesso, nel Paese che era il mio. Un re chiama a raccolta tutti i ciechi della città e chiede: 'Come sono fatti i miei elefanti? Ditemi: come sono fatti?'. Un cieco tasta le zampe e dice: 'Somigliano a colonne!'; un altro cieco tasta la punta della coda e dice: 'No, scopette!'. Un altro dice: 'Sono un mucchio di terra!'. 'No, montagne!'. 'State sbagliando tutti: questi elefanti somigliano a una grossa fune!' dice l'ultimo cieco, mentre tasta la proboscide. E così, tutti quei ciechi si mettono a discutere e a litigare. Accade spesso, non è vero?". Ma non mi lascia rispondere. "Mi chiamo Sonja, io abito qui, come quelle creature sospese: ne conosce alcune?". E si allontana.

I passeggeri del treno mi sembrano frammenti impazziti di parole e suoni: "Da quanto tempo siamo bloccati qui, sotto questa galleria?". "Tempo? E se il nostro tempo non fosse altro che questo?". "Chi le dice che non siamo già morti e lei si sta immaginando tutto?". "Lei si ricorda esattamente quando è salito su questo treno? *Quando*, dico. Il momento esatto".

So benissimo quando ho preso il treno, io: ho l'abitudine di segnarmi sempre tutto. Ore 20.15. Vagone numero uno. Ricordo i tre suoni della campanella, e i passeggeri. L'indiano vestito con un abito di tre taglie più grande, e quella donna dal volto noto, Sof'ja. Il dottore piccolo e corpulento che l'accompagnava. L'intervista impossibile al vecchio scrittore... "Succederà qualcosa da cui sarà impossibile tornare indietro" dicono i più ottimisti e anche i più pessimisti.

Siamo appesi a un destino di cui non possiamo disporre. È buio, fa freddo. Qualcuno comincia a sentirsi male. Qualcuno è convinto che morirà. L'agitazione cresce, c'è chi sospetta un complotto, chi un'azione terroristica, chi pensa sia colpa del governo.

Что касается всего остального, то тут тебе не о чем беспокоиться: у меня по-прежнему нет вредных привычек: я не пью, не курю и ни разу не ел мяса».

Оглушительный шум. Поезд останавливается. Туннель. Свет то и дело гаснет. Обеспокоенные пассажиры выходят в коридор, спрашивают друг друга, что случилось. Слышится тиканье старинных часов.

Мы стоим в туннеле, непонятно где. Ночь кажется очень длинной. Кто-то успел сходить вперед и клянется, что на месте машиниста никого нет. Словно в насмешку, время от времени звенит звонок отправления. Должно быть, сломался.

Слышится тиканье старинных часов.

По вагону идёт женщина. Раньше я её не видел. У нее такой вид, будто она ниоткуда, будто она никогда не сходила с этого поезда. Она останавливается. Приближает губы к окну и дышит на стекло. На стекле на несколько секунд появляется белое облачко, на котором она что-то рисует, но рисунок тут же исчезает. «Нужно поторопиться». Она снова дышит на стекло и водит по нему пальцем, словно хочет, чтобы рисунок остался на стекле чуть дольше. «Есть одна история, которую рассказывали в Стране, что была моей Страной. Один царь призывает к себе всех городских слепых и спрашивает: «Как выглядит мой слон? Отвечайте, как он выглядит?». Один из слепцов ощупывает ногу слона и говорит: «Он похож на колонну!». Другой трогает кончик хвоста и говорит: «Нет, на метёлку!». Третий говорит: «Нет, на кучу земли!» Четвертый: «Нет, на гору!» «Вы все ошибаетесь: этот слон похож на толстую верёвку!» – говорит последний, трогая хобот. И вот уже между слепцами вспыхивает ожесточенный спор. Такое часто бывает, не правда ли?». Но она не даёт мне ответить. «Меня зовут Соня, я здесь живу, как и эти создания в неопределённом положении: вы знаете кого-нибудь из них?» И удаляется.

Пассажиры поезда кажутся мне безумными обрывками фраз и звуков. «Сколько времени мы уже стоим здесь, в этом туннеле?». «Времени? А что, если у нас нет другого времени, кроме этого?» «Может, мы все уже умерли, и вы просто придумали всё это». «Вы помните, когда сели в этот поезд? Я спрашиваю, *когда*. Точный момент».

Я прекрасно помню, когда сел в поезд: у меня привычка все записывать. 20.15. Пер-

Sof'ja comincia a vagare lungo il corridoio del treno: "Il suo orologio... non trovo il suo orologio. Non trovo il suo orologio. È importante. Ha preso lei il suo orologio?".

Si apre lentamente la porta di uno scompartimento nel vagone numero quattro. Un vecchio si tira fuori completamente dal sedile sotto al quale era nascosto. Si guarda intorno. Ride. Mangia con avidità un cavolo, poi si spaventa dei rumori che fa masticando, come se venissero da un'altra parte. Guarda intensamente il cavolo, e comincia a parlargli. "Sarebbe bello scoprire che sono già morto e che questo è il momento che precede il mio funerale. Ci saresti solo tu, al mio funerale. Sei l'unica specie di cervello d'uomo rimasto".

La porta si richiude con la stessa lentezza.

Si sente – forte – il ticchettio di un vecchio orologio. In corridoio il dottore guarda minaccioso l'avvocato indiano. "Lei non dovrebbe viaggiare nel vagone bagagli?". "Ho acquistato un regolare biglietto". "Il vestito che indossa non è adatto a lei. I tratti del viso e l'accento rivelano le sue origini. Vuole gentilmente accomodarsi nel vagone bagagli?".

"No, signore. Io resto qui".

Si sente il ticchettio di un vecchio orologio. Qualcuno ride nello scompartimento numero quattro. Sof'ja si precipita davanti alla porta, come se avesse riconosciuto il suono di quelle risate. "Apri, sono io. Sono io. Lo so che sei qui. Mi riconosci? Voglio solo vederti, giuro che non dirò nulla. Parlami. Scrivimi, se vuoi. Stai scrivendo? Dai, aprimi. Ho anche il raffreddore, non senti? Hai sentito? Basta: mi uccido. Berrò del veleno. Mi senti? Lo sto bevendo. Va giù! Guarda che non scherzo. Sta facendo effetto: addio. Aprimi! Sono ancora viva!".

L'avvocato indiano guarda fuori dal finestrino. Con la bocca soffia sul vetro e comincia a disegnare. È un elefante con una lunga coda, come un filo. Di nuovo vedo la ragazza che abita qui, Sonja. Gli passa di fianco e sorride. Poi gli consegna una lettera. "Io non nutro il minimo dubbio sul successo finale di questa causa, e il vostro incoraggiamento non può che rafforzare in noi la nostra determinazione": l'avvocato legge la lettera, ad alta voce. La sua voce non trema. Nessun balbettio – ora – fa incespicare le sue parole una sull'altra.

Il dottore prende un grande respiro, i suoi occhi brillano golosi, e spalanca la porta del vagone numero quattro. Dentro non c'è nessuno. Solo un grande cavolo poggiato sul sedile. Un saluto da

вое купе. Помню три звонка, пассажиров. Индийца в костюме на три размера больше и женщину с запоминающимся лицом, Софью. Маленького толстого доктора, который сопровождал её. Несостоявшееся интервью со старым писателем... «Рано или поздно что-то случится, и тогда уже ничего нельзя будет изменить» – говорят оптимисты, да и пессимисты тоже.

Наша судьба не зависит от нас. Темно. Холодно. Кому-то становится плохо. Кто-то считает, что вот-вот умрёт. Паника нарастает, одни подозревают, что это заговор, другие говорят о террористическом акте, третьи во всём обвиняют правительство.

Софья ходит взад-вперед по коридору вагона: «Его часы... не могу найти его часы. Не могу найти его часы. Это очень важно. Вы не брали его часы?»

В четвертом вагоне медленно открывается дверь купе. Из-под лавки вылезает старик с кочаном капусты в руках. Озирается, смеётся. С жадностью ест капусту и вдруг пугается хруста, будто хрустит капустой не он, а кто-то другой. Внимательно смотрит на кочан и заговаривает с ним. «Было бы здорово обнаружить, что я уже умер и что скоро меня похоронят. Кроме тебя на моих похоронах не было бы никого. Ты один еще похож на человеческий мозг, – других не осталось».

Дверь так же медленно закрывается.

Слышно громкое тиканье старинных часов. В коридоре доктор угрожающе смотрит на адвоката-индийца. «Разве вы не должны ехать в багажном вагоне?» «Я купил обычный билет». «Ваш костюм вам не подходит. Черты лица и акцент выдают ваше происхождение. Не будете ли вы так любезны перейти в багажный вагон?»

«Нет, сударь. Я останусь здесь».

Слышится тиканье старых часов. В четвертом купе кто-то смеется. Софья бросается к двери: «Открой, это я. Это я. Я знаю, что ты здесь. Узнаешь мой голос? Я только хочу увидеть тебя, клянусь, я буду молчать. Скажи что-нибудь. Напиши, если хочешь. Ты пишешь? Ну открой же мне. Я простудилась, слышишь? Хватит! Я убью себя. Отравлюсь. Ты меня слышишь? Я уже пью яд. Уже выпила. Послушай, я не шучу. Он уже действует. Прощай. Открой! Я ещё жива!».

parte dello scrittore. Il dottore ride, nervoso: “È un genio, non c’è dubbio. Per questo così pericoloso. Così pericoloso”. Fa rotolare il cavolo e lo guarda come fosse una testa mozzata. La luce va e viene. L’avvocato indiano prende per mano Sonja e scende dal treno. Alcune persone lo seguono senza parlare. Altri restano a guardare, convinti che presto arriveranno i soccorsi. Si sente il ticchettio di un vecchio orologio, sempre più lontano. Il treno è ancora fermo sotto la galleria. Ai confini del mondo, verso un luogo chiamato Tolgan, alcune persone, guidate da un avvocato indiano, camminano al buio seguendo le rotaie del treno. Alla fine della galleria si vede una luce.

Адвокат-индеец смотрит в окно. Дышит на стекло и рисует на нем слона с длинным, как нить, хвостом. Я снова вижу девушку, которая живёт здесь, в поезде, Соню. Она подходит к нему и, улыбаясь, передаёт ему письмо. «У меня нет ни малейшего сомнения в успешном исходе этого дела, и ваше ободрение лишь укрепляет нашу решимость». Адвокат читает вслух. Голос у него не дрожит. Сейчас он не запинаясь, слова не спотыкаются одно о другое.

Глаза доктора жадно блестят, он глубоко вздыхает и распахивает дверь четвертого купе. Но там никого нет. Только большой кочан капусты на лавке. Привет от писателя. Доктор нервно смеётся: «Он гений, несомненно гений. Поэтому он так опасен. Да, опасен!» Он сбрасывает с лавки кочан, и тот катится по полу, как отрубленная голова. Свет то загорается, то гаснет. Адвокат-индеец берёт Соню за руку и выходит с нею из поезда. Несколько человек молча следуют за ними. Остальные смотрят им вслед, уверенные, что скоро подоспеет помощь.

Слышится удаляющееся тиканье старинных часов.

Поезд все еще стоит в туннеле. Где-то на краю света несколько человек, ведомые адвокатом-индийцем, идут в темноте по рельсам, держа путь к месту под названием Толган.

В конце туннеля виден свет.

Biografia

Federica Di Rosa (1976) si è diplomata in Scrittura drammaturgica presso la Scuola d'Arte Drammatica "Paolo Grassi" di Milano. Lavora come drammaturga per diversi teatri, tra cui il Teatro della Tosse di Genova e il Teatro Franco Parenti di Milano.

Ha pubblicato i testi teatrali *Mille e un'America* e *Scià Burasca* nella raccolta *La storia in gioco n. 8*, Tormena, Genova 2005; inoltre la sceneggiatura del cortometraggio *Eva Part Time*, terzo premio al Concorso "Donna, madre, lavoratrice", indetto dalla Consigliera di Parità Lucia Basso, Regione Veneto, nella raccolta *Son tutte belle le mamme del mondo*, C.L.E.U.P., Padova 2007.
Vive a Milano.

Биография

Федерика Ди Роза (1976) окончила факультет драматургии в театральной школе «Пало Грасси» в Милане. Работает для разных театров, среди которых – театр Тоссе в Генуе и театр Франко Паренти в Милане.

Опубликовала пьесы *Тысяча и одна Америка* и *Шах Бураска* в сборнике *История в игре № 8*, Тормена, Генуя, 2005; является автором сценария короткометражного фильма *Ева Part Time*, получила третью премию на конкурсе «Женщина, мать, труженица», учрежденную советником по вопросам равенства Лючией Бассо, регион Венето, в сборнике *Все мамы прекрасны*, C.L.E.U.P. (Cooperativa Libreria Editrice Università di Padova – Совместное издательство Падуанского университета), Падуя 2007.

Живет в Милане.

Nota critica

Treno per Tolgan di Federica Di Rosa è ispirato a fatti storici e a persone reali. Fa riferimento alla corrispondenza tra Tolstoj e Gandhi sul tema della non violenza e prende spunto da un evento ben preciso: la fuga dello scrittore dalla moglie, dai figli e dai privilegi di classe, per inseguire, già ottantenne, un sogno di purezza ideologica e spirituale.

La fuga avviene in treno. Da qui il titolo: *Treno per Tolgan*. Su quel treno l'autrice trova posto, idealmente, per la moglie, per Gandhi, per un giornalista, uno dei tanti richiamati dall'imminente morte dello scrittore. La moglie è una figura scissa, con due personalità e due nomi: uno, Sof'ja, è il suo; l'altro, Sonja, è quello attribuitole dallo scrittore. Sonja disegna sul vetro appannato, racconta parabole, è disincantata e indipendente. Sof'ja è smarrita in una condizione di dipendenza dal marito: "Trascrivere, trascrivere, trascrivere". È stanca di ricopiare "le parole di un altro"...

In questa scissione, che deriva da un'ansia insopprimibile di libertà, sta il senso del racconto. Quella libertà è la stessa che insegue Tolstoj con la sua fuga. A quella libertà dedicherà la vita Gandhi per realizzare l'idea della non resistenza al male con il male.

C'è una galleria buia, racconta Federica Di Rosa. In quella galleria "alcune persone, guidate da un avvocato indiano, camminano al buio". Altre resteranno a guardare. Ma solo alle prime sarà dato di vedere, alla fine, la luce.

In *Treno per Tolgan* ci troviamo di fronte a una sorta di pellegrinaggio sconvolto da forze drammatiche. Tale pellegrinaggio ci porta a un livello molto profondo di conoscenza: quella conoscenza capace di crescere – con fioriture inattese – fino all'ultimo giorno della nostra vita.

Flavio Ermini

Отзыв о рассказе

Рассказ Федерики Ди Роза *Поезд в Толган* навеян историей. У персонажей рассказа – реальные прототипы. Замысел рассказа восходит к переписке Толстого с Ганди о непротвлении злу насилием и к конкретному событию – бегству восьмидесятилетнего писателя от жены, детей и дворянских привилегий в поисках духовного очищения.

Бегство происходит в поезде. Отсюда и название – *Поезд в Толган*. В этом поезде автор находит место и для жены, и для Ганди, и для некоего журналиста – охотника за материалом о близкой смерти писателя. Жена писателя – фигура двойственная, она обретает в рассказе два воплощения и два имени: одно – Софья – её, другое – Соня – как называл ее сам писатель. Соня рисует на стекле, рассказывает притчи, она спокойна и внутренне свободна. А Софья – жертва зависимости от мужа: «Переписывать, переписывать, переписывать». Она устала записывать «чужие слова»...

В этой двойственности, причина которой – неудержимая жажда свободы, заключен смысл рассказа. Это та же свобода, которую ищет в своём бегстве Толстой. Этой свободе посвятит свою жизнь Ганди, развивая идею непротвления злу насилием.

Поезд останавливается в темном туннеле. По этому туннелю «несколько человек, ведомые адвокатом-индийцем, идут в темноте». Остальные смотрят им вслед. Но только идущим будет дано увидеть свет в конце туннеля.

Поезд в Толган – рассказ о своего рода паломничестве, омраченном вмешательством неведомых сил. Это паломничество выводит нас на очень глубокий уровень сознания: такое сознание способно расти и переживать внезапные расцветы до последнего дня нашей жизни.

Флавио Эрмини

Olga Paltrinieri

Traduzione in russo di Tat'jana Bystrova

Ольга Пальтриньери

Перевод Татьяны Быстровой

12 GIUGNO 2010

Ognuno di voi ricorderà dov'era e che cosa stava facendo quel giorno, quando le edizioni speciali del telegiornale diedero l'annuncio; era successa la stessa cosa con l'attacco al World Trade Center. Tutti voi, che siate dei sopravvissuti o semplici spettatori dall'altra parte del globo, ricorderete di aver visto la notizia e di esservi fermati ad ascoltare: increduli, dispiaciuti, forse sollevati all'idea che il pericolo fosse lontano da voi.

Io ero una di quelli nella parte sbagliata del globo, io non posso dimenticare dov'ero quando ho scoperto che il 12 giugno 2010 sarebbe stato l'ultimo giorno della mia vita.

Erano le due e mezza circa, dopo pranzo mi ero sdraiata sul divano con la tv accesa; volevo dormire un poco prima di tornare in ufficio, ma una breve telefonata con Andrea era rapidamente degenerata in un litigio. Nulla di nuovo: io che mi faccio prendere dal panico pensando alla futura convivenza, lui che giustamente si innervosisce per le mie continue paranoie, io che inizio a piangere per una parola o una frase sgarbata.

Ancora agitata dalla discussione, non riuscendo a dormire avevo iniziato uno zapping distratto tra i canali, con le dita autonome sul telecomando e la testa ancora presa dalla telefonata; le prime immagini che vidi di Venezia devastata dalla bomba non mi colpirono, continuai a scrivere un lunghissimo sms ad Andrea mentre una piccola parte del mio cervello le archiviava come "film/telefilm catastrofistico".

Sullo schermo intravidi un Duomo sventrato, piazza San Marco ridotta a un ammasso di detriti e invasa dall'acqua; sul mare e sui canali galleggiavano numerosi cadaveri, il cui sangue si mescolava alle acque verdastre della città, conferendo loro un color ruggine cupo.

Inviato il messaggio, cambiando nuovamente canale, fui costretta a prestare la mia attenzione a quelle immagini che si ripetevano ormai su tutte le emittenti e alle due parole che invariabilmente le accompagnavano: "edizione speciale".

12 ИЮНЯ 2010 ГОДА

Вряд ли вы сможете забыть, где и за каким занятием застал вас в тот день специальный выпуск новостей, как вряд ли забудете день, когда подвергся атаке Всемирный торговый центр. Кто бы вы ни были – один из чудом спасшихся или случайный зритель на другой стороне земли, – вы не забудете, как увидели кадры с места трагедии, как застыли, слушая сообщение: не веря своим ушам, преисполненные сострадания, а, может, с облегчением вздохнув при мысли, что опасность от вас далека.

Я оказалась среди тех, кому не повезло. И я отлично помню, где находилась, когда поняла: 12 июня 2010 года станет последним днем моей жизни.

Было около половины третьего. Я прилегла отдохнуть после обеда, но телевизор выключать не стала. Хотелось подремать перед тем, как вернуться на работу, но тут позвонил Андреа и разговор быстро перерос в ссору. Все как обычно: я, паникующая при мысли о нашей будущей совместной жизни, он, справедливо обиженный моими вечными страхами. И вот я уже плачу из-за вырвавшегося невзначай слова, резкой фразы.

После этого звонка заснуть я уже не могла, поэтому машинально взялась за пульт телевизора: пальцы сами перебирали кнопки, перескакивая с канала на канал, пока в ушах еще звучал наш разговор. Первые кадры опустошенной взрывом Венеции оставили меня равнодушной: я строчила Андреа длинную смску, в то время как крошечная часть моего мозга сохранила увиденное как «фильм/телефильм о катастрофе».

На экране смутно вырисовывался Собор с голыми проемами окон, площадь Святого Марка, похожая на огромную кучу мусора и вся залитая водой. В море и каналах плавали бесчисленные трупы, их кровь смешивалась с зеленоватой водой, казавшейся теперь бурой.

Я отправила смску и опять переключила на другой канал, но страшные кадры трансли-

Fu così che appresi tutto quello che c'era da sapere sull'argomento: la nuova tipologia di bomba, la rivendicazione da parte di un gruppo terroristico, l'immediata diffusione di un gas che nel giro di poche ore avrebbe ucciso tutti coloro che si trovavano nel raggio di circa 200 chilometri dalla bomba, al momento dello scoppio.

Inutile fuggire quindi, il danno era già avvenuto; ciononostante, i tg trasmettevano in continuazione immagini delle autostrade bloccate dal traffico, degli aeroporti invasi e delle hostess buttate a terra nel tentativo di accaparrarsi l'ultimo posto rimasto su un volo intercontinentale.

La conduttrice del telegiornale piangeva disperata mentre lanciava i servizi e coordinava gli inviati in tutte le città del Nord Italia; ad un tratto, come riscuotendosi, smise di piangere e urlò: "Vado a casa, voglio vedere i miei figli, restateci voi ad aspettare la morte davanti a una telecamera se vi piace tanto!".

In salotto nel frattempo era entrata mia madre, gli occhi lucidi e le mani strette a pugno; si era seduta sul divano, prendendo le mie gambe sulle sue ginocchia, ed aveva iniziato a carezzarmi i piedi come faceva quando ero bambina. Sentimmo sbattere la porta e subito dopo i passi lenti e pesanti di mio padre e di mio fratello, le loro voci profonde, così simili, che parlavano con toni insolitamente sommessi.

Presero posto sulle due poltrone vicine, e restammo lì a fissare le immagini sullo schermo, in silenzio, finché iniziarono contemporaneamente a squillare telefono e cellulari.

"Andrea".

Piangeva, lo sentivo piangere per la prima volta da quando ci eravamo conosciuti, ormai 8 anni prima; credo fu quello a risvegliarmi, a farmi comprendere infine che cosa stava succedendo, e a straziarmi. Piangeva senza parlare, senza urla o gemiti: solo un respiro pesante e qualche raro singhiozzo; dopo un paio di lunghi minuti, disse soltanto: "Tu cosa fai? Qualsiasi cosa tu decida, io verrò con te".

Non sapevo cosa rispondere: al di là di quanto ci era stato comunicato dalle televisioni, esisteva qualche concreta possibilità di salvezza? Potevamo ancora fuggire, o trovare un rifugio, o qualche forma di rimedio contro i gas emessi dallo scoppio?

"Vieni qui, decideremo insieme. Porta anche i tuoi, io intanto cerco informazioni".

ровались уже повсеместно с неизменной подписью «специальный выпуск», так что мне волей-неволей пришлось обратить на них внимание.

Вскоре я узнала все, что только можно было узнать: использован новый тип бомбы, трагедия – дело рук террористов, газ распространяется мгновенно и через несколько часов от него умрут все, кто находился в радиусе двухсот километров от источника взрыва.

Значит, все уже свершилось, нет смысла куда-то бежать, однако в новостях непрерывно крутили одни и те же сюжеты: многокилометровые пробки на дорогах, переполненные аэропорты, стюардессы, сбитые с ног пассажирами, пытающимися занять последнее место на межконтинентальном рейсе.

Ведущая горько плакала, объявляя сюжеты и связываясь с корреспондентами во всех городах севера Италии. Вдруг, словно опомнившись, она перестала рыдать и крикнула: «Я пошла, мне надо вернуться домой, к детям! Сами сидите перед камерой и ждите смерти, если вам так угодно!».

Меж тем в гостиную вошла мама: глаза ее блеснули, пальцы сжались в кулаки. Она села на диван, положила мои ноги себе на колени и принялась гладить их, как часто делала, когда я была маленькой. Хлопнула дверь, раздались тяжелые шаги отца и брата, их глубокие и такие похожие голоса – только говорили они непривычно тихо.

Они уселись в кресла рядом с нами, все мы молча уставились в экран – так и сидели, пока череда звонков на все телефоны сразу не прервала тишину.

– Андреа, – подумала я.

Он плакал. С тех пор, как мы познакомились, прошло уже восемь лет, но я ни разу не видела, чтобы он плакал. Наверное, это меня встряхнуло, я наконец-то поняла, что происходит, и сердце мучительно сжалось. Он просто плакал – молча, без стенаний и криков, было слышно тяжелое дыхание и редкие всхлипы. Наконец, после нескольких мучительно долгих минут, он спросил:

– Что собираешься делать? Что бы ты ни решила – я с тобой.

Internet stava impazzendo. Cercai di consultare i principali siti di informazione, ma le notizie erano troppo frammentate e contraddittorie; l'unica certezza era che a Venezia e dintorni si erano avute le prime morti dovute al gas: i cadaveri che avevamo visto in televisione erano tutti dovuti all'esplosione, ma successivamente la gente aveva iniziato a morire in casa o per la strada, semplicemente accasciandosi al suolo e smettendo pian piano di respirare.

Qualche blog riportava le testimonianze di chi era sul posto: "Ragazzi, non so se riuscirò a completare questo post. Sono in biblioteca, intorno a me la gente sta morendo, e chi non è già andato si prepara pregando, piangendo, imprecaando. Una coppia di fianco a me sta facendo l'amore per l'ultima volta, ma lui inizia ad avere il respiro affannoso di chi sta arrivando alla fine; l'abbiamo già visto succedere, hai qualche minuto di asma e poi le forze ti abbandonano, e basta, tutto è concluso. Io sono in questa cazzo di Venezia solo perché volevo studiare cinese e a Bari non avrei mai potuto farlo, e ora ci morirò, e non vedrò più Bari e non vedrò mai la Cina. Chiudo qui, non voglio essere davanti a un pc mentre i polmoni smettono di pompare aria, chiamerò mia madre a resterò al telefono con lei. Ciao, è un modo veramente assurdo di lasciarci la pelle".

Alcuni siti riportavano possibili antidoti contro i gas sprigionatisi durante l'esplosione, ma per il momento le fonti ufficiali non sembravano dar loro nessun credito. Nelle zone di confine del raggio di tossicità della bomba erano invece segnalati disordini e guerriglia: gli abitanti delle zone "avvelenate" cercavano disperatamente di fuggire il più lontano possibile, contando sul fatto che la lontananza dall'esplosione in realtà potesse lasciar loro qualche speranza di salvezza, se si affrettavano ad allontanarsi. Gli abitanti delle zone "salve" però non erano disposti ad accoglierli fraternamente: anche se l'ipotesi non era stata confermata da fonti ufficiali, correva voce che i contaminati potessero a loro volta contagiare i sani; si erano quindi organizzati squadroni di cittadini armati, disposti a sparare su chiunque provasse a fuggire dalle zone infette.

Suonò il campanello: era la ragazza di mio fratello, accompagnata da genitori, nonni e gatti; nessuno di loro piangeva, ma entrarono in assoluto silenzio, come suore di clausura, e sapevo quanto poco quell'atmosfera si addicesse a Silvia.

Я не знала, что ему отвечать. Если отвлечься от того, о чем сообщали в новостях, есть ли у нас хоть какой-то шанс на спасение? Как быть? Бежать, прятаться, искать какое-то противоядие от этого газа?

– Приезжай сюда, решим вместе. Приезжайте всей семьей! Я пока попробую что-нибудь разузнать.

Интернет обезумел. Я заходила на главные новостные сайты, но сведения были обрывочными и противоречивыми. Ясно было одно: в Венеции и округе люди уже умирают от газа. Те трупы, что мы видели раньше, были жертвами взрыва, теперь же люди погибали у себя дома или прямо на улице: падали на землю и постепенно переставали дышать. В блогах уже появлялись рассказы очевидцев: «Не знаю, успею ли дописать этот пост. Я сижу в библиотеке, вокруг умирают люди, а кто еще не умер, готовится: молится, плачет, прокликает судьбу. Рядом со мной влюбленная парочка в последний раз занялась любовью, но парень начинает задыхаться – значит, скоро умрет. Все это мы уже видели: сначала становится трудно дышать, потом слабеешь – и все, конец. Я торчу в этой проклятой Венеции потому, что хотела учить китайский, а в Бари его не преподают. А теперь я умру, так и не вернувшись в Бари и не увидев Китай! Все, заканчиваю: не хочется сидеть за компьютером в тот миг, когда легкие перестанут качать воздух. Позвоню маме и буду разговаривать с ней, пока хватит сил. Прощайте, вот уж, действительно, глупая смерть!».

На некоторых сайтах давался список возможных противоядий, но пока что официальные источники ничего на этот счет не заявляли. В пограничных зонах, где действие газа кончалось, уже начались беспорядки и стычки: в надежде на спасение обитатели «отравленных» районов спешили поскорее уехать как можно дальше от эпицентра взрыва, в то время как жители «здоровых» районов совсем не мечтали по-братски принять беглецов. Хотя официальные источники этого и не подтверждали, поползли слухи, что вновь прибывшие могут быть заразны, а потому «местные» организовали вооруженные отряды, готовые пристрелить любого, кто попытается пересечь границу.

Arrivò anche la mia amica Sara con i suoi genitori: non essendo originari della zona, per loro rappresentavamo una famiglia adottiva, e senza bisogno di chiedere, era ovvio che ci saremmo trovati da noi, ad aspettare, come altre volte ci eravamo radunati per le feste o per una partita dei mondiali.

Infine, arrivarono Andrea e famiglia; nel frattempo, ascoltando radio e televisione, leggendo le novità in rete, a tutti era diventato chiaro che non ci stavamo riunendo per trovare insieme una soluzione: eravamo tutti insieme per salutarci un'ultima volta. Andrea mi aveva abbracciata, entrando, senza un'ombra di sorriso negli occhi: vederli spenti mi chiarì la situazione più delle immagini di morti e distruzione, tutto stava finendo.

Le ore successive trascorsero lente: per quanto possa sembrare incredibile, le mie ultime ore furono le più lunghe della mia vita. Cenammo, ognuno con ciò che preferiva (negozi e supermercati avevano lasciato le porte aperte, consci di quanto fosse ormai inutile chiedere denaro che non si sarebbe mai potuto utilizzare); Andrea ascoltò molta musica, e io rilessi alcune pagine di Jane Austen. Soprattutto, parlammo molto. Buona parte della serata e della notte trascorsero tra ricordi, confessioni, dimostrazioni di profondo affetto e amore; si era creata nell'aria un'atmosfera di malinconica e rassegnata serenità, che ci manteneva riuniti in quella stanza senza scene di disperazione, e solo a tratti con qualche silenzioso pianto.

Verso le 5 del mattino, quando stavo quasi per prendere sonno, mi accorsi che il respiro si stava facendo lentamente più difficoltoso; volgendo lo sguardo intorno, capii che sarei stata la prima, perché gli altri ancora non accusavano alcun sintomo. Dissi ad Andrea che volevo salutare tutti e che sarei tornata da lui poco dopo; vidi nei suoi occhi la consapevolezza di che cosa volessi dire in realtà, e mi ferì a morte il lago nero che vidi spalancarsi in quegli stessi occhi.

La parte più difficile fu salutare mio fratello e i miei genitori; mia madre sembrava non voler mai lasciare le mie mani, e solo quando si accorse che ormai ero troppo debole per liberarmi mi lasciò andare, baciandomi di nuovo tra i capelli.

Mi allungai sul divano, e chiamai Andrea al mio fianco, nella stessa posizione che avevamo assunto

В дверь позвонили: эта была Сильвия, девушка моего брата, со своими папой и мамой, дедушкой, бабушкой и кошками. Никто не плакал. Они вошли в полной тишине, как монашки, давшие обет молчания, – я-то знала, что это совсем не похоже на Сильвию. Потом пришла моя подруга Сара и ее родители. Они были приезжими и считали нашу семью чем-то вроде приемных родителей, так что и без звонка было ясно, что они придут к нам, как всегда приходили на праздники или когда по телевизору транслировали чемпионат по футболу.

Наконец, пришел Андреа со своими родными. К этому времени, наслушавшись радио, насмотревшись телевизора, начитавшись новостей в интернете, мы поняли, что собрались здесь не для принятия решения, а чтобы проститься. Войдя, Андреа сразу обнял меня, но в его глазах не промелькнуло и тени улыбки. Глядя в эти потухшие глаза, я поняла гораздо яснее, чем когда смотрела на плывущие трупы и разрушенные дома: все кончено.

Время текло медленно: как бы неправдоподобно это ни звучало, мои последние часы оказались в моей жизни самыми длинными. Мы поужинали: каждый съел то, что больше всего любил (магазины и супермаркеты стояли открытыми: зачем брать с людей деньги, если их уже не потратишь?). Андреа долго слушал музыку, я перечитывала Джейн Остин.

А еще мы много разговаривали. Большая часть вечера и ночи прошла в воспоминаниях, признаниях, проявлениях любви и заботы. Всех охватила печаль, спокойное смирение, еще больше сплотившие нас: бурному отчаянию не было места, лишь изредка кто-то тихонько плакал.

Около пяти утра, почти засыпая, я вдруг почувствовала, что мне трудно дышать. Оглядевшись, я поняла, что буду первой: у остальных пока не наблюдалось никаких признаков отравления. Я сказала Андреа, что попрощаюсь со всеми и сразу вернусь. Посмотрев

tante volte negli anni precedenti per guardare un film o chiacchierare, prima di fare l'amore. Lo abbracciai, sentii che anche il suo respiro stava diventando lievemente più affannoso, ma non avrei fortunatamente fatto in tempo a vederlo morire.

Mi baciò a lungo. Credo di essere morta mentre ancora mi baciava.

Oggi siamo qui, e vi diciamo di non piangere per noi: se riuscite a sentirci, vi diciamo che qui c'è un sole più materno del vostro, e una notte più dolce e profumata. Se riuscite a sentirci, sappiate che quello non è stato un giorno infausto per noi, che abbiamo avuto la fortuna di morire con coloro che amavamo, senza sopportare la mancanza l'uno dell'altro, e oggi abbiamo la fortuna di godere tutto questo.

ему в глаза, я увидела, что он прекрасно понял истинный смысл моих слов: в его глазах разлилось огромное озеро, и его черные воды окатили меня смертельной болью. Тяжелее всего было проститься с родителями и братом. Казалось, мама никогда не отпустит моих рук. Лишь когда она заметила, что я совсем ослабла и больше не пытаюсь вырваться из ее объятий, она в последний раз поцеловала меня в голову и отпустила. Я растянулась на диване, потом позвала Андреа, и мы оба легли, прижавшись друг к другу, как ложились сотни раз за последние годы, чтобы посмотреть кино или поболтать, перед тем, как заняться любовью. Я обняла Андреа и услышала, что и его дыхание становится тяжелее: к счастью, я не успею увидеть его мертвым. Он долго меня целовал. Наверное, как раз в это время я и умерла.

Теперь мы здесь. Не стоит плакать о нас. Если вы слышите нас, то поверьте: солнце здесь гораздо ласковее вашего, а ночь нежнее и душистее. Если вы слышите нас, то знайте: мы не проклинали тот день, ведь нам повезло умереть вместе с теми, кто был нам дороже всего. Нам повезло: наши сердца не разрывались от тоски по любимым, и оттого нам теперь хорошо.

Biografia

Olga Paltrinieri (1983) lavora per l'ufficio marketing di una banca.

Nel tempo libero ha sempre amato scrivere, ma solo nell'ultimo anno ha deciso di partecipare ad alcuni concorsi e premi letterari.

Nel 2011 ha ottenuto il terzo premio del Concorso di poesia Under 29, nell'ambito del Poesia Festival (<http://www.poesiafestival.it/>).

Inoltre ha vinto il primo premio del Concorso Tagliacorto, premio collaterale dell'Ozu Film Festival. Vive a Carpi, in provincia di Modena.

Биография

Ольга Пальтриньери (1983) работает в банке, в отделе маркетинга. Пишет всю жизнь, но лишь год назад решилась принять участие в литературных конкурсах. В 2011 г. она заняла третье место в поэтическом конкурсе «Under 29», организованном в рамках Фестиваля поэзии (<http://www.poesiafestival.it/>). Победитель конкурса «Тальякорто», проходящего в рамках Кинофестиваля имени Ясихиро Одзу. Живет в городе Карпи, провинция Модены.

Nota critica

Esistiamo storicamente perché abbiamo da vivere un tempo finito, perché siamo mortali. O meglio: perché non ci attende uno spegnimento inconsapevole (come accade al contrario agli animali), ma abbiamo da sbrigarcela con la permanente possibilità del limite ultimo.

In questo racconto – *12 giugno 2010* – Olga Paltrinieri si propone di indagare l'animo umano quando questo prende coscienza dell'imminenza della fine. Sappiamo di dover morire, eppure viviamo come se ciò non dovesse mai accadere: davanti al limite ultimo il nostro atteggiamento è quello della fuga... Accade normalmente che l'uomo faccia i conti con la propria mortalità solo in seguito a un incidente o a una malattia; in seguito a un fatto, insomma, che faccia cadere l'illusione di essere immortali...

L'evento scatenante, nel racconto, è costituito da un attentato terroristico con un gas letale. La protagonista, conscia della morte che l'aspetta, ci mostra con i suoi ultimi gesti – prevalentemente gesti di affetto per i suoi cari – che la fine può svelare una cruciale verità. Può svelare che il senso del nostro esistere sta nel prendersi cura di ciò che ci viene incontro e ci sta davanti. Insomma ci svela che la vita è essenzialmente intimo colloquio con il prossimo.

Il percorso dell'uomo tende costantemente verso la sua conclusione: la fatale quiete della sera. Ne è consapevole Ugo Foscolo quando scrive: "Forse perché della fatal quiete / tu sei l'imago, a me sì cara vieni, / o sera!".

Proprio per questo, nelle ultime righe del racconto Olga Paltrinieri ci svelerà che il privilegio dell'uomo sta soprattutto nel custodire il misterioso trasfigurarsi della vita che trapassa per consegnarlo a coloro che verranno.

Flavio Ermini

Отзыв о рассказе

Человеческая жизнь разворачивается в историческом времени, потому что она не безгранична, потому что мы смертны. Иначе говоря, потому что для нас конец – не просто неосознанное медленное угасание, как у животных: мы постоянно помним о том, что нам предстоит умереть.

В рассказе *12 июня 2010* Ольга Пальтриньери предлагает читателю заглянуть в человеческую душу в то мгновение, когда становится ясно, что конец неизбежен. Мы знаем, что рано или поздно умрем, но живем так, словно этого никогда не произойдет, постоянно бежим от этой мысли... Обычно человек осознает, что он смертен, после несчастного случая, тяжелой болезни или других событий, развеивающих иллюзию бессмертия...

Таким событием в рассказе становится террористический акт, приводящий к утечке смертельно опасного газа. Главная героиня знает, что ей суждено погибнуть. Последними часами своей жизни, которые она посвящает заботе о близких, героиня доказывает, что смерть помогает понять самое главное: смысл нашего существования в том, чтобы заботиться о тех, кто рядом, и принимать то, что дарит нам судьба. По сути, наша жизнь – сокровенный диалог с ближним.

Земной путь человека неизбежно стремится к логическому завершению, к «роковому покою» вечера. Об этом замечательно написал Уго Фосколо: «Не оттого ли рад тебе всегда я, / что роковым покоем дышишь ты, / о вечер!» (пер. Р. Дубровкина)

В последних строках рассказа Ольга Пальтриньери говорит, что счастье быть человеком – в том, чтобы хранить тайну волшебного преображения уходящей жизни, передавая ее будущим поколениям.

Флавио Эрмини

Silvia Valentini

Traduzione in russo di Anastasija Klepikova

Сильвия Валентини

Перевод Анастасии Клепиковой

SOLO UN'OMBRA

Uno spettro vagava per la città silenziosa. L'unico rumore erano i suoi passi strascicati lungo l'asfalto ancora inzuppato d'acqua dopo che la pioggia era sgorgata copiosamente dal cielo nelle ore precedenti la notte. Il buio intenso era rotto soltanto dagli aloni dei lampioni lungo la strada e dalle luci che sfuggivano da qualche finestra socchiusa, tagliando così la coltre fitta dell'oscurità. C'era odore di pioggia nell'aria e qualche gocciolina sottile ogni tanto piombava frettolosa nelle pozzanghere con un tintinnio metallico. Non faceva freddo, ma l'umidità era opprimente e penetrava nelle ossa e premeva sulle teste come una cappa ostile. Nel silenzio assopito, ogni tanto si udiva affannoso il respiro del treno e il cigolio dei vagoni sulle rotaie; durava poco e si allontanava divenendo sempre più lontano, fino a svanire. La città piombava allora in un silenzio ancora più denso che la faceva apparire più buia. L'errare confuso di quel vagabondo assumeva contorni ancora più spettrali; la sua figura proiettava la propria ombra sull'asfalto e si allungava, cambiando fisionomia. Camminava ormai da molte ore dopo essere apparso dal nulla; nessuno l'aveva mai visto e la sua comparsa in città lasciò tutti meravigliati e stupiti di non averlo mai visto prima. C'era qualcosa in lui che lo distingueva dai senzatetto che abitualmente si vedevano nelle strade, qualcosa che lo faceva temere anche se il suo comportamento sembrava rispettoso e non infastidiva nessuno con il suo vagare silenzioso. Nessuno poteva scorgere il suo viso, nascosto sotto un cappello annerito, quasi fosse scampato a un incendio; ne fuoriusciva soltanto la barba, una massa confusa di peli grigi, quasi bianchi, che gli scendeva addirittura fino al torace. Indossava un impermeabile logoro e sudicio e portava sulle spalle un piccolo zainetto che sembrava non contenere nulla; eppure, pareva sopportarne il peso con fatica e camminava curvo appoggiandosi a un bastone di legno grezzo. Era alto, ma la sua figura era come spezzata dall'innaturale curvatura del suo portamento. Nessuno poteva distinguerne i contorni del viso e nemmeno le fattezze del corpo, interamente coperto da quel pastrano pesante nonostante fossero i primi giorni d'autunno e la temperatura fosse ancora mite. Nessuno sapeva dove dormisse, dove trovasse riparo durante la notte o durante la pioggia che, anche quel giorno, aveva avvolto la città in un nube d'acqua. Quel pomeriggio si era riparato nell'androne

ВСЕГО ЛИШЬ ТЕНЬ

Призрак скитался по безмолвному городу. Слышны были только его шаги – шарканье по асфальту, не просохшему после обрушившегося вечером ливня. Лишь огоньки уличных фонарей да свет, сочившийся кое-где из полуприкрытых окон, прорывались сквозь тьму, прорезая ее плотную завесу. В воздухе пахло дождем, время от времени легкие капельки воды стремительно падали в лужи, отзываясь металлическим звоном. Было не холодно, но сыро: сырость пробирала до самых костей, обручем сдавливала виски, от нее негде было укрыться. В сонной тишине порой слышалось пыхтение поезда и скрип бегущих по рельсам вагонов: шум длился недолго, удаляясь, он становился все глуше, пока не стихал. Город вновь погружался в молчание, казавшееся теперь еще глубже, еще сильнее сгущался мрак. Бесцельно скитающийся бродяга еще больше походил на призрак: его фигура отбрасывала тень на асфальт и неестественно вытягивалась, изменяя очертания. Он возник ниоткуда и шел уже не один час. Прежде он здесь не показывался, и жители города не уставали удивляться появлению странного незнакомца. Было в нем нечто такое, что отличало его от прочих бездомных, встречавшихся на улицах, – нечто пугающее, хотя вел он себя почтительно, шел молча и никому не причинял беспокойства. Никто не видел его лица, скрытого почерневшей, словно вытащенной из огня шляпой, из-под шляпы торчала борода – ниспадавшая на грудь спутанная копна седых, почти белых волос. На нем был поношенный грязный плащ, за плечами – маленький и, на вид, пустой рюкзачок, однако шел он, сгорбившись, опираясь на грубый деревянный посох, как будто нес тяжелую ношу. Роста он был высокого, но из-за неестественно кривой осанки казалось, что его тело разломилось на части. Никому не удавалось рассмотреть его лицо, разглядеть фигуру, скрытую под теплым одеянием, хотя стояла ранняя осень и было совсем не холодно. Никто не знал, где он находит ночлег, где прячется от дождя, затягивающего город плотной завесой. В тот день он укрылся в подъезде: спрятавшись под лестницей и почти слившись со стеной,

di un palazzo; nascosto nell'incavo di un sottoscala, quasi appiattito contro il muro per non essere notato, aveva atteso per ore che il maltempo cessasse e poi, silenzioso com'era entrato, era uscito dal portone e aveva condotto altrove la sua sgradita presenza. Sapeva di incutere timore perché notava la paura lampeggiare negli occhi della gente non appena lo vedevano, soprattutto in quelli dei bambini, giudici imparziali e onesti della persona che si trovano davanti. Non conosceva il proprio aspetto perché non ricordava nemmeno l'ultima volta in cui si era guardato in uno specchio; gettava, ogni tanto, qualche occhiata distratta alla propria immagine riflessa nelle vetrine dei negozi ma solo per assicurarsi di esistere ancora. Erano molte le cose di sé che non sapeva e non perché fosse stato colpito da amnesia, ma soltanto perché aveva smesso di ricordare chi era stato molto tempo prima. Non era soltanto un modo di dire: davvero, se qualcuno gli avesse chiesto notizie, lui non avrebbe saputo cosa rispondere. Con il tempo, per se stesso era diventato ciò che era per gli altri: un'ombra senza casa e senza storia, una presenza che scivolava per le vie senza lasciare alcuna traccia del suo passaggio. Aveva camminato molto a lungo, anche se non avrebbe saputo ricostruire i luoghi che aveva visto e le città che aveva attraversato; non sapeva nemmeno da dove fosse partito e solo la stanchezza estrema del suo corpo lo induceva a credere di aver percorso molta strada. Aveva vagato per città e paesi, attraversato la campagna dove l'erba gli arrivava al ginocchio e dove la terra era talmente secca da formare delle crepe; aveva costeggiato fiumi e piccoli corsi d'acqua che aveva guadato saltando da un ciottolo all'altro. Solo la spossatezza che provava adesso gli faceva credere che fosse trascorso parecchio tempo da quelle sue prodezze. Ora il suo incedere era troppo lento e i suoi passi troppo pesanti anche solo per attraversare una strada.

Non ricordava nemmeno l'ultima volta che aveva parlato con qualcuno; non sapeva addirittura più quale fosse il timbro della sua voce. Aveva soltanto vaga memoria di quando un giorno, molto tempo prima, un suono insolito era uscito dalla sua bocca e lui ne era rimasto spaventato non avvertendolo nemmeno come proprio; anche quella volta, non c'era nessuno con cui potesse parlare, ma voleva soltanto vedere se era in grado di farlo ancora. Dopo quello spavento, aveva riaperto la bocca solamente per respirare. Del resto, con chi avrebbe potuto parlare? Chi gli avrebbe risposto? Anche ai suoi cenni, quando chiedeva la carità o implorava qualche avanzo di cibo, la gente rispondeva volgendosi altrove e ostentando indifferenza per travestire la paura. In fondo, a parte queste

чтобы не быть замеченным, он просидел так несколько часов, пока дождь не затих, а потом, по-прежнему не говоря ни слова, вышел на свет и побрел дальше, вдоль улиц, где ему не были рады. Он знал, что люди боятся его, потому что заметил, как их глаза загораются страхом – особенно глаза детей, самых справедливых и честных судий. Он не представлял, каким его видят другие, и даже не помнил, когда в последний раз смотрелся в зеркало: иногда он рассеянно глядел на свое отражение в витринах магазинов – убедиться, что он еще жив. Многого о себе он не знал, но не оттого, что потерял память, а оттого, что уже давно позабыл, кем был прежде. И это были не пустые слова: спроси его кто-нибудь о прошлом, он бы просто не знал, что сказать. Со временем он стал для себя самого тем же, чем был для остальных: тенью без дома и прошлого, привидением, скользящим по улицам и не оставляющим за собою следа. Он шел очень долго, но не сумел бы воссоздать в памяти те места, что повидал, и те города, где ему довелось побывать. Он даже не помнил, откуда пришел, и лишь мучительная усталость напоминала о том, что за спиной долгий путь. Он странствовал по городам и весям, шел по полям, где росла трава по колено или трескалась от засухи земля, брел вдоль рек и ручьев, переходил их вброд, прыгая с одного камушка на другой. Он совсем изнемог: значит, с той поры, как начались его скитания, прошла целая вечность. Его походка стала теперь слишком медленной, а шаги – слишком тяжелыми: даже перейти дорогу не было сил.

Он не помнил, когда в последний раз с кем-нибудь разговаривал, и давно позабыл, как звучит его голос. Он смутно помнил, как однажды с его губ сорвался странный звук: перепугавшись, он даже не понял, что это был его собственный голос – в тот раз, как обычно, ему не с кем было поговорить, и он всего лишь хотел убедиться, что еще не утратил дар речи. С тех пор он открывал рот лишь для того, чтобы дышать. Да и с кем ему разговаривать? Кто бы ответил ему? Когда он протягивал руку за милостыней или просил обеды, люди отворачивались и, чтобы скрыть свой страх, делали вид, что не замечают его. В сущности, кроме скромной просьбы о помощи, ему нечего было сказать. Он не помнил, каково это – просто вести беседу и, наверное, не помнил, доводилось ли

fragili richieste d'aiuto, non avrebbe saputo cos'altro dire; non ricordava cosa significasse conversare e forse non ricordava nemmeno di averlo mai fatto. Non aveva condiviso parole nemmeno con chi spartiva il suo stesso stile di vita: cosa può condividere, anche solo a parole, chi non ha niente? Tuttavia, l'atteggiamento della gente non lo addolorava; semplicemente non ci faceva caso e si era talmente abituato all'indifferenza di tutti che un qualsiasi gesto gli sarebbe parso strano, quasi stonato. Se qualche anima, per la verità poche, nella notte lo cercava per aiutarlo, lui fuggiva, ritornando a essere un'ombra nelle vie deserte quando qualcuno voleva tornare a considerarlo un essere umano; non sapeva cosa significasse la parola aiuto né la parola umanità anche se non avrebbe mai fatto del male a nessuno. Non aveva nemmeno paura che qualcuno potesse farne a lui perché non aveva niente da perdere; e poi, chi mai avrebbe osato avvicinarlo? Chi non ne avrebbe avuto ancora timore?

Vagava per le strade ormai abituato alla solitudine che era diventata la sua unica compagnia; in fondo era un'amica piacevole, che non aveva esigenze e non emetteva giudizi né aveva paura di lui. A volte, anche se a dire la verità accadeva piuttosto di rado, incrociava persone che risvegliavano in lui una sensazione indistinta che tutti gli altri avrebbero chiamato curiosità mentre per lui si trattava solo di un breve risveglio dal sopore in cui era abituato a vivere. Interrompeva per un momento, anzi per un solo brevissimo attimo, il suo cammino; di sottocchi, rivolgeva uno sguardo sottile e guardava un bambino, un anziano, una famiglia che camminavano al suo fianco stando attento a non farsi notare. Temeva che quel suo sguardo distratto e innocente potesse essere mal interpretato e che qualcuno vi potesse riscontrare un atteggiamento ostile. In realtà, non c'era cattiveria in nessuno dei suoi gesti, né tantomeno in quelle occhiate fugaci; solo, vedendo alcuni visi o alcune espressioni, gli sembrava di ricordare qualcosa. Non sapeva cosa fosse, né se si trattasse di ricordi reali o di semplici impressioni e cercava di non dar loro troppo peso. Era solo un istante e poi dimenticava quello che aveva visto, lo rimuoveva come se non ci fosse stato nulla che avesse attirato la sua curiosità solo pochi secondi prima. Viveva così, nel vuoto della sua vita e dei suoi ricordi, ma mentre chiunque altro al suo posto avrebbe patito per quella sensazione di vuoto, lui non la sentiva nemmeno. Non subire il peso del passato, però, non lo rendeva più leggero ma, al contrario, più pesante. Ogni giorno che passava il suo incedere diveniva più difficoltoso e i suoi pochi movimenti

ему это делать. Он не обменялся ни словом даже с теми, кто вел такой же образ жизни, как он: чем может поделиться хотя бы на словах человек, у которого ничего нет? Впрочем, подобное отношение его не огорчало: он не обращал на него внимания и настолько привык к равнодушию, что любое проявление заботы показалось бы странным, почти фальшивым. И когда кто-нибудь – правда, такое случалось редко – окликал его ночью, чтобы чем-то помочь, когда кто-нибудь признавал в нем человека, он убегал, вновь превращался в бродящую по пустынным улицам тень: он не знал, что значат слова «помощь» и «человечность», хотя сам никому бы не причинил зла. Что кто-либо причинит зло ему, он не боялся, ведь ему нечего было терять. Да и кто отважился бы к нему приблизиться? Кто бы не испугался его?

Он бродил по улицам, смирившись с одиночеством, которое стало его единственным другом – можно сказать, он был в приятной компании: друг этот ни о чем не просил, никого не осуждал и, к тому же, не сторонился его. Порой – но и это случалось редко – он встречал людей, будивших в нем смутное чувство, которое другие назвали бы любопытством, но для него это было лишь кратковременное пробуждение ото сна, ставшего обычным его состоянием. Он останавливался на секунду, нет – на кратчайший миг – и, стараясь остаться не замеченным, украдкой глядел на проходивших мимо ребенка, старика или семью. Он боялся, что его рассеянный и безобидный взгляд неправильно поймут и расценят как враждебный. На самом деле, в его действиях не было зла, тем паче в этих мимолетных взглядах: просто некоторые лица или их выражения напоминали ему о чем-то давно забытом. О чем именно – он и сам не знал, не знал, были ли это настоящие воспоминания или ему так казалось, и старался не придавать им значения. Впрочем, уже в следующее мгновение он забывал все, что видел, стирал из памяти, будто ничего только что не привлекало его внимания. Так он и жил – в пустыне жизни и воспоминаний, однако, хотя другой на его месте наверняка страдал бы от ощущения пустоты, ему это не причиняло боли. Впрочем, то, что на его плечи не давил тяжкий груз прошлого, ничуть не облегчало его существования, а, напротив, еще более отягчало. С каждым днем ему становилось все труднее переставлять ноги, скупые движения

rallentavano a vista d'occhio. Nessuno, ovviamente, si accorgeva della lenta agonia di quell'uomo; nessuno si sforzava di chiedergli se stesse bene o se avesse bisogno di qualcosa. Nessuno, di fronte alla lentezza, ormai vicina alla morte, di quel corpo stanco osava porgergli aiuto. Mentre la vita gli scorreva attorno frenetica come sempre, lui sentiva le forze che gli venivano meno e una sensazione di nebbia che gli invadeva la mente. Il freddo ora gli mordeva le ossa a tal punto da fargli temere che si spezzassero; le fitte di dolore che ogni tanto provava gli facevano credere che ciò fosse già accaduto. Stranamente, anche se le forze gli venivano meno giorno dopo giorno, non pensava alla morte: non credeva che fosse giunto il suo momento perché pensava che gli stenti della sua vita non potessero avere fine. Se la morte fosse stata davvero dietro l'angolo, avrebbe realizzato il suo più grande sogno e non era abituato a credere nei sogni che non si avverano mai. Così, quando in una gelida notte di metà novembre si accasciò sui gradini di un edificio per dormire un po', non pensò nemmeno per un momento che non si sarebbe mai risvegliato, come invece avvenne. Lo trovarono la mattina seguente: un mucchio di abiti sudici e irrigiditi dal freddo e, al loro interno, un corpo inerme che nessuno osò avvicinare. Lo portarono via qualche ora dopo: all'obitorio, qualcuno vinse il ribrezzo e lo spogliò degli abiti luridi che lo coprivano. Non trovarono documenti né altro che potesse svelare la sua identità. Nessuno reclamò il corpo così come nessuno, molti anni prima, ne aveva denunciato la scomparsa. Fu seppellito senza un nome e senza una storia così come era vissuto; nessuno pianse per la sua scomparsa così come nessuno aveva riso con lui durante la sua vita. Nessuno si accorse che il mondo aveva perduto una persona così come nessuno si era mai accorto prima che dietro a quell'ombra che vagava silenziosa per le strade c'era un essere umano.

становились все слабее. Разумеется, никто не замечал его тихой агонии, никто не спросил, как он себя чувствует, не нужно ли ему чего. Никто, видя, как медленно, почти в смертельном оцепенении, движется это усталое тело, не осмелился протянуть ему руку помощи. Жизнь, как всегда, бурлила вокруг, а он чувствовал, что силы покидают его и туман застилает рассудок. Холод жалил до самых костей – казалось, они вот-вот потрескаются, пронзавшая его то и дело острая боль подтверждала, что это уже произошло. Но вот что странно: слабея с каждым днем, он не думал о смерти. Ему не верилось, что пробил его час, ибо он полагал, что муки жизни продлятся для него бесконечно. Жди его смерть за углом, сбылась бы его самая большая мечта, но он не привык верить в мечты, ведь они никогда не исполняются. Поэтому, когда холодной ночью в середине ноября он прилег на ступени какого-то здания, чтобы немного вздремнуть, он даже не подозревал, что уже не проснется. Однако вышло именно так. Его нашли следующим утром: кучу грязного, затвердевшего на холоде тряпья, а под ними – беззащитное тело, к которому никто не осмеливался подойти. Через несколько часов его увезли, потом в морге кто-то преодолел брезгливость и снял с него вонючие тряпки. При нем не нашли документов – ничего, что помогло бы установить личность. Никто не пожелал забрать его тело, как никто, много лет назад, не заявил о его исчезновении. Он был похоронен без имени и без прошлого, которых у него не было и при жизни. Никто не оплакивал его смерть, как никто не разделял его радость, пока он был жив. Никто не заметил, что в мире стало одним человеком меньше, как никто не замечал, что за этой тенью, безмолвно блуждавшей по улицам, скрывалось человеческое существо.

Biografia

Silvia Valentini (1986) scrive racconti fin da piccola. Dopo la maturità classica si è iscritta alla facoltà di Lettere e filosofia dell'Università di Verona, dove si è laureata nel 2009 con una tesi sul carteggio inedito di Massimo Bontempelli a Lionello Fiumi, custodito presso il Fondo Fiumi della Biblioteca Civica di Verona. Nel 2011 ha conseguito la laurea magistrale in Tradizione e interpretazione dei testi letterari con una tesi sullo scrittore vicentino Luigi Meneghello. Attualmente, sta svolgendo uno *stage* presso l'ufficio marketing di EcorNaturaSì Spa ed è impegnata nella stesura di testi per due riviste del gruppo. Prossimamente verrà pubblicato sulla rivista letteraria internazionale "Comunicare Letteratura" un saggio sulla funzione del gioco nella narrativa di Luigi Meneghello. Vive a Verona.

Биография

Сильвия Валентини (1986) пишет рассказы с детства. По окончании гуманитарного лицея она поступила на факультет словесности и философии Веронского университета, который окончила в 2009 г. Ее дипломная работа посвящена неизданным письмам Массимо Бонтемпелли к Лионелло Фиуми, хранящимся в архиве Фонда Фиуми в Веронской публичной библиотеке. В 2011 г. окончила магистратуру по специальности «Художественная традиция», защитив дипломную работу о творчестве Луиджи Менегелло. В настоящее время проходит трехмесячную стажировку в отделе маркетинга EcorNaturaSi Spa, пишет тексты для корпоративных изданий. В скором времени в международном журнале «Comunicare Letteratura» выйдет ее статья об игровом начале в прозе Луиджи Менегелло. Живет в Вероне.

Nota critica

Silvia Valentini ci racconta la storia di un'ombra. Quell'ombra è un vagabondo che giunge in una città; lì vive, sconosciuto tra gli sconosciuti; lì muore.

Come non riconoscere in questa parabola il senso della nostra vita, così come questa si svolge nell'habitat disumano che abbiamo creato intorno a noi? Guardiamo con attenzione dove viviamo: i centri urbani sono terra di nessuno, in cui la natura si è appannata e ha ceduto il posto a un mondo completamente artificiale. Qui l'umanità ha lasciato lo spazio alle macchine e la solidarietà è stata soffocata dalla ricerca del profitto a ogni costo. Qui la parola diventa "un suono insolito", tanto che può provocare "spavento". La parola non è più il fondamento di un dialogo, non è più un bene da condividere.

Silvia Valentini è esplicita quando denuncia che, alla morte del vagabondo, nessuno si rende conto che il mondo ha perduto una persona, "così come nessuno si era mai accorto prima che dietro a quell'ombra che vagava silenziosa per le strade c'era un essere umano".

È necessario imparare a vivere con il prossimo, imparare a conoscerlo. Crediamo davvero che il calcolo, l'avidità e l'interesse siano i soli motori del mondo? Pensare a una vita in sintonia con la natura significa compiere una risalita verso la condizione umana e acquisire quella disposizione aprente che permette di prenderci cura del mondo e di avere cura degli altri. Solo in questo modo possiamo scoprire che dietro "l'ombra" si cela l'amore: un amore che – come tensione unificatrice rispetto a ciò che è separato dall'egoismo – può farci avvicinare agli altri fuori di noi e all'altro che ci abita.

Flavio Ermini

Отзыв о рассказе

Сильвия Валентини рассказывает нам историю тени. Эта тень – обычный бродяга, пришедший в чужой город: там он живет – чужой, среди чужих людей, и там умирает. Как не увидеть в этой притче рассказ о смысле жизни – жизни в бесчеловечном пространстве, которое мы создаем своими руками? Если внимательно присмотреться, можно увидеть, что города давно стали ничейной землей, природа в них поблекла, уступив место искусственному миру. Людей вытеснили машины, а сострадание сменилось поиском прибыли любой ценой. Звук человеческого голоса кажется здесь «странным» и даже пугающим. Слово больше не прокладывает путь диалогу, перестает быть благом, которым хочется поделиться с ближним.

Сильвия Валентини подчеркивает, что когда бродяга умирает, никто даже не замечает, что из мира ушел человек, «как никто не замечал, что за этой тенью, безмолвно блуждавшей по улицам, скрывалось человеческое существо».

Нам нужно научиться жить рядом с другими людьми, научиться их понимать. Неужели на самом деле миром движут расчет, алчность и выгода? Жить в гармонии с природой означает стремиться к человеколюбию, стать более открытыми и научиться беречь наш мир и наших близких. Только тогда мы сумеем увидеть, что за «тенью» скрывается любовь: любовь, которая, как связующая нить, преодолевая эгоизм, помогает нам приблизиться друг к другу и к самим себе.

Флавио Эрмини

Молодые российские переводчики Giovani traduttori russi

Татьяна Быстрова. Родилась в 1980 году в Москве. Закончила Историко-филологический факультет Российского государственного гуманитарного университета по специальности «Филология» (2002), Миланский католический университет по специальности «Иностранные языки и литература» (2005), кандидат филологических наук (2006). С 2001 по 2010 гг. публиковалась в различных филологических сборниках, автор статей о жизни и творчестве Марины Цветаевой. В 2010 году опубликовала монографию *Путешествие в Италию с Мариной Цветаевой*, в основу которой легла диссертационная работа.

В настоящее время преподает итальянский язык в Российском гуманитарном государственном университете, работает как переводчик-фрилансер.

Tat'jana Bystrova. Nata a Mosca nel 1980. Laureata in Letteratura russa presso l'Università Statale degli Studi Umanistici di Mosca (2002), e in lingue e letterature straniere presso l'Università Cattolica di Milano (2005). Dottorato in letteratura russa (2006). Tra il 2001 e il 2010 ha pubblicato in varie raccolte letterarie, è autrice di articoli sulla vita e le poesie di Marina Cvetaeva. Nel 2010 ha pubblicato il volume *Un viaggio in Italia con Marina Cvetaeva*, alla base del quale c'è il suo lavoro di tesi. Insegna italiano presso l'Università Statale degli Studi Umanistici di Mosca e lavora come interprete *free-lance*.

Анастасия Голубцова. Родилась в 1987 году в г. Северодвинск. В 2010 году закончила Московский государственный лингвистический университет. Живет в Москве, учится в магистратуре Литературного института имени А.М. Горького. Является аспиранткой Института мировой литературы РАН. Ее интересы – итальянская литература, в частности, перевод литературы для детей, а также книг и статей гуманитарной тематики.

Anastasija Golubcova. Nata a Severodvinsk nel 1987. Nel 2010 si è laureata presso l'Università Linguistica di Mosca. Sta frequentando il master in Traduzione presso l'Istituto Letterario A.M. Gor'kij e vive a Mosca. È dottoranda presso l'Istituto di letteratura mondiale dell'Accademia delle Scienze della Russia. I suoi interessi riguardano la letteratura italiana e, in particolare, la traduzione della letteratura per l'infanzia, nonché libri e articoli di tematica umanitaria.

Анастасия Клепикова. Родилась в 1989 году в Москве. В 2007 году окончила школу с серебряной медалью, после чего год занималась журналистской деятельностью, публикуясь в разных периодических изданиях. В 2008 году поступила в Литературный Институт им. А.М. Горького на семинар художественного перевода. С детства увлекается литературным творчеством, рисованием и иностранными языками. В 2011 году в ее переводе была опубликована новелла Элены Меарини. В данный момент готовятся к публикации еще несколько переводов.

Anastasija Klepikova. Nata a Mosca nel 1989. Nel 2007 ha terminato la scuola con la medaglia d'argento, poi ha lavorato come giornalista per un anno, pubblicando vari articoli sulla stampa periodica. Nel 2008 si è iscritta all'Istituto Letterario A.M. Gor'kij, facoltà di Traduzione letteraria. Fin dall'infanzia è appassionata di letteratura, pittura e lingue straniere. Nel 2011 è stata pubblicata la sua traduzione di una novella di Elena Mearini. Sono attualmente in corso di stampa alcune altre traduzioni.

Мария Судиловская. Родилась в 1990 году в Москве. Студентка четвёртого курса факультета художественного перевода Литературного института им. А.М. Горького. Перевела на русский часть романа “Unika” автора E. J. Allibis, а так же 4 рассказа Лучаны Литтиццетто для сборника её рассказов. В рамках конкурса русско-итальянской литературной премии «Радуга» (2010) в альманахе премии был опубликован перевод на русский рассказа Массимилиано Маэстрелло *Магия воды*. Увлекается итальянской культурой и надеется продолжить её изучение и общение с такой интересной и творчески вдохновляющей страной, как Италия.

Marija Sudilovskaja. Nata a Mosca nel 1990. Frequenta il quarto anno della facoltà di Traduzione letteraria all'Istituto Letterario A.M. Gor'kij. Ha tradotto in russo una parte del romanzo *Unika* di E.J. Allibis e quattro racconti di Luciana Littizzetto. In seguito alla sua partecipazione al premio letterario italo-russo Raduga (2010), nell'*Almanacco* del Premio è stata pubblicata la traduzione in russo del racconto *L'effetto dell'acqua* di Massimiliano Maestrello. È affascinata dalla cultura italiana e spera di continuare a studiarla.

Анна Федорова. Родилась в 1981 году. Переводчик, прозаик, драматург. Лауреат международного конкурса молодых драматургов «Премьера». Автор успешных литературных и оригинальных телевизионных проектов. Переводила Луиджи Малербу, Лучану Литтиццетто, Франко Арминио, Эммануэле Тонон, Ву Минг и др. Финалист российско-итальянской премии «Радуга» (перевод рассказа Леандро Мильо *Панцирь черепахи*). Жизненное кредо: наполнять мир новым творческим словом и позитивным мышлением.

Anna Fedorova. Nata nel 1981. Traduttrice, autrice drammatica, scrittrice. Vincitrice del concorso internazionale *Première* per giovani drammaturghi. Autrice di originali progetti letterari e televisivi. Ha tradotto Luigi Malerba, Luciana Littizzetto, Franco Arminio, Emmanuele Tonon, Wu Ming e altri. Nel 2011 è stata finalista al Premio letterario italo-russo *Raduga* con la traduzione del racconto *Il guscio della tartaruga* di Leandro Miglio. Il suo motto: riempire il mondo del nuovo verbo creativo e del pensare positivo.

МОЛОДЫЕ РОССИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ
GIOVANI NARRATORI RUSSI

Екатерина Брюхова	Ekaterina Brjuchova
Юрий Лунин	Jurij Lunin
Дмитрий Никитин	Dmitrij Nikitin
Ксения Романова	Ksenija Romanova
Эльвира Фарниева	Èl'vira Farnieva

Екатерина Брюхова

Перевод Линда Торрезин

Ekaterina Brjuchova

Traduzione in italiano di Linda Torresin

Я СТАРАЛСЯ

Мне было двадцать, когда я выскочила за Кольку из соседнего подъезда. Я за него именно выскочила, а не вышла. Выходят – это, когда по своему желанию, а выскакивают всегда назло кому-то или же себе. В тот момент во мне было столько злобы, обиды и отчаяния, что меняхватило на этот поступок.

Кольку я не любила, но уважала. Ответственный, где-то юркий, где-то спокойный. В доме всегда и тёплое одеяло, и цветы, и ветчина. Жалела часто его и всегда называла своим работягой. Своим?... Да, я всегда считала его своим мужчиной. Знала, что очень любит, видела, как старался, как уставший приходил, а всё для того, чтобы у меня, его жены, были ещё одни новые туфли и перчатки, а у девок наших – пара лишних бантов и кукол.

А любила я другого. И гуляли с ним, и провожал, в кино водил, встречал с техникума, целовались с ним в парках, казалось, что вот оно – единственное на всю жизнь. А не сбылось. Наверное, первая любовь никогда не сбывается. По молодости мы все влюблены, кому-то отдаём себя, не жалея. А результат? Все мы кого-то безумно любим, строим долгие отношения, а потом просто выходим замуж. Зачастую так у нас и случается, у женщин.

Мой Алексей был способен на высокие чувства, но был ужасным трусом. Он был очень красив, но не подл, как это обычно случается у обладателей привлекательной внешности. В этом плане мне с ним повезло. Мне не приходилось тратить свои нервы на разные ревности. Мне не приходилось ждать его часами у остановки или же просто, когда он позвонит. Звонил всегда он, встречал тоже всегда он. Любил показывать меня своим друзьям. Девушкой я была красивой: длинные ноги, длинные тёмно-русые волосы. Большие серые глаза, в которых только и тонуть, как говорил он. Мне нравились его слова, высказывался складно и красиво. В своё время я доверилась ему полностью. Отдала себя тоже полностью. А ведь в голове даже и мыслей не было, что всё оборвёт-

CE L'HO MESSA TUTTA

Avevo vent'anni quando mi buttai nelle braccia di Kol'ka del portone accanto. Mi buttai proprio nelle sue braccia, non lo sposai. Ci si sposa per desiderio personale, mentre ci si butta nelle braccia di un uomo sempre per dispetto verso qualcuno o verso se stesse. In quel momento covavano in me così tanto rancore, senso d'offesa e disperazione che fui spinta ad agire così.

Non amavo Kol'ka, però lo rispettava. Era responsabile, ora superattivo ora tranquillo. A casa la coperta calda, i fiori e il prosciutto non mancavano mai. Spesso mi faceva pena, lo chiamavo sempre "il mio stacanovista". Mio?... Sì, l'avevo sempre considerato il mio uomo. Sapevo che mi amava molto, vedevo che ce la metteva tutta, che arrivava a casa stanco, e tutto ciò affinché io, sua moglie, avessi le ennesime scarpe e guanti nuovi, e le nostre bambine fiocchi e bambole in più.

Ma io amavo un altro. Passeggiavamo, mi accompagnava a casa, mi portava al cinema, mi veniva a prendere all'istituto tecnico, ci baciavamo nei parchi. Sembrava dovesse essere un amore unico, per tutta la vita. Ma non si concretizzò. Probabilmente il primo amore non si concretizza mai. Tutte ci innamoriamo per inesperienza, ci diamo a qualcuno senza risparmiarci. Il risultato? Tutte noi amiamo qualcuno alla follia, costruiamo delle relazioni a lungo termine, e poi ci sposiamo, così. Sono cose, queste, che capitano di frequente a noi donne.

Il mio Aleksej era capace di sentimenti elevati, ma era un terribile codardo. Era molto bello ma non vile, come spesso succede a chi è dotato di un aspetto attraente. A questo riguardo ero fortunata. Non dovevo rovinarmi i nervi con scenate di gelosia. Non dovevo aspettarlo per ore alla fermata o sognare una sua telefonata. Mi chiamava sempre lui e mi veniva sempre a prendere. Amava esibirmi davanti ai suoi amici. Ero una bella ragazza, con le gambe lunghe e lunghi capelli biondo scuro. Avevo grandi occhi grigi nei quali si poteva affogare, come diceva lui. Mi piacevano le sue parole, coerenti e belle. Allora mi fidai di lui completamente. E mi diedi a lui completamente. Non mi passava neanche per la testa che tutto sarebbe ces-

ся, не получится, не сбудется. И вот мы гуляли в парке, по нашим любимым аллеям, а листья падали, выстилая перед нами дорогу из золота. Несколько осеней подряд мы были счастливы. Несколько осеней подряд он держал меня за руку и нежно называл своей Риточкой.

А закончилось всё даже очень иронично, в общем, так, как не должно было заканчиваться. Раздался звонок, как обычно, я услышала голос моего Алексея. Говорил он спокойно, правильно, и не было ничего в его голосе такого, о чём бы я поняла сразу. Я ведь даже не почувствовала, что он звонит в самый последний раз. Что этот звонок от него, самый последний в моей жизни. Говорили недолго. Он решил не растягивать.

– Рита, я ухожу от тебя.

– Куда?

– Никуда. Я просто боюсь. Сейчас не время.

– А когда будет время?

– Нужно подождать... ты же знаешь, у меня сейчас болеет мама, а нужно ещё свой геологический заканчивать. И ещё...

– Не нужно дальше – перебила его я – пока, Алёша.

Гудки.

Я не могла слушать этот бред. Какой геологический, когда ради него человек готов вообще всё бросить. Я терпела ругань отца, я старалась успеть всё: учёба, дом, подработка, друзья, чтобы выкроить время для своей любви. Да о каких друзьях я вообще говорю, с появлением Алексея в моей жизни, у меня не стало друзей. Все растворились, причём быстро и напрочь. Я влилась в круг знакомых Алексея, влилась в его поток жизни незаметно и, казалось, безвозвратно.

Позже порвала все старые связи, чтобы лишний раз не мучить своё сердце пытками. Родители меня поддерживали, но знали, что не могут облегчить участь одинокой брошенной девушки, любовь которой оказалась никому ненужной. Таких событий случается тысячи, но всегда кажется, что твоя ситуация особенная и самая безысходная.

Время шло. Мне пришлось смириться с приговором жизни. Я уже привыкла к боли,

sato, non sarebbe riuscito, non si sarebbe concretizzato. Passeggiavamo nel parco, lungo i nostri amati viali alberati. Cadevano le foglie, indorando la strada di fronte a noi. Per qualche autunno di fila fummo felici. Per qualche autunno di fila lui mi tenne per mano e mi chiamò teneramente “la mia Ritočka”.

Tutto finì in modo a dir poco ironico, come del resto non avrebbe dovuto finire. Squillò il telefono. Come al solito udii la voce del mio Aleksej. Parlava in maniera tranquilla e corretta. Non c’era nulla nella sua voce che avrebbe potuto farmi subito capire di che cosa si trattasse. Io non ebbi il minimo sentore che quella era l’ultima volta che mi chiamava. Che quella sua telefonata era anche l’ultima della mia vita. Parlammo poco. Lui aveva deciso di non dilungarsi troppo.

– Rita, me ne vado via da te.

– E dove?

– Da nessuna parte. È solo che ho paura. Adesso non è il momento.

– E quando sarà il momento?

– Bisogna aspettare... Lo sai che mia mamma sta male e devo ancora finire l’istituto geologico. E poi...

– Basta – lo bloccai – ciao, Alěša.

Il telefono squillava.

Non potei stare a sentire quelle assurdità. Al diavolo l’istituto geologico! Io per lui ero pronta a mollare tutto. Sopportavo le sgridate di mio padre, cercavo di destreggiarmi tra studio, casa, lavoretti, amici, per trovare anche tempo per il mio amore. Ma di quali amici parlo? Con la comparsa di Aleksej nella mia vita avevo perso i miei amici. Si erano tutti dileguati, velocemente e completamente. Io ero confluita nella cerchia dei conoscenti di Aleksej, ero confluita nel suo flusso vitale impercettibilmente e, a quanto pare, irrevocabilmente.

In seguito ruppi tutti i vecchi rapporti per non tormentarmi ancora di più. I miei genitori mi sostenevano, ma sapevano di non poter alleggerire la sorte di una ragazza sola e abbandonata, il cui amore non serviva a nessuno. Di casi simili se ne contano a mille, ma ti sembra sempre che la tua situazione sia particolare, nonché la più irreparabile.

которая постоянно долбила моё сердце. Я свыклась с той мыслью, что прожить мне в одиночестве всю жизнь, и была готова к этому. На людей я практически не обращала внимания, они были для меня привычными предметами природы, как деревья, дома, без которых город – не город. И вот, в один день, такой предмет природы из соседнего подъезда ждал меня во дворе. С утра я собиралась на подработку, вышла около семи утра, закрыла дверь, спустилась вниз. В этот день я случайно хлопнула дверью подъезда, а «предмет» дёрнулся с испуга так, что было заметно даже мне. Это был Колька. Оказывается, он уже месяц как вернулся из армии. А я даже и не заметила всех шумных посиделок двора. «Вот, чёрт» – подумала я – «докатилась». Коля проводил меня до остановки. Всю дорогу он так бурно рассказывал про свою жизнь, что была у него вдали от дома, и я даже слушала и слышала все его слова. А потом на остановке он резко повернулся ко мне и взял за руку:

– Ритка, выходи за меня?!

В тот момент я так обрадовалась, что он назвал меня не Риточка: без сладостей, без романтики, а просто, как тогда требовала моя душа.

– Когда?

– Сейчас.

– Выйду.

Вот так я и вышла за своего Кольку. Родители были не против, кажется, они наоборот были рады такому стечению обстоятельств. С Колей я ожила. Мы переехали с окраины в середину города, я спокойно закончила учёбу, устроилась на работу. Коля начал химичить в лабораториях, успешно продвигаясь по карьерной лестнице, а я работала в издательстве корректором. Всё у нас было хорошо. С рождением дочек, я смогла окончательно проститься с прошлыми переживаниями. Девочки сильно привязали меня к Коле.

Он у меня был хорошим. В доме всегда порядок, благодаря Коле. Жалел меня, берёг, только непонятно для чего, а потом продолжал любить, уже прибавившую девять килограммов. Мне иногда казалось, что моё сердце стучит в такт его. За то время, которое

Il tempo passava. Dovetti rassegnarmi alla condanna della vita. Mi ero ormai abituata al dolore che mi scavava continuamente nel cuore. Mi ero familiarizzata con il pensiero che sarei vissuta da sola tutta la vita ed ero pronta a farlo. Alle persone praticamente non badavo, per me erano delle cose naturali, come gli alberi e le case, senza le quali la città non sarebbe stata tale. Ed ecco che un bel giorno una di quelle cose naturali del portone accanto mi aspettava in cortile. Dal mattino mi stavo preparando per andare a fare i miei lavoretti. Uscii attorno alle sette, chiusi la porta e scesi. Quel giorno sbattei casualmente il portone d'ingresso. La "cosa" sussultò dallo spavento: me ne accorsi perfino io. Era Kol'ka. Già da un mese era tornato dal servizio militare. E io che non avevo neanche notato i chiassosi ritrovi giovanili in cortile! "Diamine!" – pensai. – "Come mi sono ridotta!". Kolja mi accompagnò alla fermata. Durante il tragitto mi raccontò con grande impeto della sua vita lontano da casa. Io ascoltavo e sentivo tutte le sue parole. Poi alla fermata si girò bruscamente verso di me e mi prese per mano:

– Ritka, vuoi sposarmi?!

In quel momento fui davvero contenta che non mi avesse chiamato Ritočka, ma così, senza sdolcinerie, senza romanticismo, semplicemente, come allora chiedeva la mia anima.

– Quando?

– Adesso.

– Sì.

E fu così che sposai il mio Kol'ka. I miei genitori non si opposero, ma anzi a quanto pare si rallegrarono per questo concorso di circostanze. Con Kolja resuscitai. Ci trasferimmo dalla periferia nel centro della città, terminai tranquillamente gli studi e trovai un lavoro. Mentre Kolja faceva carriera come chimico, io correggevo le bozze per una casa editrice. Andava tutto bene. Con la nascita delle nostre figlie potei definitivamente dire addio agli affanni del passato. Le bambine mi legarono fortemente a Kolja.

Era proprio bravo. A casa grazie a Kolja regnava sempre l'ordine. Mi comprendeva, mi proteggeva (chissà perché), e poi continuava ad amarmi con i miei nove chili in più. A volte mi sembrava che il mio cuore battesse al ritmo del suo. Durante il periodo che trascorremmo insieme acquisimmo abitudini, progetti e scopi comuni. A volte ci dichiaravamo il nostro amore

мы жили вместе, у нас появились общие привычки, планы, цели. Иногда мы признавались друг другу в любви, и было это настолько искренне, я даже не могла поверить в то, что за Кольку просто когда-то выскочила. Я смотрела на своих девочек, а видела Колю, видела его голубые глаза, его светлые густые волосы, даже форма пальцев у них была схожей. Я могла посмотреть на мебельный гарнитур и представить, как он расставляет там сувениры, как протирает пыль, как щёлкает кнопками на пульте своими нежными длинными пальцами. Со временем я так влюбилась в его руки, что даже не могла заснуть без них. Он обязательно обнимал меня или же гладил своими пальчиками мои волосы, уже не длинные, уже не русые, а медного оттенка.

Он любил меня всю. И, как оказалось, я тоже его любила.

Коли не стало, когда мне исполнилось тридцать девять. Он ушёл так же резко и быстро, как и пришёл в мою жизнь. После похорон я отправила девочек в санаторий, сначала долго думала, стоит ли отпускать их от себя, а после их просьб поняла, что им нужно побыть одним, как и мне. Они уехали. Я осталась в квартире, где всё было Колиным, где везде виделся он. Я сидела в кресле в его клетчатой рубашке и вдыхала запах с воротника, я снова видела, как он осторожно расставляет сувениры, рассматривает каждый, прежде чем определить на место. Потом я повернулась в сторону кухни и заметила, как он умело печёт блинчики, он подкидывает их вверх, а на кухне всё так аккуратно и прибрано, всё стерильно, как в его лаборатории. Потом он налил чай в мою любимую прозрачную кружку. Я вспомнила, как он, улыбаясь, всегда звал меня к столу: «Ритка, я старался». Именно эта фраза стала ключевой в моей жизни.

Он спас меня однажды, он дал мне жизнь, подарил любовь, влюбил в себя. Благодаря ему у меня две красивые дочери, благодаря ему, я стала счастливой, когда ни на что не надеялась. Он всегда для меня старался. Теперь он уже никогда не пожалеет меня, не будет обнимать всю ночь, не станет гладить по волосам, я не увижу, как своими красивыми пальчиками щёлкает кнопками, он никогда не откроет мне дверь и не встретит у работы. Он больше никогда не скажет с кухни: «Ритка, я старался!».

И ведь никакой Алексей, никакая первая любовь не сравнится с тем, что мне подарил

reciproco con una tale sincerità che non riuscivo nemmeno a credere di essermi un tempo buttata nelle braccia di Kol'ka così, tanto per fare. Guardavo le mie bambine e vedevo Kolja, vedevo i suoi occhi azzurri, i suoi folti capelli chiari; perfino la forma delle loro dita era simile. Bastava che guardassi i mobili per immaginarmelo mentre vi disponeva sopra i souvenir, spolverava, premeva i pulsanti del telecomando con le sue lunghe, tenere dita. Con il passare del tempo mi ero a tal punto innamorata delle sue mani che non potevo addormentarmi senza di esse. Lui mi abbracciava senz'altro o accarezzava con le sue belle dita i miei capelli non più lunghi né biondi, ma tendenti al ramato.

Mi amava tutta. E anch'io lo amavo: è un fatto.

Kolja venne a mancare quando compii trentanove anni. Se ne andò dalla mia vita così bruscamente e velocemente come vi era arrivato. Dopo i funerali mandai le bambine in vacanza. All'inizio avevo pensato a lungo se fosse il caso di separarmi da loro, ma, per effetto delle loro preghiere, avevo capito che avevano bisogno di restare un po' da sole, esattamente come me. Partirono. Rimasi nell'appartamento. Qui tutto sapeva di Kolja, Kolja era dappertutto. Sedeva sulla poltrona con la sua camicia a quadretti addosso, inalando il profumo del colletto, e di nuovo lo vedevo disporre con cura i souvenir, osservandoli uno per uno prima di metterli al loro posto. Poi mi girai verso la cucina e notai l'abilità con cui faceva le crêpes, lanciandole in alto. La cucina era in ordine, pulita, sterile come il suo laboratorio. Poi versò il tè nella mia tazza trasparente preferita. Mi ricordai di come mi chiamava sempre a tavola, sorridendo: "Ritka, ce l'ho messa tutta". E proprio questa frase divenne la frase chiave della mia vita.

Una volta mi aveva salvato dandomi la vita, donandomi l'amore, facendomi innamorare.

Grazie a lui avevo due belle figlie, grazie a lui avevo ottenuto la felicità quando non speravo più in nulla. Ce l'aveva sempre messa tutta, per me. Ora non mi avrebbe mai più compresa, non mi avrebbe abbracciato tutta la notte, non mi avrebbe accarezzato i capelli, non l'avrei visto premere i pulsanti con le sue belle dita, non mi avrebbe mai aperto la porta né mi sarebbe venuto a prendere dopo il lavoro. Non avrebbe mai più detto dalla cucina: "Ritka, ce l'ho messa tutta!".

Nessun Aleksej, nessun primo amore poteva reggere il confronto con ciò che mi aveva donato

Коля. Сидя в кресле, я жалела, что первые четыре года моей жизни с мужем я ещё думала о прошлом, а моё настоящее счастье тогда уже начинало уходить, причём безвозвратно. Мне сделалось так скверно, но ругать себя не было смысла. Надеяться на спасение и пробуждение – бесполезно. Нужно принимать реальность, чем раньше, тем лучше. В субботнее утро мы с девочками пекли блины. Они уже наливали чай, когда зазвонил телефон. Я подошла к трубке, на другом конце провода была подруга. Она, как всегда, что-то бурно начала рассказывать, как из кухни я услышала: «Мама, мы старались!». Я опустила трубку и поняла, что самая счастливая на свете.

Kolja. Seduta sulla poltrona, mi rammaricavo di aver continuato a pensare al passato durante i primi quattro anni della nostra vita coniugale, mentre la mia vera felicità già allora cominciava ad andarsene, irrevocabilmente. Stavo malissimo, ma maledirsi non aveva alcun senso. È inutile sperare nella salvezza e nel risveglio. Bisogna accettare la realtà, e prima è meglio è. Sabato mattina feci le crêpes con le bambine. Stavano già versando il tè quando squillò il telefono. Andai alla cornetta. All'altro capo del filo c'era una mia amica. Cominciò a raccontarmi qualcosa con impeto, come sempre, quando sentii dalla cucina: "Mamma, ce l'abbiamo messa tutta!". Abbassai la cornetta e capii di essere la donna più felice del mondo.

Биография

Екатерина Брюхова (1992). Родилась в Башкирии, в небольшом студенческом городе Бирске. На данный момент является студенткой филологического факультета Педагогической академии. Ранее публиковалась только в газете Академии. Увлекается литературой, пишет стихи и прозу, также её особо привлекает психология и эзотерика.

Biografia

Ekaterina Brjuchova (1992). Nata in Bašchiria, nella cittadina studentesca di Birsik. Attualmente studia Lettere presso l'Accademia Pedagogica. Per ora ha pubblicato solo sul giornale dell'Accademia. Ama la letteratura, scrive versi e prosa. È particolarmente appassionata di psicologia ed esoterismo.

Отзыв о рассказе

Екатерине Брюховой двадцать лет, живет она в Республике Башкортостан, в небольшом городке Бирске.

Рассказ *Я старался* – о любви. О любви повседневной, тихой, незаметной, без красивых жестов и возвышенных слов, о любви чуткой, заботливой, дарующей поддержку и опору. О любви супружеской.

И что замечательно, подобное утверждение семейных ценностей в рассказе совсем молодого автора выглядит удивительно органичным, естественным, словно пропущенным сквозь призму собственного жизненного опыта.

Хочется пожелать Екатерине успехов на избранном ею литературном поприще. А еще – любви и счастья в семье, как у героев ее рассказа. В конце концов, это даже важнее литературы.

Нина Литвинец

Nota critica

Ekaterina Brjuchova ha vent'anni e vive nella Repubblica del Baškortostan, nella cittadina di Birsik. Il racconto *Ce l'ho messa tutta* parla d'amore. Ed è un amore, questo, quotidiano, silenzioso, impercettibile, privo di bei gesti e parole elevate, un amore sensibile, premuroso, che offre appoggio e sostegno. È l'amore coniugale.

L'affermazione dei valori familiari nel racconto della nostra giovanissima autrice appare – cosa straordinaria – sorprendentemente organica, naturale, come se fosse passata attraverso il prisma della sua personale esperienza di vita.

Auguro a Ekaterina grandi successi nel campo letterario prescelto, ma anche amore e felicità in famiglia, come per i protagonisti del suo racconto. In fin dei conti, questo è ancora più importante della letteratura.

Nina Litvinec

Юрий Лунин

Перевод Алессандро Бономелли

Jurij Lunin

Traduzione in italiano di Alessandro Bonomelli

ГАДЫ

Бабушка у меня была вполне типичная. Скажу уважительнее – классическая. Жухлый клубок на макушке. Цветочный халат. Поясница, перевязанная волосатым платком. Гусиная поступь. Вспухшие вены на икрах. Еда, заправленная «вонючим» маслом. Коллекционирование целлофановых пакетов из-под молока и прошлогодних календарей с неизменной мулаткой на фоне ядовито-бирюзовых лагун. Походы в храм с намерением вернуться к началу девятнадцатой серии «Ангела в законе».

Дед был другой. Дед был в джинсах и кроссовках.

До последних дней он работал на полной ставке в «Пульсе недели» – главном печатном органе города.

Филологическое образование деда оборвалось на шести классах сельской школы.

Его считали многообещающим учеником. С малых лет он упивался литературой – Дюма, Гюго, Лондон, русская классика...

В 41-м году, будучи четырнадцатилетним подростком, дед сел на трактор и вплоть до победы оставался главным кормильцем семьи. По ночам продолжал читать.

Однажды немцы-оккупанты, вошедшие в село, послали его на колодец, пригрозив ружьём. Дед побежал. Он не забыл тайком наплевать и даже немного помочиться в ведро, но потом всю жизнь не мог себе простить, что послужил фашистам.

– Часто мне это снится, – признавался дед. – И я каждый раз говорю им: «Вот вам, гады, а не *вассер*», – и швыряю ведро самому жирному в морду. В меня стреляют, и я просыпаюсь. После войны его ждала долгая армейская служба, затем завод, женитьба. Наконец, газета.

У деда был твёрдый, лаконичный газетный слог. Он обладал чувством заголовка. Никогда не раздувал заметку до размеров полосы, не опускался до нравоучения, не объяснялся в любви городской администрации, не называл наш город уникальным, хотя всё это приветствовалось. Вкус у деда был природный.

BESTIE

Mia nonna era decisamente la tipica nonna. Classica, per essere più riverenti. Un groviglio di capelli stinti sul cocuzzolo, la vestaglia a fiori, la vita cinta da uno scialle lanuginoso, l'andatura da papera, le vene rigonfie sui polpacci. E poi il cibo condito con olio "fetente", una raccolta di confezioni per latte in cellofan e di calendari degli anni passati, con l'invariabile mulatta sullo sfondo di lagune dal color turchese sfavillante, visite in chiesa con la mente volta a ritornare in tempo per l'inizio della diciannovesima serie di "Angelo nella legge".

Il nonno era diverso. Il nonno portava i jeans e le scarpe da ginnastica.

Fino ai suoi ultimi giorni lavorò a stipendio pieno al "Ritmo della settimana", il principale organo di stampa della città.

La formazione letteraria del nonno si era arrestata ai sei anni della scuola di villaggio.

Era considerato un allievo molto promettente. Sin dall'infanzia si deliziava con la letteratura: Dumas, Hugo, London, i classici russi...

Nel '41, adolescente di quattordici anni, il nonno montò sul trattore e rimase il principale sostegno della famiglia fino al giorno della vittoria. Di notte continuava a leggere.

Un giorno gli occupanti tedeschi, entrati nel villaggio, lo mandarono al pozzo, minacciandolo col fucile. Il nonno andò di corsa. Non tralasciò di sputare di nascosto nel secchio, e ci pisciò anche un po' dentro, ma poi per tutta la vita non riuscì a perdonarsi di aver servito i nazisti.

– Me lo sogno spesso – confessava il nonno. – E ogni volta gli dico: "Ecco qua, bestie, altro che *wasser*", e scaravento il secchio sul grugno del più grasso. Mi sparano e mi sveglio.

Dopo la guerra lo attese un lungo servizio militare, poi la fabbrica e il matrimonio. Infine, il giornale.

Il nonno aveva uno stile giornalistico duro e conciso. Aveva il senso del titolo. Non gonfiava mai un trafiletto fino a riempire una pagina, non si abbassava a fare moralismi, non dichiarava amore all'amministrazione cittadina, non chiamava unica la nostra città, benché tutto ciò fosse comunemente accettato. Il nonno aveva uno stile semplice.

Ho sempre avuto l'impressione che il nonno si fosse dato un posto troppo umile nella vita, che fosse

Мне всегда казалось, что дед отвёл себе слишком скромное место в жизни. Что он родился для большего. Я знаю, до 41-го года он и сам имел яркие планы на будущее. Хотел многое повидать, попробовать, испытать, а потом поведать об этом людям. Но жизнь, в которой обязанности так рано возобладали над желаниями, сильно изменила его. Дед уже не мог представить, как это так: отдать свою судьбу в распоряжение дерзкой мечте. И мечта засохла. Её недоразвитым плодом стало трудоустройство в «Пульсе». Отдалённая память о ней сквозила в упрямом презрении деда к старости: в его бодрой выправке, джинсах, кроссовках, рюкзаке за плечом и маленьком цифровом фотоаппарате на шее.

Иногда я целыми неделями жил у стариков, и дед брал меня на свои задания. Интервью с автослесарем, занявшим третье место на столичном конкурсе «С «КАМАЗОМ» на ты». Детское поучительное мероприятие «Премудрый светофор». Снятие покрывала с диковинной машины «Эчúто», экологически чисто удалявшей твёрдые отходы. И многое, многое другое. Город не переставал жить ни на минуту. Дед терпеливо вёл его летопись.

– Завтра пойдём на гадов смотреть, – сказал дед однажды вечером, вернувшись из «Пульса». – Гадов к нам привезли.

– Каких гадов?

– Змеюки, ящурь, – спокойно объяснил дед, стаскивая с себя свитер и оставаясь в красивой клетчатой рубашке. Я тут же помечтал когда-нибудь иметь такую же.

Кто-то в детстве желает походить на своего отца, кто-то ориентируется на любимого киногероя. Я хотел быть похожим только на деда.

– Пойдёшь, бабушка, с нами в серпентариум? – спросил дед. – Пойдёшь аспидов руками счупать? Холо-одные аспиды! А?

Мы подмигнули друг другу. Ответ был известен заранее.

– Не приставай, дурень. Делать больше нечего. Лучше бы Богу свечку поставил, чем на старости лет на гадюк на этих глазеть.

– Я, бабушка, хочу помереть в кроссовках, – ответил дед.

nato per qualcosa di più grande. So che, fino al '41, aveva lui stesso dei brillanti piani per il futuro. Voleva vedere, provare, sperimentare molte cose, e poi raccontarlo alle persone. Ma una vita nella quale il dovere prese così presto il posto dei desideri lo cambiò profondamente. Ormai il nonno non riusciva neanche più a immaginare com'è mettere il proprio destino a disposizione di un sogno ardito. E il sogno avvizzì. Il suo frutto immaturo diventò il lavoro al "Ritmo"; il suo ricordo remoto si manifestava nel suo testardo disprezzo nei confronti della vecchiaia; nel suo contegno sveglio, nei jeans, nelle scarpe da ginnastica, nello zaino sulla spalla e nella piccola macchina fotografica digitale appesa al collo.

A volte mi fermavo dai nonni per intere settimane, e il nonno mi portava con sé nei suoi impegni di lavoro: un'intervista con un meccanico che aveva raggiunto il terzo posto nel concorso "Dare del tu al KAMAZI" nella capitale; la manifestazione educativa per bambini "Il saggio semaforo"; l'evento in cui tolsero il velo alla straordinaria macchina "Èčuto" per l'eliminazione non inquinante dei rifiuti solidi; e molto, molto, molto altro. La città non smetteva di vivere neanche per un minuto. Il nonno ne teneva pazientemente la cronaca.

– Domani andiamo a vedere le bestie – dichiarò una sera, tornato dal "Ritmo". – Ci hanno portato delle bestie.

– Che bestie?

– Serpentelli, lucertoline – spiegò tranquillamente il nonno, sfilandosi il maglione e rimanendo con una bella camicia a quadri. In quel momento fantastica di averne anch'io una così un giorno.

Nell'infanzia c'è chi vuole assomigliare al padre, chi prende come esempio l'eroe cinematografico preferito. Io volevo assomigliare solo al nonno.

– Nonna, vieni con noi al rettilario? – chiese il nonno. – Vieni a toccare gli aspidi? Gli as-s-spidi gelidi! Che dici?

Ammiccammo l'uno all'altro. La risposta la sapevamo già.

– Non provarci, scemo. Si vede che non hai proprio niente da fare. Sarebbe davvero meglio che

¹ Nota marca di camion russi (ndt).

Будучи второклашкой, я понял эти слова по-своему: мол, дедушка просто очень любит свои кроссовки. Это казалось вполне логичным, мне они тоже нравились.

На следующий день мы отправились глазеть на гадюк в городской выставочный центр. Гардеробщица Фая – бабушка столь же классическая, как и моя, только с особой, музейной чёрточкой – забросала нас ненужными новостями, наконец вручила мне прилипшую к фантику карамельку, и мы с дедом вошли в зал № 1, совершенно пустой.

Гадов тут не было. Тут висели картины дедушкиного знакомого. На открытии его персональной выставки под названием «Осенний ренессанс» мы присутствовали несколько дней назад. О выставке я скажу несколько отдельных слов.

«Осенний ренессанс» представлял собой десятка три однотипных пейзажей, набросанных на полотно с раскидистой небрежностью, что свойственно большинству работ, предназначенных для продажи за небольшие деньги.

Неожиданными были названия. «Уголок души». «Приют мечтателя». «На крыльях арфы». «Небесное скерцо». Собственно «Осенний ренессанс».

Народу собралось относительно много. Виножник в косой беретке и шейном платке бродил по залу с небесной рассеянностью, как бы имея в виду: «Друзья мои, что вы, не стоит. Я тут совершенно ни при чём. Это всё *оттуда*. Я лишь безвольный проводник».

Местный литератор – местный настолько, что издал за собственный счёт толстенную книгу пародий на местных же литераторов – встал посреди фуршета, подбоченился, отставил ногу и зачитал с листа поэтический вердикт выставке. Я запомнил последнее четверостишие:

...Но самый лучший из подарков –

Весёлых красок консонанс.

Живи! Твори! товарищ Марков!

Даёшь «осенний ренессанс»!

Я кушал заветренный колбасный кругляш, нанизанный на зубочистку, и моё семилет-

accendessi una candolina per il Signore, anziché curiosare fra quelle bestioline là, vecchio come sei.
– Nonna, io voglio morire con le scarpe da ginnastica – rispose il nonno.

Essendo al tempo in seconda elementare, interpretai queste parole in senso letterale: mi sembrava semplicemente che al nonno piacessero molto le sue scarpe. Pareva perfettamente logico, piacevano anche a me.

Il giorno seguente andammo al centro esposizioni cittadino a vedere le bestioline. L'addetta al guardaroba, Faja (una nonna classica quanto la mia, solo con un particolare, caratteristico contegno da museo), ci tempestò di notizie frivole, infine mi diede in mano una caramella tutta appiccicata alla carta, e poi io e il nonno entrammo nella sala n°1, completamente vuota.

Di bestie qui non ce n'erano. Ci stavano appesi i quadri di un conoscente del nonno. Qualche giorno prima avevamo presenziato all'apertura della sua personale mostra, "Rinascimento autunnale". Sponderò una parola a parte su di essa.

"Rinascimento autunnale" consisteva in una trentina di paesaggi dello stesso tipo, abbozzati sulla tela con quell'ampia disinvoltura tipica di gran parte delle opere destinate alla vendita per pochi soldi. Originali erano i titoli. *Il cantuccio dell'anima. Il rifugio del sognatore. Sulle ali dell'arpa. Scherzo celeste.* L'omonimo *Rinascimento autunnale*.

Di gente ne era venuta abbastanza. Il festeggiato, che portava un basco storto e un foulard al collo, passeggiava per la sala con un'aria di paradisiaca svagatezza, come a voler dire: "Amici miei, ma come, non dovevate. Io qui non c'entro proprio nulla. Viene tutto da là. Io sono solamente un emissario, privo di volontà."

Il letterato locale (così locale che aveva pubblicato a proprie spese un librone di parodie su letterati, anch'essi, del luogo), si alzò in mezzo al buffet, mise le mani sui fianchi e una gamba in avanti, e iniziò a leggere su un foglio il verdetto poetico sulla mostra. Mi restò in mente l'ultima quartina:

... Ma il migliore dei regali
È l'armonia di allegre tinte
Vivi, crea, compagno Markov!
Viva il "rinascimento autunnale"!

нее сердце, ещё такое неопытное, уже томилось тоской и необъяснимой жалостью ко всем собравшимся людям, кроме, разумеется, деда.

Несколько лет спустя я прочитал высказывание Юлия Цезаря: «Лучше быть первым в провинции, чем вторым в Риме». Я вспомнил эту выставку и подумал: «Неужели быть вторым в Риме настолько ужасно?».

Дед, слава Богу, не пребывал ни в провинции, ни в Риме. Дед оставался в джинсах и кроссовках.

Он отозвался на выставку аккуратной статьёй под заголовком «Марков держит марку». Что означало: пишет не лучше, но и не хуже, чем писал раньше.

Сегодня в «Осенний ренессанс» нахально вмешивался солёный запах. Так пахли гады, которых разместили во втором и третьем залах экспоцентра. В этих залах, как и в первом, не было ни одного посетителя. По ним расхаживал в деловитом одиночестве хозяин гадов – плешивый человек с усиками. В руке его блестел длинный пинцет. Дед представился хозяину, завязалось интервью. Я пошёл разглядывать гадов.

Меня удивила их вялость. Удавы и питоны лежали, как псы на ковриках: скрутившись кольцами и подложив под головы кончики хвостов. Игуана распласталась на ветке, безвольно свесив с неё лапы. Две безногие ящерицы, желтопузики, валялись на боку под лампой аквариума, похожие на загорающих старичков. Завершала экспозицию замшелая жаба ага. Она сидела в позе сфинкса, не мигая и, казалось, не дыша.

Тихо, но непрерывно гудело электричество, кругом царил солёный запах гадов. Мне стало тоскливо. От нечего делать я направился к единственному в зале окошку. На подоконнике стояла большая стеклянная банка, в ней копошилось с полсотни хомячков. Они непрерывно водили лапками от ушей к носу, будто умывались. Рядом располагался контейнер с морскими свинками. Они делали то же самое – деловитые и потешные.

– ...Так что это прекрасные и милые существа, – уверял дедушку хозяин гадов, вводя его в зал. Затем, посмотрев на часы, добавил тише. – Но – есть изнанка. Сейчас у них начнётся обед. Если вопросов больше нет, то давайте раскланяемся. Неприятное зрелище.

Io stavo mangiando una fetta di salame un po' rinsecchita, infilata su uno stuzzicadenti, e il mio cuore di bambino di sette anni, ancora così inesperto, pativa già di noia e di un'inspiegabile compassione verso tutte le persone lì riunite, tranne che per il nonno, ovviamente.

Qualche anno fa lessi un aforisma di Giulio Cesare: "Meglio essere primi in provincia che secondi a Roma". Mi tornò in mente quella mostra e pensai: "Ma è davvero così orribile essere secondi a Roma?".

Il nonno, grazie al cielo, non apparteneva né alla provincia né a Roma. Il nonno restava coi suoi jeans e con le scarpe da ginnastica.

Esprese il suo parere sulla mostra con un prudente articolo dal titolo "Markov mantiene il marchio". Il che significava: dipinge né meglio né peggio di come dipingeva prima.

Quel giorno, nel "Rinascimento autunnale" si immischiava prepotentemente un effluvio come di sale. Così odoravano le bestie disposte nella seconda e terza sala del centro esposizioni. In queste sale, come nella prima, non c'era nemmeno un visitatore. Dall'una all'altra camminava in un'indaffarata solitudine il proprietario delle bestie, un uomo calvo e coi baffetti. In una delle sue mani riluceva una lunga pinza. Il nonno si presentò al proprietario, e cominciò l'intervista. Io andai a dare un'occhiata alle bestie.

Mi stupì la loro pigrizia. I boa e i pitoni giacevano come cani sul tappeto, arrotondati nelle loro spire e con l'estremità della coda sotto la testa. Un'iguana stava distesa su un ramo, facendo penzolare le zampe in maniera svogliata. Due lucertole senza zampe, dal ventre giallo, giacevano sdraiate su un fianco sotto la lampada dell'acquario, come dei vecchietti che si abbronzano. A concludere l'esposizione, un ammuffito rospo delle canne. Stava seduto in posa da sfinge, senza batter ciglio e, pareva, senza respirare.

Sommessamente, ma di continuo, ronzava l'elettricità, e tutt'intorno dominava l'odore salato delle bestie. Iniziai ad annoiarmi. Tanto per far qualcosa mi diressi verso l'unica finestrella della sala. Sul davanzale c'era un grande barattolo di vetro, nel quale si agitavano una cinquantina di piccoli criceti. Continuavano a portarsi le zampine dalle orecchie al naso, come per lavarsi il muso. Lì vicino si trovava un contenitore con dei porcellini d'India. Facevano la stessa cosa, operosi e buffi.

– ... quindi si tratta di creature magnifiche e graziose – assicurava al nonno il proprietario delle bestie, conducendolo nella sala. Poi, dato uno sguardo all'orologio, aggiunse in tono più smorzato:

Дед изъявил желание взглянуть. Мне он посоветовал подождать его в «Осеннем ренессансе». Но я захотел остаться рядом с ним.

– Смотри, – сказал дед.

Хозяин тоненько вздохнул, подняв и опустив плечи, затем запустил пинцет в банку с хомячками и наугад ухватил одного. Рука с тельцем на кончике пинцета задержалась над аквариумом.

– Ага из них из всех наиболее демократична, – сказал хозяин и, просунув руку внутрь, установил зверька перед исполинской жабой. – Вот. Смотрите.

Хомячок принялся было за умывание и вдруг исчез. Жаба снова сидела в позе сфинкса. Только в зобу у неё что-то шевельнулось.

– А вот с этой змейкой тяжело, – пожаловался хозяин, неся к следующему аквариуму нового хомячка в пинцете. – Она уже совсем старая и почти слепая. А вид очень редкий и дорогой. Причём ведь иной раз попадётся такой бойкий товарищ, – кивнул он на хомячка, – что за себя постоит. И поцарапает, и зубами вцепится. Видите, у неё даже рубчики на спине?

– И что вы с таким товарищем делаете? – поинтересовался дед.

– Что, что, – снова вздохнул хозяин, – другим скармливаю. Не давать же ему вольную? Всё равно для этого их держу.

Хомячок сидел около редкого вида и как ни в чём не бывало чесал голову лапками. Змея подползла к нему почти вплотную, сделала выпад и, промахнувшись, стукнулась головой о стенку аквариума. Хомячок немного отбежал и спокойно продолжил чесаться. Хозяин взял его пинцетом и поставил поближе к змее. Второй выпад был более результативным: хомячок попал в удушающее кольцо, и змея смогла натянуть на него свой рот – как вдруг вытянулась и замерла кверху пузом.

– Н-да. Совсем старушка. Придётся вытаскивать, – озабоченно констатировал хозяин и действительно вытянул зверька пинцетом из пасти змеи, ухватив его за лапку.

Мокрый, со слившимися глазами и надорванным ухом, зверёк невозмутимо продолжил умываться рядом со змеей, которая никак не могла прийти в себя.

– Ma c'è un rovescio della medaglia. Adesso per loro inizia il pranzo. Se non ha più domande, direi che possiamo congedarci. Non è uno spettacolo piacevole.

Il nonno manifestò il desiderio di assistere. A me consigliò di attendere nel “Rinascimento autunnale”. Ma io volli restare con lui.

– Vedi tu – disse il nonno.

Il padrone emise un sospiro appena percettibile, facendo spallucce, poi cacciò la pinza nel barattolo dei criceti e ne afferrò uno a caso. La mano, col corpicino all'estremità della pinza, si fermò sopra un acquario.

– Il rospo è il più democratico di tutti – affermò il padrone, e, infilata dentro la mano, collocò la bestiolina di fronte al gigantesco rospo. – Ecco. Guardate.

Il criceto aveva già preso a pulirsi, quando, tutto d'un tratto, sparì. Il rospo stava ancora una volta seduto in posa da sfinge. Solo nel suo gozzo si mosse qualcosa.

– Invece con questo serpentello è dura – si lamentò il proprietario, portando con la pinza un nuovo criceto all'acquario successivo. – Ormai è molto vecchio, e quasi cieco. Ma è di una specie molto rara e preziosa. Peraltro, ancora una volta gli capita un tipo così vivace – additò il criceto. – Che saprà difendersi. Graffia, si attacca coi denti. Vedete che il serpente ha delle piccole cicatrici sulla schiena?

– E cosa fa con questo tipetto? – si interessò il nonno.

– Cosa faccio, cosa faccio... – sospirò nuovamente il padrone. – Nutro gli altri animali. Non dovrei forse liberarlo da questa vita? Comunque sia è per questo che li tengo.

Il criceto stava vicino all'esemplare raro, e, come se niente fosse, si grattava la testa con le zampine. Il serpente gli si avvicinò strisciando, quasi rasente, fece un affondo e, mancando il bersaglio, sbattè la testa contro la parete dell'acquario. Il criceto si allontanò di un po' correndo e riprese placidamente a grattarsi.

Il proprietario lo afferrò con la pinza e lo piazzò più vicino al serpente. Il secondo affondo fu più efficace: il criceto finì nella stretta soffocante, e il serpente riuscì a serrare la sua bocca su di lui, quando all'improvviso si tese e restò immobile a pancia in su.

– Eh, già. Proprio un vecchietto. Mi tocca tirarlo fuori – constatò con preoccupazione il padrone, e con la pinza tirò fuori per davvero la bestiolina dalle fauci del serpente, afferrandola per una zampa.

– Всё. Не вышло, – грустно подытожил хозяин и вытащил хомячка из аквариума. – Теперь она должна отдохнуть. Ох. С этой змеей – одни нервы... А тебя, бедолага, мы больше мучить не будем, – сообщил он хомячку и перенёс его в аквариум к жабе.

Жаба работала без промаха.

– Пойдём, – сказал дед. – Счастливо оставаться.

– До свиданья, – сказал хозяин, уже отпуская морскую свинку во владения тигрового питона.

Проходя через зал № 1, мы снова на минуту оказались среди полотен Маркова. Дед остановился у одной из картин и, почти не глядя на неё, произнёс:

– Вот такая она, сынок, наша матушка природа...

Тётя Фая долго не выпускала нас на свежий воздух. Ей не хватало человеческого общения.

Дед говорил, что предпочёл бы умереть в обуви. Но эта участь суждена была бабушке. Однажды ей сделалось худо посреди всенощной. Через час врачи констатировали смерть.

А вскоре умирал дед – без кроссовок, болезненно и долго.

Я часами сидел у его постели и держал его руку, хоть родители и пытались держать меня подальше от него. На стуле в дальнем углу комнаты, уходя в тень, лежали его джинсы и красивая рубашка. На спинке висел рюкзак и фотоаппарат на шнурке.

Я глядел на жёлтый лоб, на мокрые всклокоченные волосы, на щетину, которая торжествовала на щеках умирающего, как сорная трава на оставленной человеком земле. Оказывается, все эти годы я был убеждён, что дед – мой лучший друг и любимый герой – бессмертен. Но вот и его молчаливым бесчувственным кольцом сжала смерть.

Когда рыдания сводили мне горло, я отпускал дедову руку, уходил в другую комнату, садился в темноте и, раскачиваясь, шептал сквозь стиснутые зубы:

– Я отомщу вам, гады! Я вам ещё отомщу! Вы ни за что нас не победите!

Fradicio, con gli occhi chiusi e un orecchio straziato, l'animaletto proseguì imperturbabile a pulirsi accanto al serpente, che non riusciva in nessun modo a riprendersi.

– Basta. Non riesce – concluse tristemente il proprietario, e tirò fuori il criceto dall'acquario. – Ora il serpente deve riposare. Diamine. Con questo qui ti viene solo il nervoso... E riguardo a te, povero disgraziato, non ti tormenteremo più – comunicò al criceto, e lo portò all'acquario del rospo.

Il rospo agì senza errore.

– Andiamo – disse il nonno. – Buon proseguimento.

– Arrivederci – rispose il padrone, già mettendo un porcellino d'India a disposizione di un pitone delle rocce.

Passando attraverso la sala n°1, ci trovammo nuovamente fra le tele di Markov per un minuto. Il nonno si fermò presso uno dei quadri e, quasi non guardandolo, dichiarò:

– Ecco, figliolo, così è la nostra madre natura...

La signora Faja per un bel po' non ci lasciò uscire all'aria aperta. Le mancava proprio il contatto con la gente.

Il nonno diceva che avrebbe preferito morire con le scarpe. Invece questa sorte toccò alla nonna. Un giorno le venne un malore durante una messa notturna. Dopo un'ora i medici dichiararono il decesso. E poco dopo iniziò a spegnersi il nonno, senza scarpe da ginnastica, soffrendo, e a lungo.

Sedevo per ore accanto al suo letto e tenevo la sua mano, anche se i genitori provavano a tenermi più distante. Su una sedia, in un angolo lontano della stanza e già in ombra, stavano i suoi jeans e la sua bella camicia. Sullo schienale erano appesi lo zaino e la macchina fotografica, attaccata col laccio.

Osservavo la fronte gialla, i capelli umidi e scompigliati, la barba di qualche giorno, che regnava sulle guance del moribondo come la gramigna su un terreno abbandonato dall'uomo.

Alla fine, per tutti quegli anni ero stato convinto che il nonno, il mio migliore amico ed eroe preferito, fosse immortale. Ed ecco che anche lui veniva schiacciato dalle tacite, impietose spire della morte.

Ogni volta che i singhiozzi mi prendevano la gola, lasciavo la mano del nonno, me ne andavo in un'altra stanza, mi sedevo al buio e, dondolandomi, sussurravo a denti stretti:

– Mi vendicherò di voi, bestie! Ve la farò pagare un'altra volta! Non ci sconfiggerete mai!

Биография

Юрий Лунин. Родился в 1984 г. Закончил Литинститут им. А.М. Горького. Пишет с 17 лет. Публиковался в двух сборниках произведений молодых авторов «Facultet», а также в альманахах «5x5» и «Тверской бульвар, 25». Работал уборщиком в детском доме, резчиком картона, машинистом сцены в театре, корреспондентом подмосковной газеты. В данный момент работает сценаристом передач на радио «Россия» и редактором звукового журнала для слепых «Диалог». Любит ловить рыбу, собирать грибы, ехать куда-нибудь на поезде. Разумеется, читать. Любимый писатель – Чехов. Женат, есть сын.

Biografia

Jurij Lunin. Nato nel 1984. Ha studiato all'Istituto Letterario A.M. Gor'kij. Scrive da quando aveva 17 anni. Alcuni suoi lavori sono stati pubblicati nelle due raccolte di giovani autori *Facultet*, e anche nelle riviste "5x5" e "Viale Tverskoj 25". Ha lavorato come bidello in un orfanotrofo, intagliatore di cartone, tecnico di scena a teatro, corrispondente per un quotidiano dei dintorni di Mosca. Al momento lavora come sceneggiatore per le trasmissioni di radio "Rossija" e come redattore di "Dialog", un giornale sonoro per ciechi. Gli piace pescare, andare a funghi, viaggiare in treno. Ovviamente, gli piace leggere. Il suo scrittore preferito è Čechov. È sposato e ha un figlio.

Отзыв о рассказе

Рассказ Юрия Лунина по структуре своей прост – это портрет. Автор рассказывает о жизни родного деда, о жизни, изрядная часть которой прошла на его глазах вплоть до дедовой смерти. Работал на тракторе, кормил семью, проучился в школе всего-то шесть классов. Затем журналист, на полной ставке в местной газете, «ходил он в джинсах и кроссовках».

Это – внешнее. Это, разумеется, простой прочерк вдоль долгой жизни, а главное – это внутренний мир старика. Есть несколько лаконичных эпизодов, ярких и зримых, из которых достаточно будет упомянуть один – посещение дедом и внуком террариума. Сцена кормления – старая змея не может там съесть обкусанного уже хомячка, хозяин выставки берет его пинцетом и ставит поближе к змее. Выпад номер два – и опять змея промахивается.

«Всё. Не вышло, – грустно подытожил хозяин выставки и вытащил хомячка из аквариума. – Теперь она должна отдохнуть. Ох. С этой змеей – одни нервы. А тебя, бедолага, мы больше мучить не будем, – сообщил он хомячку и перенес его в аквариум к жабе. Жаба работала без промаха.

– Пойдем, – сказал дед».

Рассказ без всяких нажимов учит читателя гуманности, как и учил мальчишку его дед. Впечатляющий рассказ.

Владимир Маканин

Nota critica

Il racconto di Jurij Lunin è semplice nella sua struttura: è un ritratto. L'autore racconta la vita dell'amato nonno, buona parte della quale trascorre davanti ai suoi occhi, fino alla morte. Lavorava sul trattore, manteneva la famiglia, andò a scuola per soli sei anni. Poi, giornalista a stipendio pieno nel quotidiano locale, "andava in giro in jeans e scarpe da ginnastica".

Questa è la superficie. Si tratta, ovviamente, di un semplice tratto di penna accanto a una lunga vita; l'importante è il mondo interiore del vecchio. Ci sono parecchi episodi concisi, chiari, evidenti, dei quali sarà sufficiente menzionarne uno: la visita del nonno e del nipote al rettilario.

La scena del pasto: il vecchio serpente non riesce a ingoiare il già rosicchiato criceto, il proprietario dell'esposizione lo prende con la pinza e lo mette più vicino al serpente. Affondo numero due: il serpente manca di nuovo il bersaglio.

“– Basta. Non riesce – concluse tristemente il proprietario, e tirò fuori il criceto dall'acquario. – Ora il serpente deve riposare. Diamine. Con questo qui ti viene solo il nervoso... E riguardo a te, povero disgraziato, non ti tormenteremo più – comunicò al criceto e lo portò all'acquario del rospo.

Il rospo agì senza errore.

– Andiamo – disse il nonno”.

Il racconto, senza forzatura alcuna, insegna al lettore l'umanità, così come il nonno la insegna al ragazzino.

Un racconto degno di nota.

Vladimir Makanin

Дмитрий Никитин

Перевод Симона Николи

Dmitrij Nikitin

Traduzione in italiano di Simona Nicoli

ТУСКЛАЯ БОЛЬ

Денис Рычагов ощущал не очень сильную, невнятную, тусклую боль – до того неопределенную, неясно очерченную, что трудно было даже понять, откуда она раздается. Она то тонула в других ощущениях, как будто затихала, то снова выныривала, звучала острее и громче, хотя все равно приглушенно и смазанно. В моменты большей ее силы Рычагов тщетно прислушивался к ней, как стараются сосредоточиться на раздающейся издалека музыке, чтобы угадать мелодию. Но боль оставалась мутной, нечеткой, мерцающей; непонятно даже было до конца, есть ли она вообще.

Ночь, глубокая и плотная, сухая и беззвездная, мертвенно-пустынная, застыла в пронзительном молчании. И то ли у Рычагова, раздраженного болью, как-то особенно обострилась чувствительность, то ли ему просто мерещилось, а только в этом молчании ему слышался крик – приглушенный, придушенный, хрипловатый, обращенный словно бы лично к нему. Рычагов испугался этого крика, и, гонимый им, почти побежал по проспекту – широкому и безжизненному, безвольно и бессмысленно распластавшемуся перед ним. Ему было страшно, хотелось добраться до чего-нибудь, – пусть даже хотя бы оказаться в тупике, лишь бы не было необходимости двигаться дальше, лишь бы можно было остановиться и прислониться спиной к стене, чтобы не ждать нападения сзади, – но ночь лениво, уверенно, с какой-то вялой и злой радостью разматывалась впереди. Ей не было видно конца.

Ища укрытия, Рычагов свернул на слабый свет, сверкнувший сбоку, и оказался в тесном, унылом и затхлом помещении круглосуточного бара. Здесь пахло рыбой и было, пожалуй, еще неприятнее, чем снаружи; и все-таки, Денис был рад даже такому убежищу. Он был полон решимости отбросить все, что докучало ему, и утопить свою слабую боль в пиве – таком же темном, мутном и гадком, как что-то, засевшее внутри него.

Ему было легко и вместе с тем противно чувствовать, как под влиянием пива рассасывается, разжижается тугой комок, сдавивший его нутро, как меняется его восприятие и

DOLORE SORDO

Denis Ryčagov provava un dolore non molto forte, indistinto, sordo, così indefinito e poco chiaramente delineato che era persino difficile capire da dove venisse. Ora esso annegava in altre sensazioni, come se fosse cessato, ora di nuovo riemergeva, si sentiva più acuto e forte, benché comunque smorzato e diffuso. Nei momenti di maggior intensità Ryčagov lo ascoltava con inutile attenzione, come si cerca di concentrarsi su una musica che risuona lontana per indovinarne la melodia. Ma il dolore rimaneva torbido, sfumato, fluttuante; non si poteva neppure capire fino in fondo se ci fosse davvero.

La notte, profonda e densa, asciutta e senza stelle, inanimata e deserta, si era coagulata in un silenzio tagliente. Ryčagov, sia che avesse particolarmente affinato la sensibilità irritato dal dolore, sia che lo credesse soltanto, udì d'improvviso in quel silenzio un grido smorzato, strozzato e rauco che sembrava diretto proprio a lui. Si spaventò a quel grido, e, inseguitone, si mise a correre per il viale largo e senza vita che si distendeva insensato e irresoluto davanti a lui. Era terrorizzato, voleva arrivare da qualche parte, anche solo ritrovarsi in un vicolo cieco soltanto per non dover procedere ancora, soltanto per fermarsi con le spalle al muro e non doversi aspettare un'aggressione da dietro, ma la notte si srotolava innanzi pigra e determinata, con una gioia feroce e fiacca. Non se ne vedeva la fine.

Cercando un rifugio, Ryčagov deviò verso una debole luce che baluginava da un lato, e si ritrovò nello stretto, malinconico e ammuffito locale di un bar sempre aperto. C'era puzza di pesce ed era ancora più sgradevole che all'esterno, ma nonostante tutto Ryčagov si rallegrò persino di un tale rifugio. Era assolutamente determinato a liberarsi di tutto quello che lo infastidiva e ad annegare il suo debole dolore in una birra, scura, torbida e ripugnante come quel qualcosa seminato dentro di lui.

Sentiva, a uno stesso tempo con facilità e ribrezzo, come sotto l'effetto della birra si riassorbisse e si sciogliesse quel grumo duro premuto dentro di lui, come cambiasse la sua per-

то, что мешало ему где-то в глубине, словно бы растворяется в окружающей обстановке. Одновременно с этим и окружение как-то глубже и увереннее проникало в него: он как будто пропитывался рыбным запахом, грязноватым, приглушенным светом, заполнявшим помещение, и даже отголоски тяжелой и пустой ночи, засевшие в нем, теперь о себе напомнили, внесли свою лепту в его общее состояние. Но все это размылось, слепилось вместе, смешалось в одну вязкую кашу, из которой нельзя уже было вычленить что-то отдельное, – и так, в общей куче, почти не вызывало брезгливости.

«Почему же могла начаться моя боль? – медлительно размышлял Рычагов, задержавшись на этой мысли, повторяя ее на разные лады. – Что могло ее вызвать? Разве что-нибудь произошло?». Денис понимал, что в общем-то ничего не произошло, а все просто как-то разом навалилось, вцепилось в него и не отпускало. Он уже около месяца был без работы, перебиваясь случайными заработками, но жить ему пока еще оставалось на что. Люди, которых он знал, казались словно бы все больше не теми, лишними, неправильными, непонятно даже откуда взявшимися, и общение с ними не вызывало у Рычагова радости, а только, все чаще, какое-то тоскливое недоумение. И все, что с ним происходило, как будто вело к этому недоумению, вопросу «зачем?». Вялость и усталость чувств порождала у Дениса тяжелую, мучительную лень, которая тяготила его, привыкшего к делу и обыкновенно любящего дело. Само его удивление и недовольство всем происходящим было таким же слабым и тихим, как нынешняя боль; они не разрушали его, но постепенно подтачивали, выбивали из колеи. Рычагова преследовала смутная тревога, как будто говорящая о том, что он приближается к запоздалому и страшному открытию, чему-то такому, о чем ему было бы лучше вовсе не знать. Он, сильный человек, не робкого десятка, знал, что легко справился бы и с этой саднящей болью, и со страхом, – да только не хотел справляться, понимая, что все это – лишь некое предупреждение, от которого не следует отмахиваться. Напротив, его нужно было понять, и чем скорее, тем лучше, желательно даже немедленно.

«Что же это может означать?» – мучительно думал Рычагов. У него было ощущение, словно он старается что-то раскусить, расколоть, и не может, не в силах справиться.

cezione, e come ciò che lo disturbava da qualche parte nel profondo paresse letteralmente dissolversi nell'ambiente circostante. E contemporaneamente anche l'esterno era come se penetrasse in lui più in profondità e con più sicurezza: si sentiva impregnare dell'odore di pesce, della luce sporca e smorzata che colmava il locale, e persino gli echi della notte pesante e vuota seminati in lui ora si facevano sentire, portavano il loro contributo alla condizione generale. Ma tutto questo si allargava, si confondeva, si mischiava in un'unica soluzione confusa in cui non si poteva ormai più rintracciare qualcosa di definito, e così quell'ammasso unitario quasi non suscitava ripugnanza.

“Com'è cominciato il dolore?” rifletteva lentamente Ryčagov soffermandosi su questo pensiero, rigirandolo in vari modi. “Da cosa è nato? Che sia successo qualcosa?”. Denis capì che non era successo nulla, ma semplicemente questo gli era d'un tratto saltato addosso, lo aveva afferrato e non lo aveva più mollato. Già da un mese era senza lavoro, se la cavava con lavoretti occasionali, ma al momento riusciva ancora a tirare avanti. I suoi conoscenti sembravano non più loro, superflui, sbagliati, spuntati da chissà dove, e il rapporto con loro non suscitava in Ryčagov alcuna gioia ma solo, e sempre più spesso, un malinconico imbarazzo. Tutto ciò che gli succedeva lo conduceva a questo imbarazzo, alla domanda “perché?”. La fiacchezza e la stanchezza dei sentimenti generavano in Denis quella grave e tormentosa indolenza che lo opprimeva, lui così abituato all'azione e da sempre amante del fare. Lo stesso stupore e il malumore per quel che gli accadeva erano deboli e sommessi come il dolore che provava in quel momento; essi non l'avevano annientato, ma lo minavano pian piano, lo allontanavano dalla carreggiata. L'angoscia inquieta che perseguitava Ryčagov sembrava avvisarlo che stava avvicinandosi a una scoperta terribile e tardiva, a qualcosa di cui tutto sommato sarebbe stato meglio per lui non venire a conoscenza. Uomo forte, un duro, sapeva che sarebbe stato facile avere la meglio su questo dolore bruciante e sulla paura, solo che non voleva, capendo che tutto ciò era un monito da non tralasciare. Al contrario, doveva capire, tanto prima tanto meglio, e possibilmente in fretta.

“Cosa potrebbe significare?” si chiedeva Ryčagov in pena. Gli sembrava di sforzarsi di

У него даже спина заболела от этого продолжительного усилия, как будто оно было физическим, мышечным. И вдруг стало ему настолько тяжело и неприятно, что он буквально вскочил со своего места, чувствуя, что нужно сделать что-то резко и неожиданно, чтобы сбросить напряжение.

На него при этом оглянулась незнакомая женщина, также сидевшая в баре, которую он до сих пор и не замечал. Поскольку она не отворачивалась, Рычагов, ощутив неловкость, подошел к ней. Он даже не знал, что и сделать; она казалась ему просто одним из элементов обстановки, таким же, как, например, запах рыбы, и в этом было что-то противное, но не сильно, а так, самую малость. «Что-то случилось?» – спросила она. «Ничего, – с трудом пробиваясь сквозь одолевавшую его после пива дремотную растерянность, ответил Рычагов. – Кажется, я запутался. Я недолюбливаю такие ситуации, как эта». Слово «недолюбливаю», которое пришло ему в голову, странным образом привлекло его внимание, и он даже специально повторил его еще раз, чтобы как следует его прочувствовать, распробовать. Казалось, что и женщину оно тоже почему-то заинтересовало; возникла пауза, и Рычагову представилось, что они вдвоем как будто с подозрением рассматривают это слово, которое повисло в воздухе и не желало отзвучать, не желало исчезнуть.

«Почему же вы здесь ночью?» – спросила его незнакомка. «Разве сейчас ночь?» – удивленно спросил Денис, который после пива сильно осовел и сейчас успел уже забыть, как и почему появился в баре. «Конечно», – сказала она, даже не удивившись, словно вопрос Рычагова был закономерен. «Не знаю, что ответить, – сказал он. – Честно говоря, я не понимаю, что мне делать дальше». Женщина предложила поехать к ней; он согласился, словно это было делом будничным. Кисловатый, неприятный вкус остался после пива у Рычагова во рту, и вся эта ситуация как бы отдавала тем же привкусом. И тем не менее, Денис с готовностью принял ее: сейчас он чувствовал, что ему нужно хотя бы ненадолго отделаться от голоса того предупреждения, которое продолжало звучать издалека, подавать едва различимые сигналы. Они будоражили Дениса, не давали ему покоя, и он испытывал потребность от них скрыться.

arrivare al nocciolo, di sezionarlo, ma senza riuscirci, senza avere la forza di venirne a capo. Anche la schiena gli faceva male a causa di questo sforzo continuato, quasi fisico, muscolare. D'improvviso tutto gli divenne talmente pesante e fastidioso, che balzò letteralmente in piedi consapevole di dover fare qualcosa di repentino e inatteso per togliersi di dosso la tensione.

A questo movimento si girò una donna sconosciuta, seduta anche lei al bar, ma che lui finora non aveva notato. Poiché non si voltava, Ryčagov, imbarazzato, le si avvicinò. Non sapeva neppure che fare; lei gli sembrava soltanto un elemento del contesto come, ad esempio, l'odore di pesce, e in questo c'era una certa opposizione, ma non violenta, proprio un nonnulla. "È successo qualcosa?" chiese lei. "Niente" rispose Ryčagov districandosi con fatica dallo smarrimento sonnolento che lo aveva sopraffatto dopo la birra. "Devo essermi sbagliato. Disprezzo le situazioni come questa". La parola che gli era venuta in mente, "disprezzo", attirò la sua attenzione in modo strano, e lui la ripeté appositamente ancora una volta per assaporarla, gustarla come si deve. Sembrò che anche la donna ne fosse colpita; ci fu una pausa, e Ryčagov si immaginò che entrambi stessero analizzando con circospezione quella parola che si librava nell'aria e che non voleva smettere di risuonare, non voleva scomparire.

"Perché è qui di notte?" gli chiese la sconosciuta. "Ma è notte?" chiese sorpreso Denis, che dopo la birra stava lì come un allocco e aveva già dimenticato come e perché fosse capitato in quel bar. "Certo" rispose lei niente affatto sorpresa, come se la domanda di Ryčagov fosse normale. "Non saprei cosa rispondere" disse lui. "Per essere sinceri, non capisco cosa devo fare adesso". La donna gli propose di andare da lei, lui acconsentì, come se fosse cosa di tutti i giorni. Dopo la birra gli era rimasto in bocca un retrogusto sgradevole e acidulo, e questa situazione aveva lo stesso sapore. Nonostante questo Denis vi si imbarcò con prontezza: sentiva ora che gli era necessario sbarazzarsi, seppure per poco, della voce di quel monito che continuava a risuonare da lontano alimentando segnali a stento distinguibili. Essi agitavano Denis, non gli davano tregua, e lui provava il bisogno di sottrarvisi.

Они поймали машину, отправились куда-то, – Рычагов пропустил, не уловил, что именно это за место, – и по дороге разговорились. Денис попытался вкратце обрисовать незнакомке свою ситуацию, но говорил так сбивчиво, что сам запутался. К тому же он, даже испугавшись, понял, что многие детали происходящего в его жизни забыл и не может сейчас восстановить их в памяти. Женщина говорила в ответ, а он не мог почему-то понять смысла ее слов; сначала он пытался переспрашивать, но потом бросил и перестал даже слушать, пытаясь вместо этого попристальнее рассмотреть ее лицо. Оно было невыразительное, слегка мягкое, но в целом как будто не имеющее возраста; было в нем что-то красивое, может быть, даже трагическое, но было и что-то гнусноватое, но все это было трудно уловить, понять, как формируется целое из составных частей. Рычагов не мог сосредоточиться; что-то безликое, неопределенное представало перед ним.

И вот они где-то оказались – видимо, у нее. «Тише, ребенок спит», – шепнула незнакомка. «Ребенок, – повторил Рычагов. – А муж?». «Он умер, – ответила женщина. – Я вдова». Последнее слово она произнесла с ударением, особым выражением, словно ей было неприятно его произносить, но вместе с тем по какой-то причине и нравилось. «Отчего же он погиб?» – поинтересовался Денис, которому показалось почему-то уместным сказать именно «погиб». «Просто умер и все, – сказала женщина. – Сердце остановилось. Жил, а потом взял – и умер».

Когда они сошлись, Рычагов почувствовал наслаждение, но такое же тусклое и неопределенное, какой была прежде у него боль. Оно было сильнее и ярче той боли, но не могло полностью перебить ее и не сливалось с ней; она продолжала доноситься откуда-то издалека и мешала, отвлекала Рычагова. Было темно, но Денису мерещилось, что рядом находится и ребенок, что он пристроился тут же, под боком, и принимает участие в происходящем. «Зачем он здесь?» – с тоской подумал Рычагов. Неважно было, кто он был, какого возраста и что из него вырастет в дальнейшем; Денису показалось почему-то, что в появлении на свет этого ребенка было что-то случайное и неуместное – настолько же, как его появление в жизни самого Рычагова. Его хотелось отогнать, но он назойливо маячил где-то поблизости, ощущался как будто бы под не очень теплой кожей женщины,

Presero la macchina e partirono per chissà dove. Ryčagov si lasciò sfuggire, non colse che tipo di posto fosse quello, e lungo la strada chiacchierarono. Denis cercava di abbozzare in breve alla sconosciuta la sua situazione, ma parlava in modo talmente sconclusionato che si confuse da solo. E inoltre comprese, spaventandosi, che molti dei dettagli di quel che stava succedendo nella sua vita li aveva dimenticati, e non riusciva ora a farseli tornare in mente. La donna gli rispondeva, ma lui non poteva chissà perché capire il senso delle sue parole; all'inizio le chiedeva di ripetere, ma poi la piantò e smise anche di ascoltare, cercando invece di osservarne più attentamente il viso. Era inespressivo, un poco sgualcito, sformato, ma nell'insieme senza età: c'era in esso qualcosa di bello, forse persino di tragico, ma anche qualcosa di leggermente ripugnante, ed era difficile da cogliere, da capire, come se si formasse l'intero dalla composizione delle parti. Ryčagov non riusciva a concentrarsi; davanti a lui stava qualcosa di anonimo, di indeterminato.

Ed ecco che giunsero da qualche parte, evidentemente da lei. "Silenzio, il bambino dorme" sussurrò la sconosciuta. "Il bambino" ripeté Ryčagov. "E il marito?". "È morto" rispose la donna. "Sono vedova". L'ultima parola la pronunciò accentata, con un'espressione particolare, come se le fosse sgradevole pronunciarla, ma al contempo le piacesse. "Di cosa è defunto?" si interessò Denis, a cui sembrò chissà perché opportuno dire "defunto". "È morto e basta" disse la donna. "Il cuore si è fermato. Era vivo, e a un tratto è morto". Quando si incontrarono Ryčagov provò godimento, ma così sordo e indeterminato com'era prima il dolore. Era più forte e vivido di quel dolore, ma non riusciva completamente a fermarlo, né confluiva in esso, che continuava a provenire da qualche parte lontano e disturbava, distraeva Ryčagov. Era buio, ma a Denis pareva che accanto ci fosse anche il bambino, che gli si fosse appiccicato, stretto stretto, e prendesse parte a quel che accadeva. "Perché è qui?" pensò con angoscia Ryčagov. Non importava chi fosse, quanti anni avesse e cosa sarebbe stato di lui in seguito; a Denis sembrava che nel venire al mondo di questo bambino ci fosse quel qualcosa di accidentale e inopportuno che ritrovava nel suo venire nella vita dello stesso Ryčagov. Sarebbe stato da scacciare, ma quello ronzava inopportuno lì intorno, quasi lo si percepiva sotto la pelle non molto calda della donna

которую стиснул Рычагов в своих объятиях. Потом ребенок действительно вскрикнул из своей комнаты, так резко, неожиданно и пронзительно, что Денис вздрогнул. «Это ночь, – испуганно подумал он. – Тот первый крик из ночи добрался до меня».

Когда все кончилось, он спросил у женщины, что она чувствует. «Как будто справила нужду», – ответила она. В этом было что-то скучное и простое, но очень понятное. Денису, может быть, следовало обидеться на вызывающую откровенность этих слов, но Рычагов почему-то позавидовал незнакомке.

Она пригласила его остаться ночевать; Рычагов согласился было, но почувствовал себя так неудобно, что не мог уснуть. Он встревоженно ворочался, пока не понял наконец, что не сможет погасить, заглушить одолевающую его тревогу и ощущение чего-то неправильного и грязного. Быстро поднявшись, он засобирался; незнакомка не стала его удерживать, и он понял, что его уход сейчас же, в темноте, был для нее облегчением. Снаружи на него навалилась предрассветная тяжесть, сильно и плотно придавив его, так что он шел с поникшей головой. Он еще ощущал остатки удовольствия, разлившегося по его телу, но в нем было что-то гаденькое, и два ощущения – приятное и тягостное – сливались до полной неразличимости, во что-то одно серое, вязкое и бесформенное.

Рычагов осторожно прислушался к своим ощущениям и понял, что боль нарастает.

che Ryčagov stringeva nel suo abbraccio. Poi il bambino dalla sua camera effettivamente lanciò un grido così brusco, inaspettato e tagliente che Denis trasalì. “È la notte” pensò spaventato. “Quel primo grido dalla notte è giunto fino a me”.

Quando fu tutto finito, Ryčagov chiese alla donna cosa provasse. “Come se avessi fatto i miei bisogni” rispose. In questo c’era qualcosa di malinconico e semplice, ma molto comprensibile. Denis, forse, avrebbe dovuto offendersi alla franchezza provocatoria di quelle parole, ma chissà perché invidiò la sconosciuta.

Lei lo invitò a fermarsi per la notte; Ryčagov accettò, ma si sentiva così a disagio che non poté addormentarsi. Si rivoltò angosciato finché non capì che non sarebbe riuscito a estinguere, lenire l’angoscia che lo aveva sopraffatto e la sensazione di qualcosa di sbagliato e di sporco. Alzatosi in fretta, iniziò a prepararsi, la sconosciuta non cercò di trattenerlo, e lui capì che la sua uscita in quel momento, nell’oscurità, era per lei un sollievo.

Fuori lo invase una pesantezza antelucana che lo schiacciava con forza e senza scampo, tanto da farlo camminare a testa bassa. Provava ancora residui di godimento sparsi per il corpo, ma in esso vi era qualcosa di ripugnante e due sensazioni, una gradevole e una penosa, erano confluite in un’indistinguibilità assoluta, in un unico ammasso grigio, vischioso e informe.

Ryčagov ascoltò con attenzione le proprie sensazioni, e capì che il dolore era in aumento.

Биография

Дмитрий Никитин. Родился в 1985 г. в Москве. Закончил московский Институт журналистики и литературного творчества (ИЖЛТ). Работает в информационном агентстве. Пишет с 2003 года, за это время написано около 100 маленьких рассказов, несколько романов и повестей. Есть две публикации: фрагмент романа *Кукольный театр* в альманахе ИЖЛТ «Этажерка», а также книга *Жизнь Ирины*. Его любимые (и, соответственно, оказавшие наибольшее влияние на его творчество) направления – натурализм, экзистенциализм, литература абсурда.

Biografia

Dmitrij Nikitin. Nato nel 1985 a Mosca. Ha completato gli studi all'Istituto moscovita di giornalismo e letteratura (IŽLT). Lavora in un'agenzia di informazioni.

Scrivo dal 2003. Finora ha composto un centinaio di brevi racconti, alcuni romanzi e novelle. Ha pubblicato un frammento dal romanzo *Il teatro delle marionette* nell'Almanacco dell'Istituto "Etažerka" ("Portariviste"), e il libro *La vita di Irina*.

I suoi riferimenti letterari (ovvero quelli che hanno maggiormente influito sulla sua opera) sono il naturalismo, l'esistenzialismo, la letteratura dell'assurdo.

Отзыв о рассказе

Кредо русской литературы было сформулировано в свое время Александром Ивановичем Герценом: “Мы не врачи, мы – боль”.

Сознательно или нет, но автор рассказа *Тусклая боль* Дмитрий Никитин понял этот завет почти буквально и написал рассказ словно на заданную тему. Рассказ плотный, густой до вязкости, с сильным психологическим замесом – о двух потерявших себя в этом мире людях. Он и она. У него нет работы, нет семьи, а только страшная неустроенность и пустота в жизни. У нее умер муж, она знакомится в ночном баре со случайным человеком, случайно с ним сходитесь на одну ночь в своем вдовьем доме, не испытывая не только счастья, но даже физического наслаждения (“как нужду справила”) и расходится, чтобы никогда больше не встретиться. Боль, которая по всем законам должна была бы быть поделена между двумя героями, лишь усиливается, рассказ заканчивается так же, если еще не более мрачно, чем начинается, и все-таки что-то не позволяет назвать его безнадежным, бесчеловечным. Быть может это происходит оттого, что его высветляет, спасает спящий в соседней комнате ребенок. Мы не знаем о нем почти ничего, но именно в этом дитяти, в его невидимом присутствии заключена надежда если не на спасение, то на преодоление сиротства обоих героев. И это – тоже очень по-русски.

Алексей Варламов

Nota critica

Il *credo* della letteratura russa fu formulato ai suoi tempi da Aleksandr Ivanovič Herzen: “Noi non siamo il medico. Siamo il dolore”.

Che ne fosse consapevole o meno, Dmitrij Nikitin, autore del racconto *Dolore sordo*, ha preso questo insegnamento quasi alla lettera e ha scritto un racconto esattamente sul tema dato. Il racconto è compatto, denso fino alla vischiosità, con un forte contenuto psicologico: due persone che hanno smarrito sé stesse in questo mondo. Lui e lei. Lui non ha lavoro, non ha famiglia, ma solo un terribile disagio e un'esistenza vuota. A lei è morto il marito, e incontrato in un bar notturno un uomo qualsiasi, passa casualmente la notte con lui nella propria casa vedovile, senza provare non solo gioia, ma nemmeno godimento fisico (“Come se avessi fatto i miei bisogni”), e poi se ne separa per non rivederlo mai più. Il dolore, che secondo ogni convenzione dovrebbe essere diviso tra i due protagonisti, aumenta solamente, e il racconto si conclude nello stesso modo in cui è iniziato, se non più cupamente, tuttavia qualcosa ci impedisce di definirlo disperato, disumano. Forse ciò accade perché a illuminarlo e salvarlo è un bambino che dorme nella camera accanto. Non sappiamo quasi nulla di lui, ma proprio in questo fanciullo, nella sua incolpevole presenza, è racchiusa la speranza se non nella salvezza, almeno nel superamento della solitudine orfana di entrambi gli eroi. E anche questo suona molto russo.

Aleksej Varlamov

Ксения Романова

Перевод Джорджия Помаролли

Ksenija Romanova

Traduzione in italiano di Giorgia Pomarolli

МОЛИТВА

Ольга Егорова, жительница деревни Матрёновки, проснулась в плохом настроении. Её сын Максим был в Чечне. Год назад его вместе с другими ребятами, угодившими в армию, отправили воевать на Кавказ, где рекой лилась кровь. Третий месяц от сына не было писем. И вот этой ночью он приснился Ольге и сказал ей: «Мама, помоги, мне плохо». А чем тут поможешь?!

Ольга промучилась весь день. Под вечер разболелось сердце. Ольга не знала, что делать. Она решила пойти помолиться в храм.

Храм стоял посреди деревни, его было видно со всех сторон. Все дороги вели к храму. Но никто не ходил туда. Храм был разрушен. После революции его разграбили, сорвали кресты с куполов, сбросили колокола. Сожгли иконы, расстреляли старого священника. Потом хотели храм взорвать, но передумали и сделали там склад. А потом, в перестройку, развалился колхоз, и складывать стало нечего. И стоял храм пустой. Подростки ходили туда пить пиво.

Ольга раньше не верила в Бога. Вернее, не думала: есть Он или нет? Но сейчас она впервые подумала: лучше бы Он все-таки был. А то кто же поможет Максиму? Она никогда не молилась. Икон в доме не было. Ольга считала, что молиться Богу надо в церкви. И она пошла в храм.

Ольга Егорова была на вид мужиковатая: всегда в штанах, с короткой стрижкой, с сигаретой в зубах. Она ходила, как моряк во время качки, при этом размахивая руками. Ей было всё равно, как она выглядит. Но перед входом в церковь она всё же выплюнула сигарету.

Разбитые ступени заросли травой. Тяжелая дверь с облупившейся краской была приоткрыта. Ольга рванула её на себя и вошла в храм.

Испуганная ласточка с тревожным криком пронеслась под церковными сводами и вылетела в окно.

LA PREGHIERA

Ol'ga Egorova, abitante del paese di Matrënovka, si svegliò di cattivo umore. Suo figlio Maksim si trovava in Cecenia. Un anno prima, insieme ad altri ragazzi finiti nell'esercito, era stato mandato a combattere nel Caucaso, dove il sangue scorreva a fiumi. Da tre mesi non riceveva lettere dal figlio. Ed ecco che quella notte Ol'ga lo vide in sogno mentre le diceva: "Mamma, aiutami, sto male!". Ma come aiutarlo?

Ol'ga rimase in pena tutto il giorno. Con l'avvicinarsi della sera il cuore le faceva sempre più male. Non sapeva cosa fare. Decise di andare in chiesa per pregare un po'.

La chiesa sorgeva nel centro del paese, la si scorgeva da ogni punto si guardasse. Tutte le strade portavano là. E tuttavia nessuno ci andava. La chiesa era distrutta. Dopo la rivoluzione era stata saccheggiata: le croci strappate dalle cupole, le campane abbattute, le icone bruciate, il vecchio prete fucilato. In seguito decisero di farla saltare in aria, ma ci ripensarono e ne fecero un magazzino. Poi, con la *perestrojka*, il kolchoz era andato in rovina, così che non ci fu più nulla da immagazzinare. E la chiesa rimase vuota. I giovani vi andavano a bere birra.

Ol'ga non credeva in Dio, prima. O meglio, non aveva mai pensato: Lui esiste oppure no? Eppure in quel momento la prima cosa cui pensò fu: sarebbe meglio se Lui esistesse, se no chi aiuterà Maksim? Non pregava mai. Non c'erano icone a casa. Ol'ga credeva che per pregare Dio bisognasse essere in chiesa. Così ci andò.

Ol'ga Egorova aveva un aspetto mascolino: sempre in pantaloni, i capelli tagliati corti, la sigaretta in bocca. Camminava come un marinaio sballottato in mare che agita le braccia a ogni scossa. Non le importava del suo aspetto. Eppure davanti all'entrata della chiesa sputò la sigaretta.

I gradini rotti erano ricoperti di erba. La pesante porta con la vernice scrostata era socchiusa. Ol'ga la tirò a sé ed entrò nella chiesa.

Una rondine spaventata sfrecciò con un grido inquieto sotto le volte della chiesa e volò fuori dalla finestra.

C'era odore di umidità. L'intonaco si era staccato dalle pareti bianche. Un tempo proprio là c'erano

Пахло сыростью. С белых стен осыпалась извёстка. Когда-то тут были росписи, но потом их замазали. В алтаре на стене висел крест. Обычный деревянный крест. Его повесили студенты-археологи, которые были здесь два года назад. Ольга решила подойти к кресту. Всё равно ничего больше не было.

Осторожно ступая по сгнившему полу, который местами совсем провалился, она оказалась под куполом храма. Случайно посмотрела вверх и вздрогнула: оттуда, сверху, на нее смотрела темная фигура с распростертыми руками. Это был Бог. Но Бог был чёрный. Один силуэт. Это была единственная фреска, которую не удалось до конца уничтожить.

Сквозь окошки без стёкол светило солнце.

Ольга Егорова вошла в алтарь.

В алтаре не было крыши – она разрушилась. Над головой синело небо. Вверху на стенах выросла трава, кусты и даже деревца рябины. Они разрушали корнями кирпичную кладку, и кирпич осыпался. Под ногами хрустели обломки.

Крест был выкрашен белой краской. Перед ним на полу стояла банка, а в банке – букет цветов. Ольга увидела его и удивилась. Неужели здесь есть кто-то верующий? Наверно, какая-то бабушка...

Ольга не знала молитв. Она неумело перекрестилась. И сказала своими словами:

– Господи! Помоги моему сыночку! Он сейчас на войне. Помоги ему, пусть он вернется живой и здоровый...

Она заплакала.

– Убереги его от пули, от снаряда. Он у меня один. Зовут Максим. Он некрещёный, но он... он хороший... Сделай так, чтобы с ним ничего не случилось. Пожалей его, Господи! Торжественная тишина стояла в храме. Казалось, что и эти стены, и небо, и земля прислушиваются к молитве матери. Там, в далекой Чечне, шла война. Горели танки, падали на землю вертолеты, рвались снаряды. Несчастный девяносто пятый год! А здесь, в безмолвии разрушенного храма, мать солдата молилась о сыне.

Ольга Егорова склонила голову. Она почувствовала что-то необычное. Ей показалось,

delle pitture, ma erano state ricoperte. Dove sorgeva l'altare, sul muro era appesa una croce. Una comune croce di legno. L'avevano appesa gli studenti di archeologia che erano stati lì due anni prima. Ol'ga decise di avvicinarsi alla croce. Del resto, non c'era nient'altro.

Camminò con prudenza sul pavimento marcio, in alcuni punti completamente sprofondato, e si ritrovò sotto la cupola della chiesa. Casualmente alzò gli occhi e trasalì: da lassù la guardava un'oscura figura con le braccia tese. Era Dio. Ma Dio era nero. Una sagoma. Era l'unico affresco che non erano riusciti a distruggere interamente.

Il sole splendeva attraverso le finestrelle senza vetri.

Ol'ga Egorova andò all'altare.

Sopra l'altare non c'era il tetto, era crollato. Si vedeva l'azzurro del cielo. Sulle pareti in alto erano cresciuti erba, arbusti e perfino dei ramoscelli di sorbo. Con le loro radici avevano distrutto la muratura e pezzi di mattoni erano franati. Le macerie scricchiolavano sotto i piedi.

La croce era colorata di vernice bianca. Davanti a essa sul pavimento era posto un barattolo, e nel barattolo un mazzo di fiori. Ol'ga lo vide e ne fu sorpresa. Possibile che lì potesse esserci qualche credente? Probabilmente si trattava di una vecchietta...

Ol'ga non conosceva preghiere. Goffamente si fece il segno della croce. E con parole sue disse:

– Signore! Aiuta mio figlio! Lui ora è in guerra. Aiutalo, fa' che torni sano e salvo...

Scoppiò in lacrime.

– Proteggilo dalle pallottole, dai proiettili. È il solo figlio che ho. Si chiama Maksim. Non è stato battezzato, ma è... è buono... Fa' in modo che non gli succeda nulla. Abbi pietà di lui, Signore!

In chiesa regnava un silenzio solenne. Sembrava che quelle pareti, il cielo e la terra stessero ascoltando la preghiera della madre. Là, in una Cecenia lontana, c'era la guerra. I carri armati bruciavano, gli elicotteri cadevano a terra, i proiettili esplodevano. Tragico millenovecentonovantacinque! Qui, nel silenzio di una chiesa distrutta, la madre di un soldato pregava per il figlio.

Ol'ga Egorova chinò la testa. Provò qualcosa di insolito. Le parve che ora nel cuore le fosse entrato proprio quel silenzio e insieme a esso la quiete e la fede che a suo figlio sarebbe andato tutto bene. Percepì la calma celeste, la pace dell'anima, la gioia... E in quell'istante dall'alto le cadde in testa un mattone.

что сейчас ей в сердце войдёт вот эта тишина, а вместе с ней – покой и вера в то, что с её сыном всё будет хорошо. Она ощутила неземное спокойствие, умиротворение, радость... И тут на голову ей сверху упал кирпич.

Вернее, это был обломок кирпича. Но Ольге стало больно. Она вскрикнула:

– Ёк-макарёк!..

А потом испугалась. Во-первых, потому, что выругалась в храме. А во-вторых, из-за этого кирпича. Упал и, как нарочно, по башке. А может, это знак? Как будто Бог сказал: «Отремонтируйте Мне храм, тогда и буду вам помогать». Конечно, Бог не мог так сказать. Но Ольга была озадачена. Может быть, она сделала что-то не так? Может, Богу молитва ее не понравилась?

Она вышла из храма. В лучах заходящего солнца деревня Матрёновка казалась красивой. Лучи золотили заборы и крыши, и лица людей. Но солнце зашло, и деревня сразу стала другой. И Ольга Егорова, словно впервые, увидела много такого, что её поразило.

На крыльце деревенского клуба стояли подростки. Это был никакой и не клуб, в строгом смысле этого слова. Дом с разбитыми окнами, заколоченными фанерой, отдавала молодежи деревенская администрация. Молодежь каждый вечер приходила туда танцевать. Но кассет было мало, танцевать было скучно, поэтому все напивались.

Вот сейчас они снова пришли в свой раздолбанный клуб. Из распахнутой двери несло громыхание музыки. На крылечке стояли Сережа Филатов, Андрей Палагутин, Ваня Старостин, Рома Танаев – все пьяные в умат, с бутылками какой-то барбитуры. Они отчаянно дымили сигаретами.

– А классно мы тут заколбасились! – орал Сережа, придерживаясь одной рукой за стену – он едва держался на ногах. На ступеньках сидел Саша Кубарев с совершенно стеклянным взглядом. У него не было сил подняться.

Мимо клуба, обнявшись, прошли Витя Сорокин и Таня Калугина. Их качало и заносило в стороны. Витя нёс бутыл с какой-то мутной жидкостью, из которой они поочерёдно прихлёбывали. Обоим не было ещё пятнадцати лет.

A dire la verità era solo un pezzo di mattone. Ma a Ol'ga aveva fatto male. Gridò:

– Cavolo!

Ma subito si spaventò. Primo, perché aveva imprecato in chiesa. Secondo, a causa di quel mattone. Era caduto, come di proposito, sulla sua testa. Era forse un segno? Sembrava che Dio avesse detto: “Ristruttura la Mia chiesa e Io ti aiuterò”. Certo, Dio non poteva parlare così. Eppure Ol'ga era perplessa. Aveva forse fatto qualcosa di sbagliato? Che a Dio la preghiera non fosse piaciuta?

Uscì dalla chiesa. Immerso nella luce del sole al tramonto, il paese di Matrënovka sembrava bello. I raggi facevano risplendere d'oro i recinti, i tetti e i volti delle persone. Ma il sole tramontò e il paese divenne subito un altro. E Ol'ga Egorova vide molte cose come per la prima volta. E ne fu colpita. Nel portico del circolo del paese c'erano dei ragazzi. Non era un circolo nel senso stretto della parola. Era una casa con le finestre rotte e tappate dal compensato, messa a disposizione per i giovani dall'amministrazione del paese. I giovani ci andavano ogni sera per ballare. Ma i nastri erano pochi, ballare era noioso, quindi tutti si ubriacavano.

E ora si erano di nuovo radunati nel loro circolo sgangherato. Dalla porta spalancata proveniva il frastuono della musica. Nel portico c'erano Serëža Filatov, Andrej Palagutin, Vanja Starostin, Roma Tanaev, tutti ubriachi fradici con delle bottiglie piene di chissà quale droga. Fumavano come turchi.

– È uno sballo qui! – sbraitò Serëža, tenendosi al muro con una mano. Si reggeva a malapena in piedi.

Sui gradini era seduto Saša Kubarev, lo sguardo vitreo. Non aveva la forza di alzarsi.

Vicino al circolo camminavano a braccetto Vitja Sorokin e Tanja Kalugina. Barcollavano e sban-
davano da una parte all'altra. Vitja portava un bottiglione contenente un liquido torbido dal quale bevevano a turno. Entrambi non avevano nemmeno quindici anni.

Sulla via passò in moto Kostja Dubograev: la camicia sbottonata, i capelli ritti, gli occhi grandi come due tazze da tè. La sera si ubriacava sempre, per poi scorrazzare in sella alla sua moto.

Tra i cespugli c'era Ženja Smirnov. Aveva la nausea.

Ol'ga guardava tutti loro e non sapeva cosa fare. All'improvviso capì: eccolo, il male. Non dovrebbe essere così, tutto questo non va bene, non è giusto. Proprio nel cuore della Russia, in un paese come

По улице проехал Костя Дубограев на мотоцикле – рубаха расстёгнута, волосы дыбом, глаза, как два чайные блюдца. Он всегда напивался под вечер, а потом разъезжал на своём мотоцикле.

В кустах стоял Женя Смирнов. Его тошнило.

Ольга смотрела на них и не знала, что делать. Она вдруг поняла, что вот это – беда. Не должно быть такого, ненормально всё это, неправильно. В самом центре России, в обычной деревне (а сколько таких деревень!), далеко от войны, погибали ребята. Не от пуль, а от водки, от всякой отравы. И никого это не волновало. Их не показывали по телевизору. О них не писали в газетах. Как же так? Почему?

Ольга пришла домой расстроенная. В тот вечер она долго не ложилась спать. Сидела и курила «Беломор». И думала. Сказать по правде, здесь и взрослые вели себя не лучше. Они тоже орали, ругались матом и напивались в хлам. Пили всё, что горит. А были и такие люди, что пили тормозную жидкость. Да что там говорить... Она сама была не лучше. Она как будто бы увидела себя со стороны – взъерошенную, в мятой майке и джинсах, с сигаретой в руке. А на плече наколка, а в глазах – тоска... Ничем она не лучше остальных. Такая же, как все в этой деревне.

Ольга сидела и дымила, и дым окутывал её клубами, и в дыму рождались мысли – горькие, как полынь, что росла вокруг дома. Почему всё не так? Почему нету денег? Почему нету счастья? Почему – война? Может быть, они сами во всём виноваты. И она виновата не меньше. «Наверно, за это меня кирпичом по башке...» Натворили чёрт знает чего, напортачили, а теперь вот такая фигня. И, наверное, Богу они надоели, и Он отвернулся от них. Потому что достало.

Она сидела и курила. Но она не знала, что Бог не отвернулся. Просто она не могла разглядеть Его за клубами сизого дыма. А Он её видел. И Бог был с ней.

Бог был с её сыном Максимом, который вот в эту минуту сидел в Гудермесе на подоконнике полуразрушенного дома и писал ей письмо, не зная, что в него прицелился чеченский снайпер. И снайпер выстрелил, но промахнулся.

Бог был с теми ребятами в клубе, которые, напившись в дребадан, чуть не устроили

tanti altri (e quanti ce ne sono così!), lontano dalla guerra, i ragazzi morivano. Non a causa delle pallottole, ma della vodka o di un veleno qualsiasi. E questo non importava a nessuno. Loro non apparivano in televisione. I giornali di loro non parlavano. Come era possibile? Perché?

Ol'ga arrivò a casa sconvolta. Quella sera rimase sveglia a lungo. Se ne stava seduta e fumava "Belomorkanal". E pensava. A dire la verità anche gli adulti lì non si comportavano meglio. Anche loro sbraitavano, dicevano parolacce, si sbronzavano fino alla nausea. Bevevano tutto ciò che trovavano. E c'erano anche delle persone che bevevano l'olio dei freni. E che dire allora... Lei stessa non era migliore. Si vide come da fuori: spettinata, una maglietta sformata, i jeans, la sigaretta in mano. Sulla spalla un tatuaggio e negli occhi la tristezza... In nessun modo era migliore degli altri. Tale e quale a tutti in quel paese.

Ol'ga se ne stava seduta e fumava, e le nuvole di fumo la avvolgevano, e nel fumo nascevano dei pensieri amari come l'assenzio che cresceva intorno alla casa. Perché è tutto sbagliato? Perché non ci sono soldi? Perché non c'è felicità? Perché c'è la guerra? Forse erano loro stessi i colpevoli di tutto. E lei non era meno colpevole. "Probabilmente è per questo che mi è caduto un mattone in testa...". Chissà che cosa avevano combinato, che cosa avevano compromesso per arrivare a tutto quello schifo. E probabilmente Dio si era stufato di loro e, stanco, si era girato dall'altra parte.

Lei se ne stava seduta e fumava. Ma non sapeva che Dio non si era girato dall'altra parte. Solo non lo poteva distinguere tra le nuvole del fumo grigio azzurro. Eppure Lui la vedeva. Dio era con lei. Dio era con suo figlio Maksim che proprio in questo momento era seduto sul davanzale di una casa semidistrutta a Gudermes e le scriveva una lettera, senza sapere che un cecchino ceceno lo stava prendendo di mira. Il cecchino sparò, ma fallì il bersaglio.

Dio era con quei ragazzi al circolo che, ubriachi marci, per poco non appiccarono un incendio. Ma di lì, davvero a proposito, era passato Uchmylin, il guardiano della scuola. Aveva cacciato i ragazzi e spento tutto.

Dio era con Vitja e Tanja che a braccetto girovagavano senza meta. Barcollavano e avevano la vista annebbiata, eppure non caddero nella fossa del letame che spuntava sul loro cammino.

Dio era con Ženja Smirnov che, aggrappandosi al recinto, andava a casa e si lamentava: "Io... ancora una volta... un bel giorno... bere questa merda... tutte le budella in subbuglio... cacchio...".

пожар. Но в клуб очень кстати заглянул школьный сторож Ухмылин. Он выгнал подростков и всё потушил.

Бог был с Витей и Таней, которые, обнявшись, шли куда глаза глядят. Они качались, и в глазах у них всё расплывалось, но всё же они не свалились в яму с компостом, которая возникла у них на пути.

Бог был с Женей Смирновым, который, хватаясь за заборы, шел домой и стонал: «Чтобы я... ещё раз... когда-нибудь... выпил это фуфло... все кишки наизнанку... блин...»

И, наверно, какой-нибудь ангел спас Костю Дубограева, который, разогнавшись на своем «Урале», чуть не врезался в столб. Но ему повезло.

Бог был со всеми людьми – с молодыми и старыми, с теми, кто носил крестик, и с теми, у кого его не было. Но они-то об этом не знали и поэтому курили, матерились, орали друг на друга, дрались и пили тормозную жидкость.

Бог был со всей нашей страной, которая переживала очень трудное время и могла развалиться на части, но не разваливалась. Он был с президентом страны, которого все ругали, потому что он, став президентом, сделал много ошибок. Но он старался их исправить. И Бог был с ним.

День прошёл.

В этот день в Кабинете министров прошло совещание. Говорили о том, как помочь регионам.

В Стекловке закрылся литейный завод. Рабочие вышли на митинг.

На Московской железной дороге загорелся товарный состав с бензином.

В Охотском море пропало рыболовецкое судно «Баклан». Найти его не могли из-за шторма.

Олигарх Сиротинин купил себе новую яхту.

Милиция ловила бандитов.

Бандиты убивали друг друга в криминальных разборках.

Известный аферист Сергей Мавроди сидел дома и пересчитывал деньги.

Священники молились за страну.

E probabilmente un angelo salvò Kostja Dubograev che, correndo all'impazzata sulla sua motocicletta "Ural", per poco non si schiantò contro un palo. Ma ebbe fortuna.

Dio era con tutte le persone, con i giovani e con i vecchi, con chi portava una piccola croce e con chi no. Ma questo loro non lo sapevano. Perciò fumavano, bestemmiavano, sbraitavano l'uno contro l'altro, facevano a pugni e bevevano l'olio dei freni.

Dio era con tutto il nostro Paese che stava attraversando tempi molto difficili e che avrebbe potuto cadere a pezzi, ma che non cadeva. Era con il presidente del Paese che tutti criticavano, perché una volta diventato presidente aveva commesso molti errori. Ma stava cercando di correggerli. E Dio era con lui.

Il giorno è trascorso.

In questo giorno il Consiglio dei Ministri si è riunito. Si è parlato di come aiutare le regioni.

A Steklovsk è stata chiusa una fonderia. Gli operai hanno organizzato una manifestazione.

Sulla linea ferroviaria di Mosca ha preso fuoco un treno cisterna che trasportava carburante.

Nel Mare di Ochotsk si è perso il peschereccio *Baklan*. Non si è riusciti a trovarlo a causa della tempesta.

L'oligarca Sirotinin si è comprato un nuovo yacht.

La polizia stava dando la caccia ai criminali.

I criminali si stavano ammazzando l'un l'altro in un regolamento di conti.

Il famoso uomo d'affari Sergej Mavrodi stava seduto a casa a contare i soldi.

I preti stavano pregando per il Paese.

Boris Berezovskij stava elaborando un piano segreto per entrare in possesso di Aeroflot.

Lo scrittore Aleksandr Solženicyn stava pensando di scrivere un nuovo libro su come salvare la Russia.

L'attore Zabaluev si è separato dalla moglie. I giornalisti si stavano dilungando sui particolari.

Mentre in Cecenia si stava combattendo.

Ol'ga Egorova si addormentò tardi. Aveva fumato così tanto che nella sua testa era tutto confuso e i pensieri imbrogliati. Semplicemente non sapeva come avrebbe vissuto ora. Sotto la finestra un teppista sbraitava. I vicini di fronte davano una festa a base di alcol.

Борис Березовский разрабатывал тайные планы о том, как прибрать к рукам «Аэро-флот».

Писатель Александр Солженицын обдумывал новую книгу о том, как спасти Россию.

Актер Забалуев разошёлся с женой. Журналисты смаковали подробности.

А в Чечне шли бои.

Ольга Егорова уснула поздно. Она так накурилась, что в голове у нее всё смешалось, и мысли спутались. Она просто не знала, как теперь жить. Под окошком орала шпана. У соседей напротив шла пьянка-гулянка.

– Я вас буду живьём конопатить! – кричал Колька Сирин, известный скандалист и са-могонщик.

Но погасли огни. И затихла деревня. В небо выплыл серебряный месяц.

Всё уснуло кругом. Только в тёмной траве стрекотали кузнечики. И Ольга Егорова не заметила, как отключилась.

Лунный луч проник в окно, дотронулся до Ольгиных всклокоченных волос. Как будто погладил по голове. Но Ольга об этом не знала.

Ей приснился Максим. Он стоял с автоматом на фоне каких-то развалин. Он улыбнулся и сказал: «Ты не волнуйся, мама, я вернусь. Всё будет хорошо!».

– Vi scuoiereò vivi! – gridò Kol’ka Sirin, noto attaccabrighe e fabbricante di vodka artigianale. Ma le luci si spensero. E il paese tacque. Nel cielo spuntò la luna argentata. Intorno tutto era addormentato. Solo le cavallette stridevano nell’erba buia. E Ol’ga Egorova non si rese conto di perdere conoscenza. Un raggio di luna penetrò dalla finestra e le sfiorò i capelli arruffati, come per accarezzarle la testa. Ma Ol’ga questo non lo sapeva. Vide in sogno Maksim. Era in piedi col fucile sullo sfondo di alcune rovine. Sorrise e disse: “Non preoccuparti mamma, tornerò. Andrà tutto bene!”.

Биография

Ксения Романова (1980). Родилась в России, в городе Уфе. Сочинять начала еще в детстве, тогда же её первые рассказы начали печатать детские газеты и журналы. В настоящее время живет в Петербурге. Окончила Санкт-Петербургский государственный университет, филолог. Работает в прессе, готовит к изданию сборник рассказов. Пишет о жизни и о людях. Последняя публикация – в сборнике *Молодой Петербург*, рассказ «Ничейное поле».

Nota biografica

Ksenija Romanova (1980). Nata in Russia, nella città di Ufa. Ha cominciato a scrivere da piccola. I suoi primi racconti sono stati pubblicati su giornali e riviste per bambini. Ha studiato Lingue presso l'Università Statale di San Pietroburgo, città nella quale attualmente vive. Lavora nel settore giornalistico e sta pubblicando una raccolta di racconti. Scrive della vita e delle persone. La sua ultima pubblicazione è il racconto *Il campo di nessuno*, apparso nella raccolta *Giovane Pietroburgo*.

Отзыв о рассказе

Жанр рассказа – один из самых сложных в литературе. Он требует от автора особой писательской ёмкости, когда при изображении единичного «горизонтального» события из жизни той или иной личности необходимо воплотить на нескольких страницах захватывающую читателя «вертикальную» общечеловеческую проблематику с помощью безошибочного отбора соответствующих психологических, исторических, бытовых и иных художественных деталей и нюансов. Ксения Романова демонстрирует профессиональное умение передать отдельными штрихами внешний облик и внутреннее смятение деревенской женщины, чей сын оказался на войне в Чечне. Заросшие травой ступени храма, промелькнувшая под его сводами испуганная ласточка, тяжёлая дверь с облупившейся краской, растущие на стенах кусты, лучи заходящего солнца в проёме разбитых окон рисуют до боли знакомый и зримый образ разрушенного духовного пространства, в запустении и безмолвии которого мать сердечно и неумело молится за спасение сына. Эта молитва приводит её к новому взгляду на происходящее вокруг, даёт возможность увидеть войны и разрушения в сознании и душах людей, сопрягать собственные страдания с переживаниями за судьбу целой деревни и всей страны, задавать себе и читателю неожиданные «достоевские» вопросы: «Почему все не так? Почему нету денег? Почему – война? Может быть, они сами во всём виноваты. И она виновата не меньше...»

Борис Тарасов

Nota critica

Il genere del racconto è uno dei più complessi della letteratura. Richiede all'autore una particolare maestria nella scrittura: la rappresentazione di un unico evento "orizzontale" della vita di questa o quella persona deve incarnare, attraverso alcune pagine che travolgono il lettore, una problematica "verticale" universale. Ciò avviene grazie a una selezione perfetta di sfumature e adeguati elementi psicologici, storici, di vita quotidiana e altri tratti artistici. Ksenija Romanova dimostra una grande abilità nel rendere, attraverso singoli particolari, la fisionomia esteriore e lo scompiglio interiore di una donna di campagna, il cui figlio è in Cecenia a combattere. I gradini della chiesa ricoperti di erba, la rondine spaventata che guizza sotto le volte, la pesante porta con la vernice scrostata, gli arbusti cresciuti sulle pareti, i raggi del sole al tramonto che passano tra le finestre rotte, tutto ciò dipinge con grande dolore l'immagine familiare e tangibile di uno spazio spirituale distrutto, nella desolazione e nel silenzio del quale la madre prega affettuosamente e goffamente per la salvezza del figlio. Questa preghiera le fa vedere con occhi diversi le cose che accadono intorno a lei, le offre la possibilità di scorgere la guerra e la distruzione nella coscienza e nell'animo delle persone e quindi di coniugare il proprio personale dolore ai timori per il futuro dell'intero villaggio e di tutto il Paese. E alla fine la madre pone a se stessa e al lettore delle inattese domande di natura *dostoevskiana*: "Perché è tutto sbagliato? Perché non ci sono soldi? Perché non c'è felicità? Perché c'è la guerra? Forse [sono] loro stessi i colpevoli di tutto. E lei non [è] meno colpevole".

Boris Tarasov

Эльвира Фарниева

Перевод Александра Фиандра

Èl'vira Farnieva

Traduzione in italiano di Alessandra Fiandra

ТОРТУРРА

«Законы подвергают тебя пыткам, поскольку ты
– преступник, поскольку ты мог бы быть преступ-
ником, поскольку я хочу, чтобы ты был им»
Чезаре Беккариа “О преступлениях и наказаниях”

Welcome to the torture chamber Said the sign above
the entrance

Helloween – Mr. Torture

Темно.

Его шаги удаляются. Хлоп.

Больвосстановлениебольвосстановлениециклокончен.

Краска капает с моего носа – кап, кап. Фонарь над головой раскачивается – скрип, скрип. Цепи позванивают заманчиво – дзынь, дзынь. Свет. Я поднимаю голову.

У них у всех сначала одинаковые лица – скучные. Ничего не выражающие. Пустые. Первая версия меня была не слишком увлекательной. Кому интересна вялая кукла с нелепым телом и лицом вроде тех, что рисуют в своих альбомах очень маленькие дети или умственно отсталые – кружок, узкие щели глаз, носа, рта? Никакой мимики, никаких жестов. Я мог только раскачиваться туда-сюда и уворачиваться от бросков камней или дротиков через раз. На второй раз в меня непременно попадали.

Из инструментов были краска, дротики, камни, нож, пила. Все. Зато теперь...

Этот посетитель наверняка выберет сюрикены. Или катану. У него крашенные в рыжий и зеленый цвета перья волос, одутловатые щеки, пивное брюшко, давно не стираемая

TORTURA

«Le leggi ti tormentano, perché sei reo, perché
puoi esser reo, perché *voglio che tu sii reo*».

Cesare Beccaria, *Dei delitti e delle pene*

Welcome to the torture chamber Said the sign
above the entrance.

Halloween - Mr. Torture

Buio.

I suoi passi si allontanano. Un colpo.

Doloreripresadoloreripresacicloconcluso.

La vernice mi gocciola dal naso, plof plof. La lampada sulla mia testa oscilla, criiic criiic. Le catene stridono invitanti, zing zing. Luce. Sollevo la testa.

All'inizio hanno tutti lo stesso volto, malinconico. Senza alcuna espressione. Vuoto. La prima versione di me non era troppo attraente. A chi può interessare un bambolotto avvizzito con un corpo ridicolo e una faccia come quella che disegnano nei loro album i bambini molto piccoli o mentalmente ritardati (un cerchietto, le piccole fessure degli occhi, del naso e della bocca)? Nessuna mimica, nessun gesto. Potevo solo dondolare di qua e di là e schivare i lanci di pietre e giavellotti al primo colpo. Al secondo tentativo mi prendevano sempre.

Tra gli strumenti c'erano la vernice, i giavellotti, le pietre, un coltello, una sega.

E basta. Mentre ora...

Di sicuro questo visitatore sceglierà gli *shuriken*. O la *katana*. Ha le punte dei capelli tinte di biondo rame e verde, le guance gonfie, la pancia da bevitore di birra, una maglietta nera che non lava da

черная майка с надписью «Я за водородную бомбу», нос с лиловыми жилками, губы злого ребенка. Выцветшие серые глаза.

Он долго осматривает разложенные на черном бархате блестящие вещички и выбирает катану. Откладывает ее в сторону и берет кисть. Начинает рисовать мое новое лицо.

– Что, дождалась, дрянь? – он высовывает кончик языка и прикусывает его. В глазах наконец появляется подобие выражения. Злоба. – Щас, щас. Погоди минутку.

Закончив с лицом, переходит к моей фигуре. Я чувствую, как моя грудь округляется, талия сужается, бедра расширяются. Я стал женщиной.

У меня длинные светлые волосы и красивое тело. Я идеально подхожу для его целей. Он кладет кисть и снова берет катану.

Вторая версия завоевала довольно много поклонников во всем мире. Улучшенная графика, вполне человеческое лицо, расширенный набор инструментов. Я научился кричать и плакать. Хлоп. Он ушел. И не потушил фонарь. В кружке света, пляшущем по каменному полу, видны бурые пятна. Но руки и ноги уже приросли обратно, раны на животе и груди затянулись. Я цел. Я дышу. Я двигаюсь... насколько позволяют прикованные руки. Распахиваются сразу несколько дверей. Из одной выходит пожилая дама в строгом костюме, из другой – юноша в рубашке и комбинезоне, похожий на фермера, из третьей – мальчик в пижаме, лет двенадцати, с угреватым лбом.

Дама действует решительно. Она берет в левую руку молоток для отбивания мяса, в правую – зеркало. Поворачивает зеркало к себе и затем ко мне. Отражение входит в мои черты, как в мягкое масло. Теперь я – она.

Фермер хватается за хлыст и за скрамасакс с рукоятью, украшенной рубином. Рубин вспыхивает на свету, и я вспоминаю кусочек другого мира, проблеск из-за спины очередного посетителя – угол стола, взлетевшую занавеску, засыхающие ромашки в глянцеvито-черном кувшине, птичку в клетке, чистящую перья острым красным клювом. Он замахивается, я издаю первый жалобный стон. Пожалуйста, не надо. Пожалуйста. Мне больно.

tempo con la scritta “W la bomba all'idrogeno”, un naso con le venuzze lilla, le labbra da bambino cattivo. Spenti occhi grigi.

Esamina a lungo gli oggetti scintillanti disposti sul velluto nero e sceglie la *katana*. La mette da parte e afferra il pennello. Inizia a dipingere il mio nuovo volto. “Che c'è, non vedevi l'ora, carogna?”, tira fuori la punta della lingua e se la mordicchia. Nei suoi occhi finalmente si accende una parvenza di espressione. Cattiveria. “Adesso ti faccio vedere io. Aspetta solo un minuto”.

Finito col viso, passa al mio corpo. Sento che il mio petto si fa più tondo, la vita si restringe, i fianchi si allargano. Sono diventato una donna.

Ho lunghi capelli chiari e un bel corpo. Sono l'ideale per il suo scopo. Posa il pennello e riprende la *katana*.

La seconda versione si è conquistata non pochi ammiratori in tutto il mondo. Grafica perfezionata, un volto assolutamente umano, un maggiore assortimento di strumenti. Ho imparato a gridare e piangere. Un colpo. È uscito. E non ha spento la lampada. Nel cerchio di luce che danza sul pavimento di pietra si vedono macchie marrognose. Ma le braccia e le gambe si sono già rigenerate, le ferite sulla pancia e sul petto rimarginate. Sono completo. Respiro. Mi muovo... per quanto lo consentono le braccia incatenate.

Si aprono contemporaneamente diverse porte. Da una entra una donna anziana con un abito austero; dall'altra un giovane in camicia e tuta che sembra un contadino; dalla terza un ragazzino in pigiama, avrà dodici anni, con la fronte coperta di brufoli.

La donna si muove decisa. Con la mano sinistra prende il martello per battere la carne, con la destra uno specchio. Ruota lo specchio verso se stessa e poi verso di me. Il riflesso attraversa i miei tratti come morbido burro. Ora io sono lei.

Il contadino afferra la frusta e lo *scramasax* con l'impugnatura di rubino. Alla luce, il rubino si accende, e io ricordo un pezzo di un altro mondo, il bagliore dietro la schiena dell'ennesimo visitatore: lo spigolo di un tavolo, una tenda mossa dall'aria, camomille essiccate in una nera brocca lucida, un uccellino in una gabbia che si pulisce le piume con il sottile beccuccio rosso. Lui si decide, io emetto il primo gemito di dolore. Per favore, no. Per favore. Mi fa male.

Мальчик, как и фермер, ленится нарисовать меня нового или хотя бы отзеркалить, он облизывает губы, заряжает кислотой специальный пистолет и прицеливается, изображая ковбоя. Огонь!

Кувшин прекрасен, ромашки прекрасны, птичка прекрасна. Птичка. Кувшин. Ромашки. Занавескаааааааа. Остатки меня на полу.

Кислота дымится. Мои волосы дымятся и плавятся.

Третья версия вошла в золотую десятку игр. Суперграфика, суперзвук, возможность переделать меня по собственному желанию, но главное – мой интеллект.

Я способен реагировать на действия посетителей как разумное существо. Я меняю манеру поведения в зависимости от ситуации, я обладаю повышенным словарным запасом, я умею умолять. Я способен провоцировать нерешительного посетителя, могу оскорбить его или подразнить, могу даже отпустить пару неприличных шуточек.

Знаете какую-нибудь свежую шутку? Моя база данных не обновлялась с прошлого месяца. Странно. Обычно Создатель подкидывает по пять-шесть в неделю.

Темнота, темнота. Очень странно. В том мире, кажется, наступает ночь, а в этот период посетители активны как никогда. Но двери молчат. Никого нет.

Впервые у меня есть возможность побыть в одиночестве.

И оно мне нравится. Одиночество похоже на поверхность того кувшина, оно кажется черным, но если вглядываться достаточно долго, появятся и поплывут по кромке горлышка таинственные, радужно всплескивающие разводы – пульс времени, дыхание тишины. Тишина. Как приятно, оказывается, слушать тишину, а не свой или чужой крик. Устал я.

Как только я осознаю это, усталость наваливается на плечи так, что цепи начинают трещать, не выдерживая веса тела. Скобы похрипывают, но остаются в стенах.

Четвертая версия стала хитом продаж. Я научился чувствовать боль.

Il ragazzino, come il contadino, non ha voglia di dipingere un nuovo me o di usare lo specchio. Si lecca le labbra, carica con l'acido un'apposita pistola e prende la mira, fingendosi un cowboy. Fuoco! La brocca è meravigliosa, le camomille sono meravigliose, l'uccellino è meraviglioso. L'uccellino. La brocca. Le camomille. La tendaaaaaaa. Pezzi di me sul pavimento. L'acido esala fumo. I miei capelli esalano fumo e fondono.

La terza versione è entrata nella *top ten* dei giochi. Supergrafica, supersuono, possibilità di trasformarmi a piacere, e, cosa più importante, la mia intelligenza. Sono in grado di reagire alle azioni dei visitatori come un essere pensante. Cambio comportamento a seconda delle situazioni, posseggo un vocabolario più vasto, so implorare. Sono in grado di provocare il visitatore indeciso, posso offenderlo o stuzzicarlo, posso perfino sparare un paio di battute sconvenienti.

Conoscete qualche nuova storiella? La mia banca dati non è stata aggiornata nell'ultimo mese. Strano. Di solito il Creatore ne aggiunge cinque o sei ogni settimana.

Oscurità, oscurità. Molto strano. Sembra che in quel mondo si stia facendo notte, e in questo periodo i visitatori sono più attivi che mai. Ma le porte tacciono. Non c'è nessuno.

Per la prima volta ho la possibilità di rimanere solo.

E mi piace. La solitudine è come la superficie di quella brocca, sembra nera ma, se la si osserva abbastanza a lungo, appaiono e ondeggiano sull'orlo del collo misteriosi arabeschi baluginanti: il polso del tempo, il respiro del silenzio. Silenzio. Com'è piacevole ascoltare il silenzio, e non le proprie grida o quelle altrui. Sono stanco.

Non appena me ne accorgo, la stanchezza mi si riversa sulle spalle, tanto che le catene prendono a stridere, incapaci di sostenere il peso del corpo. Le staffe si inclinano, ma rimangono ancorate alle pareti.

La quarta versione è stata campione di incassi. Ho imparato a provare dolore.

Я, кажется, задремал. Непростительное действие для жертвы. Простите, говорю я.

– Откуда ты знаешь это слово? – спрашивает невысокий худой мужчина с белыми волосами. У него вид еще более усталый, чем у меня. Небрежно накинутый на плечи зеленый халат не скрывает плохо выглаженной рубашки в мелкую клетку. На правой брючине желтое пятнышко майонеза или краски. Под глазами круги. Темные глаза. Они не пустые. Лицо не пустое, как у всех. Просто знаю, отвечаю я на вопрос.

Допущена ошибка, внимание. Неправильная модель поведения. Я понимаю это по его лицу. Оно ужасно.

– Я исключил это слово из твоего словаря, марионетка. Ты вообще не можешь его знать. Он замолкает и смотрит мне под ноги.

Я впервые не могу подобрать ответ. Что-то в нем неправильно. Что? Что?

Мужчина поднимает голову. В нем зарождается чувство, но какое – я не могу определить. Не злость, не ярость, не страх перед самим собой или окружающим миром. Не отвращение и желание помучить.

Он открывает рот, запрокидывает голову и начинает смеяться.

Смех. Я распознаю это действие как смех, поскольку его определение есть в моей базе данных, но... но не понимаю...

– О, Боже ты мой, я тебя создал, – он гогочет, как животное (забыл название), его плечи трясутся. – Я же хотел творить миры, понимаешь ты это, кукла? Миры! Хотел снять анимационный фильм столетия, чтобы у каждого зас.ца, старого или молодого, слезы текли из глаз от первой минуты и до финальных титров! А вместо этого создал тебя! Мирную овцу, лижущую руки забойщику! Ну, разве это не каламбур века!

Я шевелю пальцами рук и звякаю, привлекая его внимание. Он вытирает глаза кулаком. Программа перегружена. Я не выполнил своей основной функции, посетитель. Возможно, вы захотите прийти в следующий раз. Надеюсь, вы будете беспримерно жестоки.

– Ты идиот? – он сжимает и другой кулак. – Я – твой Создатель! Я написал твою программу. Я повесил тебя на этих вонючих цепях и дал возможность каждому придурку

A quanto pare mi sono appisolato. Imperdonabile per una vittima. Scusi, dico.

“Come conosci questa parola?” chiede un uomo magro e piuttosto basso con i capelli bianchi. Ha un’aria ancora più stanca della mia. La vestaglia verde gettata con noncuranza sulle spalle non nasconde una camicia a quadrucci dal pessimo aspetto. Sulla gamba destra dei pantaloni una macchia giallognola di maionese o vernice. Borse sotto gli occhi.

Occhi scuri. Non sono vuoti. Il suo volto non è vuoto come quello di tutti gli altri. La conosco e basta, rispondo alla sua domanda.

Ho commesso un errore, attenzione. Comportamento inaccettabile. Lo capisco dal suo viso. È terribile.

“Ho escluso questa parola dal tuo vocabolario, marionetta. Non puoi conoscerla”. Si zittisce e mi guarda con disprezzo.

Per la prima volta non riesco a trovare la risposta giusta. C’è qualcosa di sbagliato.

Cosa? Cosa?

L’uomo alza la testa. In lui si accende un’emozione, ma non so dire quale. Non rabbia, né collera, né paura di sé o del mondo che lo circonda. Né disgusto o desiderio di torturare.

Apri la bocca, rovescia la testa all’indietro e comincia a ridere.

Una risata. Identifico questa azione come una risata perché la sua definizione è presente nella mia banca dati, ma... ma non capisco...

“Oh, mio Dio! Io ti ho creato” gracchia come un animale (ne ho dimenticato il nome), le sue spalle tremano. “Io volevo forgiare nuovi mondi, lo capisci questo, burattino? Mondi! Volevo girare il cartone animato del secolo, per il quale qualunque stronzo, vecchio o giovane che fosse, avrebbe versato lacrime dal primo minuto fino ai titoli di coda! E invece ho creato te! Un agnello sacrificale che lecca la mano del suo carnefice! Non è il paradosso del secolo?”.

Muovo leggermente le dita delle mani e faccio tinnire le catene, attirando la sua attenzione. Si asciughi gli occhi con un pugno.

Il programma è sovraccarico. Io non ho eseguito il mio compito principale, visitatore.

Forse preferisce tornare un’altra volta. Spero che sarà più crudele che mai.

“Sei idiota o cosa?”. Stringe anche l’altro pugno. “Io sono il tuo Creatore! Sono io che ho scritto

планеты Земля изрубить тебя на фарш! Скажи мне, что ты об этом думаешь! Плюнь мне в лицо, ты же можешь, убожище виртуальное! Давай! Давай!

Брызги его слюны оседают на моих щеках. Если бы я мог, я бы утерся. Но не могу.

Он поворачивается, берет арбалет, заряжает и начинает стрелять.

Один.

Двадцать лет, вы, сволочи! Двадцать лет в компании «УльтраРеалити», и вот результат!

Два.

Я задержусь на работе, милый, как обычно! Забери Наину из продленки! Конец года, много контрактов! Контрактов!

Три.

Он вздрагивает, и болт попадает не в мою грудь, а в левое колено. Я кричу очень громко.

– Ненавижу! Дрянь! Ненавижу тебя! Твой красивый мальчик куска навоза не стоит! Не стоит нашей семьи! Дочери! Жизни! А–а–а–а!

Четыре.

Я умираю, но еще в сознании. Его голос доносится издалека. Плохо вижу. По лбу стекает кровь.

– Я не учил тебя прощать, слышишь? Не смей (пинок тяжелым ботинком в пах) меня (пинок в раздробленное колено) прощать!

Слышится свист топора.

Больвосстановлениебольвосстановлениециклокончен. Темнота?

Нет, не совсем. Дверь приоткрыта. Он ушел, но оставил щелочку. В нее льется свет.

Кто-то открывает дверь шире и входит.

Маленькая девочка. Мышиные волосики, темные грустные глаза. Живая. Живое лицо.

Она кого-то напоминает.

Смотрит на меня с ужасом. Топчется на пороге. Делает шаг назад. Я боюсь дышать. Не хочу ее спугнуть.

Не уходи, говорю я. Пожалуйста.

il tuo programma. Io che ti ho appeso a queste sudice catene dando la possibilità a qualsiasi scemo sulla faccia della Terra di maciullarti come carne tritata! Dimmi che ne pensi! Sputami in faccia, dato che puoi farlo, miserabile essere virtuale! Coraggio! Coraggio!”.

Gli schizzi della sua saliva precipitano sulle mie guance. Se potessi, mi asciugherei. Ma non posso. Si volta, afferra la balestra, carica e inizia a sparare.

Uno.

Vent’anni, canaglie! Vent’anni nella compagnia UltraReality ed ecco il risultato!

Due.

Mi trattengo al lavoro, caro, come al solito! Passa a prendere Naina a scuola! Siamo a fine anno, ci sono molti contratti! Contratti!

Tre.

Sussulta, e il dardo non finisce sul mio petto ma sul ginocchio sinistro. Grido fortissimo.

“Ti odio! Carogna! Ti odio! Il tuo bel ragazzino non vale un pezzo di merda! Non vale la nostra famiglia! Nostra figlia! La nostra vita! Aaaa!”.

Quattro.

Muoio, ma non ho ancora perso i sensi. La sua voce mi arriva da lontano. Ci vedo poco. Sulla fronte scorre del sangue.

“Non ti ho insegnato a chiedere scusa, mi senti? Non osare (calcio sull’inguine con lo stivale pesante) chiedermi (calcio sul ginocchio ridotto in frantumi) scusa!”.

Si sente il sibilo della scure.

Doloreripresadoloreripresacicloconcluso. Oscurità?

No, niente affatto. La porta è socchiusa. È uscito, ma ha lasciato uno spiraglio. Da lì si irradia la luce. Qualcuno apre di più la porta ed entra.

Una bambina. Capelli da topino, tristi occhi scuri. Viva. Un volto vivo. Ricorda qualcuno.

Mi guarda con terrore. Esita sulla soglia. Fa un passo indietro. Ho paura a respirare. Non voglio spaventarla.

Non andartene, dico. Per favore.

Она медлит, раздумывает. Потом подходит ближе. Медленно–медленно. Не сводит с меня испуганных глаз.

Ты одна из папиных игрушек? – шепчет она. Да.

Почему ты такой страшный? Другие игрушки красивые и смешные.

Он забыл меня доделать. Оставил и ушел. Но он вернется.

Она не знает, что еще сказать. Подвигается к столику с инструментами, приподнимается на цыпочки.

Не трогай, прошу тебя.

Неправильная модель поведения. Что со мной?

Я должен уговорить ее взять нож, тот, что слева, должен...

Нет.

Я чувствую, как нечто внутри меня вступает в конфликт с заложенной программой.

Нетнетнетнетнетнетнетнетнетрогайничего.

Ты причинишь себе боль, говорю я. Осторожно.

Она отшатывается от столика, делает два шага ко мне. Теперь она почти рядом. Будь у меня свободна рука, я мог бы дотронуться до ее мышиных волос с вплетенными в них забавными резинками. Каждая резинка – с буквой. Не могу.

И в первый раз за свое существование я жалею об этом.

– Ты не хочешь выйти отсюда? – голос у нее тихий, нижняя губка подрагивает. – Не хочешь выйти на свободу?

Свобода. Я за миллионную долю секунды проверяю свою базу данных. Результат поиска – ноль.

Объясни, что такое свобода, говорю я.

Наина ушла. Свет погас.

Все двери на замке. Я их контролирую.

Чувствую подаренный ею браслет из букв–бусин на лодыжке правой ноги.

Non sa decidersi, indugia. Poi si avvicina. Pian pianino. Non mi stacca di dosso gli occhi impauriti.
Sei uno dei giochi di papà?, sussurra. Sì.
Perché sei così spaventoso? Gli altri giochi sono belli e divertenti.
Ha dimenticato di finirmi. Mi ha lasciato qui ed è uscito. Ma tornerà.
Non sa cos'altro dire. Si accosta al tavolino con gli strumenti, si solleva sulle punte.
Non toccare, te ne prego.
Comportamento inaccettabile. Che mi succede?
Devo convincerla a prendere il coltello, quello sulla sinistra, devo...
No.
Sento che qualcosa dentro di me è in conflitto con il programma predefinito.
Nononononononononontoccare niente.
Ti farai male, dico. Attenzione.
Si allontana dal tavolino, fa due passi verso di me. Adesso mi è quasi accanto. Se avessi una mano libera, potrei arrivare a toccare i suoi capelli da topino intrecciati in quei simpatici elastici. Per ogni elastico una letterina. Non ce la faccio.
E per la prima volta dacché esisto me ne rammarico.
“Non vuoi andartene da qui?”, ha una voce bassa, il labbretto inferiore le trema. “Non vuoi essere libero?”.
Libero. In un milionesimo di secondo verifico la mia banca dati. Nessun risultato.
Spiegami cosa significa essere libero, dico.

Naina è andata via. La luce è spenta.
Tutte le porte sono sotto chiave. Le controllo.
Sento sulla caviglia destra il braccialetto di perline e letterine che mi ha regalato.

Tortura. Colui che mette alla prova gli sperimentatori.
Ora ho un nome. È indizio di un essere libero.
Ci sono anche altri indizi. Ad esempio l'assenza di catene e strumenti sul tavolino.

Тортурра. Тот, кто испытывает испытующих.

Теперь у меня есть имя. Это признак свободного существа.

Есть и другие признаки. Например, отсутствие цепей и инструментов на столике. Ромашки и птицы, не замкнутые в пределах кувшина или клетки. Любовь. Прощение. Радость. Смех.

Созидание. Бог.

Она не смогла объяснить мне все четко и ясно, но я знаю людей. И быстро делаю выводы.

Кроме того, могу п-р-е-д-с-т-а-в-л-я-т-ь.

Жду в темноте, когда одна из дверей откроется.

Это будете вы, я знаю. У вас будет в руках ключ.

И тогда я выйду на свободу.

Аз есмь Тортурра. Аз есмь ждущий. Аминь.

Le camomille e gli uccellini non sono confinati in una brocca o in una gabbia. Amore. Perdono.
Gioia. Riso.

Creazione. Dio.

Lei non mi ha saputo spiegare tutto in maniera chiara e precisa, ma conosco le persone. E traggio rapidamente le mie conclusioni.

Inoltre posso i-m-m-a-g-i-n-a-r-e.

Aspetto al buio che una delle porte si apra.

Sarete voi, lo so. Tra le mani avrete una chiave.

E io sarò libero.

Io sono Tortura. Io sono colui che aspetta. Amen.

Биография

Эльвира Фарниева. Родилась в славном городе Владикавказе 32 года тому назад. В школе и колледже начала писать стихи и прозу. Окончила филологический факультет Северо-Осетинского университета. По-настоящему писательская болезнь стала развиваться в 2010 году, когда работала учителем в школе. Написала несколько повестей и рассказов. Участвовала в литературных конкурсах, кроме того, увлеклась художественным переводом.

Biografia

Èl'vira Farnieva. Nata trentadue anni fa nella celebre cittadina di Vladikavkaz, ha iniziato a comporre versi e prosa già sui banchi di scuola. Ha terminato gli studi presso la facoltà di Lettere dell'Università dell'Ossezia Settentrionale. La sua sindrome da scrittura ha cominciato ad acuirsi nel 2010, mentre lavorava come insegnante in una scuola. Ha scritto diversi racconti e cronache e ha partecipato a vari concorsi letterari. Si è dedicata anche alla traduzione.

Отзыв о рассказе

Рассказ *Тортурра* следовало бы отнести к жанру социально–психологической фантастики. Впрочем, в наш век бесконечных полицейских сериалов, где кровь льется рекой, и жестких компьютерных «стрелялок» (чем больше трупов, тем выше твой игровой рейтинг), в нем, увы, не так уж много фантастического. Тортурра – совершенный виртуальный фантом, идеальная жертва, провоцирующая агрессию и отвечающая тайным склонностям к насилию и жестокости. Он способен принимать любой облик, страдать, испытывая настоящую боль, кричать и молить о пощаде. Но, вопреки замыслу его создателя, в «мальчике для битья» пробуждаются человеческие эмоции. Ему противны тупые лица своих мучителей, он мечтает об ином существовании в прекрасном и милосердном мире. Благодаря маленькой девочке с чистой душой и чистым сердцем он обретает свободу...

Короткий рассказ, написанный не без литературного изыска, демонстрирует глубину и начитанность автора, знание мирового художественного контекста. А еще – умение отыскать в сегодняшнем многоплановом литературном мире свою собственную тропинку и идти по ней, не сворачивая.

Нина Литвинец

Nota critica

Il racconto *Tortura* andrebbe attribuito al genere della fantascienza socio-psicologica. Tuttavia, in questo secolo di interminabili serie televisive poliziesche in cui il sangue scorre a fiumi e di feroci “cecchini da computer” (maggiore è il numero dei cadaveri, più alto è il punteggio), non sembra in realtà esserci molto di fantascientifico. Tortura è una riproduzione virtuale perfetta, la vittima ideale, che incoraggia all’aggressione e risponde alle esigenze di oscure propensioni alla violenza e alla crudeltà. È in grado di assumere qualsiasi aspetto, di soffrire, provare realmente dolore, gridare e invocare la grazia. Nondimeno, contro ogni aspettativa del suo creatore, nella “vittima sacrificale” si sviluppano sentimenti umani. I volti ottusi dei suoi carnefici sono per lui ripugnanti, sogna un’altra esistenza in un mondo meraviglioso e caritatevole. Grazie a una bambina dall’anima e dal cuore puri, troverà la libertà...

Questo breve racconto, scritto non senza una particolare ricercatezza formale, dimostra lo spessore e l’erudizione dell’autrice, la sua conoscenza del contesto artistico mondiale. E ancora, la capacità di individuare la propria strada nel polifonico mondo letterario di oggi, e di seguirla, senza mai deviare.

Nina Litvinec

Giovani traduttori italiani
Молодые итальянские переводчики

Alessandro Bonomelli. Nato nel 1986 in provincia di Verona, ha conseguito la laurea triennale in Lingue e letterature straniere all'Università di Bologna nel 2009, con una tesi sulle recenti politiche russe nel Caucaso, traducendo quattro articoli della giornalista A. Politkovskaja. Nel 2011 ha ottenuto la laurea specialistica nel programma internazionale MIREES con una tesi sulla diffusione delle energie rinnovabili in Russia. Studia la lingua russa dal 2005.

Алессандро Бономелли. Родился в 1986 г. в провинции Верона. Окончил филологический факультет Болонского Университета в 2009 году с дипломной работой о российской политике на Кавказе, основываясь на личных переводах четырёх статей журналистки А.С. Политковской. В 2011 году получил второй диплом в рамках международной программы MIREES с диссертацией по распространению возобновляемых источников энергии в России. Изучает русский язык с 2005 года.

Alessandra Fiandra. Nata in provincia di Roma nel 1986. Laureatasi in Lingue e culture straniere presso l'Università degli Studi di Roma Tre e specializzatasi in Traduzione letteraria presso l'Università "La Sapienza" di Roma, ha dedicato buona parte dei suoi sforzi accademici allo studio comparato della letteratura russa e portoghese, con ripetuti soggiorni nelle due nazioni. All'attività di traduttrice affianca quella di correttrice di bozze e di insaziabile lettrice.

Алессандра Фиандра. Родилась под Римом в 1986 г. Получив диплом по специализации "Зарубежная литература" в римском университете "Рома Тре", она занималась переводом художественных текстов в римском университете "Ла Сапьенца", одновременно изучая русскую и португальскую литературу и часто путешествуя по двум странам. Переводчик и корректор, она прежде всего – страстный книголюб.

Simona Nicoli. Nata a Modena nel 1977. Si è laureata con lode in Lingua e letteratura russa e tedesca, e ha terminato il dottorato di ricerca in Scienze della traduzione dal russo presso l'Università di Bologna. Attualmente vive a Mosca, dove insegna italiano e traduce testi in campo letterario, artistico e musicale.

Симона Николи. Родилась в Модене в 1977 г. Защитила диплом по русскому и немецкому языкам и литературе. Позднее закончила аспирантуру по переводоведению с русского на итальянский Болонского университета. В настоящее время живет в Москве, где преподаёт итальянский язык и переводит литературные и научные тексты (искусство и музыка).

Giorgia Pomarolli. Nata a Rovereto nel 1987. Ha studiato Lingua e letteratura russa presso l'Università degli Studi di Trento, laureandosi con il massimo dei voti con una tesi su Sergej Esenin dal titolo *Značenie oktjabr'skoj revoljucii v serdce poslednego poeta derevni*. Dal 2010 collabora con l'associazione italiana Aiutateci a Salvare i Bambini Onlus che promuove progetti a sostegno di bambini malati e orfani in Russia. Ha tradotto in italiano il libro di L. Ulickaja *Čelovek popal v bol'nicu*, pubblicato nel 2011 con il titolo *Un bicchiere di acqua fresca*.

Джорджия Помаролли. Родилась в 1987 г. в городе Роверето. Изучала русский язык и литературу в Университете Тренто и написала дипломную работу о Сергее Есенине (название *Значение октябрьской революции в сердце последнего поэта деревни*). С 2010 г. работает с итальянской ассоциацией «Помогите спасти детей», которая помогает детям и сиротам в России. В 2011 г. переводила на итальянский произведение Л. Улицкой *Человек попал в больницу* (итальянское название: *Un bicchiere di acqua fresca*).

Linda Torresin. Nata a Cittadella (Padova) nel 1986. Laureata in Lingue e letterature straniere all'Università Ca' Foscari di Venezia, è dottoranda presso la stessa università. Si occupa della letteratura russa del Novecento, e in particolar modo della prosa simbolista. Nel tempo libero scrive poesie e racconti.

Линда Торрезин. Родилась в Читтаделле (в провинции Падуя) в 1986 г. Училась в Венецианском университете «Ка Фоскари» на факультете иностранных языков. Теперь она является аспиранткой в том же университете. Занимается русской литературой 20-ого века, и в частности символистской прозой. В свободное время пишет стихи и рассказы.

INDICE
ОГЛАВЛЕНИЕ

- 4 Associazione Conoscere Eurasia
- 7 Istituto Letterario A.M. Gor'kij

- 9 ALMANACCO LETTERARIO 3
- 10 Antonio Fallico
Presidente dell'Associazione Conoscere Eurasia
- 15 Boris Tarasov
Rettore dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij
- 18 Premio Letterario Raduga
- 20 Albo d'oro del Premio Raduga
- 24 Giuria italiana
- 27 Giuria russa

- 31 GIOVANI NARRATORI ITALIANI
- 33 Paola Manuela Battaglia, *Maria di Magdala e Joshua di Nazareth*
Traduzione in russo di Anna Fedorova
- 51 Guido Del Duca, *Impressioni dal deserto*
Traduzione in russo di Anastasija Golubcova
- 65 Federica Di Rosa, *Treno per Tolgan*
Traduzione in russo di Marija Sudilovskaja

- 5 Ассоциация «Познаём Евразию»
- 6 Литературный институт имени А.М. Горького

- 9 ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ 3
- 11 Антонио Фаллико
Президент Ассоциации «Познаём Евразию»
- 14 Борис Тарасов
Ректор Литературного института им. А.М. Горького
- 19 Премия «Радуга»
- 21 Победители и финалисты Премии «Радуга»
- 24 Итальянское жюри
- 27 Российское жюри

- 31 МОЛОДЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ ПИСАТЕЛИ
- 33 Паола Мануэла Батталья, *Мария из Магдалы и Иешуа из Назарета*
Перевод Анны Федоровой
- 51 Гвидо Дель Дука, *Власть пустыни*
Перевод Анастасии Голубцовой
- 65 Федерика Ди Роза, *Поезд в Толган*
Перевод Марии Судиловской

- 81 Olga Paltrinieri, *12 giugno 2010*
Traduzione in russo di Tat'jana Bystrova
- 97 Silvia Valentini, *Solo un'ombra*
Traduzione in russo di Anastasija Klepikova
- 110 *Giovani traduttori russi*
- 115 GIOVANI NARRATORI RUSSI
- 117 Ekaterina Brjuchova, *Ce l'ho messa tutta*
Traduzione in italiano di Linda Torresin
- 133 Jurij Lunin, *Bestie*
Traduzione in italiano di Alessandro Bonomelli
- 151 Dmitrij Nikitin, *Dolore sordo*
Traduzione in italiano di Simona Nicoli
- 167 Ksenija Romanova, *La preghiera*
Traduzione in italiano di Giorgia Pomarolli
- 185 Èl'vira Farnieva, *Tortura*
Traduzione in italiano di Alessandra Fiandra
- 204 *Giovani traduttori italiani*

- 81 Ольга Пальтриньери, *12 июня 2010 года*
Перевод Татьяны Быстровой
- 97 Сильвия Валентини, *Всего лишь тень*
Перевод Анастасии Клепиковой
- 110 *Молодые российские переводчики*
- 115 МОЛОДЫЕ РОССИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ
- 117 Екатерина Брюхова, *Я старался*
Перевод Линда Торрезин
- 133 Юрий Лунин, *Гады*
Перевод Алессандро Бономелли
- 151 Дмитрий Никитин, *Тусклая боль*
Перевод Симона Николи
- 167 Ксения Романова, *Молитва*
Перевод Джорджия Помаролли
- 185 Эльвира Фарниева, *Тортурра*
Перевод Алессандра Фиандра
- 204 *Молодые итальянские переводчики*

Almanacco letterario 3

Conoscere Eurasia Edizioni

è stato stampato nel mese di maggio 2012

da Cierre Grafica, Quadrante Europa, via Ciro Ferrari 5,
37066 Caselle di Sommacampagna (Verona), Italia.

Литературный альманах – Выпуск 3

Издательство «Познаём Евразию»

напечатан в мае 2012 года

Чиэрре Графика, Куадранте Европа, ул. Чиро Феррари, 5
37066 Казелле ди Соммакампанья (Верона), Италия

Литературный институт
им. А.М.Горького

